ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Р.Г. КУЗЕЕВА
УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЭИ УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы VIII Всероссийской научно-практической
конференции молодых ученых
посвященной 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева
г. Уфа, 31 октября 2014 г.

Уфа 2014

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Печатается по решению
Ученого совета Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
Протокол № 12 от 02.12.2014 г.

Совет молодых ученых:

С.С. Алексеенко, А.Г. Баимов, И.И. Бахшиев, Э.В. Камалеев, А.Г. Колонских, Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, Т.М. Надыршин, А.И. Тузбеков, З.Р. Хабибуллина

Ответственный редактор:
А.Т. Ахатов

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых посвященной 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2014. – 132 с. – ISBN 978-5-94524-143-5

В сборнике опубликованы материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» посвященной 85-летию со дня рождения д.и.н., проф., член-корр. РАН Р.Г. Кузеева. Тематика статей охватывает актуальные проблемы истории, археологии, этнографии, религиоведения, межкультурного взаимодействия и сохранения этнокультурного наследия Урало-Поволжья.

Статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-94524-143-5

© Коллектив авторов, 2014
© ИЭИ УНЦ РАН, 2014

УДК 314.83

Алексеенко С.С.

Этнодемографическое развитие русского населения Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.

Этнические процессы являются не только важным элементом истории народов, но также влияют на изменение их численности. Взаимодействие между этнографией и демографией развивалось довольно медленно, но в конечном итоге на стыке этих наук стала формироваться особая отрасль знания – этническая демография, важной задачей которой явился анализ основных демографических показателей (рождаемость, смертность, брачность) в этническом аспекте и установление связи этих показателей с особенностями жизни, культуры и быта того или иного народа[1].

Будучи самой крупной и широко расселенной нацией, русские испытали на себе и наиболее сильное влияние всех важнейших политических, социально-экономических и социально-культурных процессов, происходивших в России с 1989 г.[2] Таким образом, осмысление сущности демографических изменений и расселение русских важно для понимания переживаемых этносоциальных процессов как в границах Республики Башкортостан, так и на территории Российского государства.

Динамика численности и расселение любого народа определяются тремя группами разнородных факторов: естественным движением населения, миграцией и этнотрансформационными процессами (ассимиляция, консолидация).

Численность русских в мире в 2010 г. составила около 133 млн. чел., из них в России проживали – 111 млн. чел. (77,8%). Русские на данный момент составляют большинство в 70 из 83 субъектах РФ. Численность русских в мире, России и на Южном Урале в последнее время сокращается. Например, в 2002 г. в России их было около 116 млн. чел. или 79,8%. На момент Всероссийской переписи 2010 г. в Республике Башкортостан проживало 1 432 906 русских, что составляет 35,2% населения республики. За межпереписной период (1989–2010 гг.) численность уменьшилась более чем на 115 тыс. человек.

Это обусловлено низкой рождаемостью при относительно высокой смертности, высокой миграционной подвижностью. Русское население – высоко урбанизированный этнос: по переписи населения 2010 г. удельный вес русских в городах республики составил 44,7% всех городских жителей. На город Уфу приходилось больше половины этого числа, хотя надо отметить уменьшение их доли к 2010 г. (48,9%), в связи с увеличением численности других народов, особенно, активная урбанизация башкир в

[1] *Канева Л. Я.* История изучения этнодемографических процессов у коми-иженцев. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2011. Вып. № 130. С. 53.

[2] *Сафин Ф.Г.* Вектор этнодемографических и этноязыковых процессов в современном Башкортостане. // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М., 2008. С. 107.

последние годы. Второе место по числу русских занимает г. Стерлитамак, затем города Салават и Белорецк, немного меньше – в Октябрьском, Кумертау, Благовещенске Русские, в основном проживая в городах, находятся в гуще социально-политической, экономической и культурной жизни РБ, играя свою роль во всех сферах жизнедеятельности. В то же время, как показывают исследования, урбанизация выступает фактором снижения рождаемости (меньшее количество детей в семье, пониженное здоровье, высокий темп жизни больших городов и т.д.).

В сельской местности проживает 333 188 человек русской национальности, или 20,7% всех сельских жителей республики (2010 г.). Стоит отметить тот факт, что по Всероссийской переписи 2002 г. их было 17,6%, т.е. видно, что тенденция прежнего уменьшения русских сельских жителей в 2010 г. не оправдалась. Тому есть причины. Во-первых, часть сельского населения, исповедующая христианство (православие) – мордва, чуваши, украинцы и т.д., стала идентифицировать себя, как русские[1]. Это особенность видна в соответственном уменьшении численности выше названных национальностей. Во-вторых, некоторые поселки городского типа, например, Раевка, Чишмы с недавнего времени стали называться сельскими поселения. Отсюда следует, что жители этих населенных пунктов определяют себя как сельские жители.

Русские имели численный перевес в 4 районах республики, где удельный вес данной национальности составлял более 60% численности населения района: Благовещенский, Уфимский, Дуванский, Белокатайский. Самое малочисленное русское население (менее 1000 человек) представлено в Илишевском, Бураевском, Балтачевском, Чекмагушевском, Татышлинском, Бурзянском районах.

Еще одна причина уменьшение численности русских – демографическое постарение населения, большая часть которого городские жители. С этим связана малая детность и высокая смертность.

Второстепенным фактором сокращения служит миграционный отток. Миграция играет позитивную роль, компенсируя падение численности русского населения. Дополнительным источником пополнения является ассимиляция в пользу русского языка и этничности среди иных групп. В целом речь можно вести о стагнации численности русских с тенденцией к сокращению по причине демографического старения[2].

Что касается естественного прироста, то на 1000 человек русских родилось в 1990 г.– 12,2, в 2000 г.– 8,6 детей, в 2010 г. – 7,8; тогда как у татар, соответственно, 16,9 и 9,1, у башкир 21,8 и 12,2 детей[3].

Из трех наиболее крупных этнических групп республики (русских, татар и башкир) русские имеют на протяжении последнего десятилетия наименее благоприятные показатели рождаемости и смертности. В доле родившихся за

---

[1] *Сафин Ф.Г., Баймухаметова Г.Р., Фатхутдинова А.И.* Региональные особенности этнодемографических процессов в Башкортостане (1989–2002 гг.). Уфа, 2011. С. 46.

[2] Русские (Этносоциологические очерки). М., 1992 . С. 24.

[3] *Сафин Ф.Г., Баймухаметова Г.Р., Фатхутдинова А.И.* Указ. соч. С. 39.

период с 1989 по 2010 г. русские составили только 30%. Напротив, среди умерших их доля была заметно выше – 41%. По этой причине русские дают самую значительную долю естественной убыли населения.

Другим немаловажным фактором, влияющим на изменение численности, является рост смертности населения. Интенсивность смертности значительно выше среди людей преклонного возраста, чем среди молодежи. Соответственно чем больше удельный вес первых в составе населения, тем большим будет абсолютное число смертей и общий коэффициент смертности (отношение числа умерших к численности населения). А раз в русском населении преобладает высокий процент пожилых, то соответственно и смертность у них выше. Смертность русских в 2002 г. составила 10,6; в 2010 г. – 14,2. Сравнивая межпереписной период 1989–2010 гг. среди 3-х наиболее многочисленных национальностей населяющих республики, высокий уровень смертности имеет русский этнос.

Другой компонент изменения численности населения – миграционный процесс, который не обладает сильной инерционностью, и скорее является одной из форм приспособления населения к меняющимся условиям существования. Русские больше стали мигрировать в Москву и Московскую обл., Санкт-Петербург и Ленинградскую обл., в Республику Татарстан, Челябинскую, Свердловскую области. Привлекательными в миграционном плане для жителей республики стали вновь районы Севера, особенно Тюменской обл. (миграционная убыль составляет 1,6 тыс. человек). Но, рассматривая этническую сторону миграции населения, можно определить, что русское население – наименее «мигрирующий» этнос.

Таким образом, анализ этнодемографических показателей республики за период 1989–2010 гг. свидетельствуют о том, что из-за наиболее худших показателей естественного движения, сокращения миграционного прироста и старения народа произошло дальнейшее сокращение удельного веса русских в республике с 39,3% в 1989 г. до 35,2% к 2010 г.

© Алексеенко С.С., 2014 г.

УДК 94(100)"1914/19"+091

Амантаев И.Ф.

«Великая» и «забытая» война на страницах редких изданий (по материалам фонда отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди РБ)

В этом году весь мир вспоминает 100-летие начала величайшего события в истории человечества – Первой мировой войны. В начале августа многие европейские страны с большим размахом отметили это событие. Так, в Бельгии собрались главы европейских государств и правительств. Безусловно, для стран-победительниц это событие стало большим поводом не только вспомнить эту войну, но и отдать дань уважения жертвам мирового конфликта. Ведь на фронтах Первой мировой погибли миллионы граждан Европы. Был повод вспомнить об этой войне и у Российской Федерации. Однако наша страна, не считая нескольких международных конференций и установки памятника героям Первой мировой войны, предпочла остаться в стороне от этого события. Хотя Российская империя понесла огромные потери в этой войне – больше 2 млн. человек.

28 июля 2014 г. ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) провел опрос у россиян, насколько они осведомлены о событиях 100-летней давности. Выяснилось, что более половины жителей России (58%) затруднились назвать причины начала войны. Лишь 15% россиян вспомнили повод к объявлению войны – убийство в г. Сараево австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда. Социологи также поинтересовались у респондентов, какое государство развязало Первую мировую войну. Почти половина россиян (47%) затруднились ответить, а более трети (37%) назвали Германию. Другие же считают зачинщиками военной кампании Британскую империю (2%), Францию (1%), США (1%) и др.[1] Возникает логический вопрос: почему так произошло, что многие наши граждане не знают об этой войне? Хотя прошло по историческим меркам не так много времени, а некоторые участники войны погибли совсем недавно. Так, последний ветеран, участвовавший в боевых действиях, австралиец Клод Шулз умер 5 мая 2011 г., а последний ветеран, участник войны от Российской империи, Михаил Ефимович Кричевский, умер 26 декабря 2008 г. У нас больше знают об Отечественной войне 1812 г. или о Куликовской битве.

Ответ на этот вопрос кроется, на наш взгляд, в истории нашей страны в XX в. и в том, кто эту историю создавал. Если вспомним, сразу после октябрьского переворота 1917 г., большевики, придя к власти, начали активно договариваться с представителями Центральных держав о заключении перемирия. В итоге 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключен сепаратный мир, и Россия из разряда стран-победительниц

[1] Каждый второй россиянин не знает, почему началась Первая мировая, кто против кого воевал – опрос [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Интерфакс-Россия» [Офиц. сайт]. 28.07.2014 г. URL: http://www.interfax-russia.ru/Center/citynews.asp?id=524536#.U9YUw8vxZx4.vk (дата последнего обращения: 30.10.2014).

перешла в разряд стран, проигравших войну. А о проигранных войнах в России не принято много говорить. Таким образом, по легкому мановению руки война была объявлена империалистической. В частности, вот что написано в «Большой советской энциклопедии»: «Первая мировая война 1914–1918 гг. – империалистическая война между двумя коалициями капиталистических держав за передел уже поделенного мира, передел колоний, сфер влияния и приложения капитала, порабощение других народов». На тему был наложен негласный запрет, изучать ее стало делом не актуальным. Поэтому в нашей стране практически нет фундаментальных исследований по этой проблеме. Все значимые публикации есть только на Западе. Поэтому многие у нас в стране не знают об этом событии.

В данной статье мы хотим пролить свет на некоторые стороны нашей недавней истории, в частности, познакомить с изданиями, которые выходили в период Первой мировой войны, посвященные этой теме.

В отделе рукописей и редких изданий Национальной библиотеки хранятся издания, связанные с этим временем: периодические издания (газеты на старотюркском языке), отчеты государственных и земских учреждений, а также различных общественных организаций. Необходимо отметить, что периодические издания, выходившие в это время в Уфе и Оренбурге, писали о событиях, непосредственно связанных с войной. Например, в газетах на старотюркском языке на основе арабской графики «Тормош» (выходила в Уфе 3 раза в неделю) и «Вакыт» (выходила в Оренбурге ежедневно) теме войны были посвящены целые рубрики. Так, в каждом номере газеты «Тормош» с самого начала войны выходила рубрика под названием «Большая война» («Ҙур һуғыш»), в которой говорилось о состоянии дел на различных театрах войны. В частности, отдельно рассматривались ход военных действий против Турции, отдельно – против Германии и Австро-Венгрии. Помимо этого, практически во всех номерах газеты выходила информация о том, какую помощь армии оказывало мусульманское население Уфимской губерний.

В одной из таких статей («Тормош». 1915. № 159 от 04.01.1915 г.) говорится о том, как жители д. Биш-Авыл Унгар (Биш Ауыл Унғар) Уфимского уезда Уфимской губернии собрали денег с каждой семьи по 3 руб. 20 коп. для нужд раненых, затем в декабре еще раз по 3 руб. 59 коп. в Уфимский земский комитет. В другом номере («Тормош». 1915. № 160) говорится о помощи, организованной Городским комитетом помощи семьям призывников, который принял решение организовать розыгрыш лотереи-аллегри. Кроме того, Комитет обращается с просьбой к населению губернии собирать пожертвования для семей призывников. А в номере 161 говорится о создании в д. Киргиз-Мияки Белебеевского уезда Уфимской губернии целого комитета по организации сбора необходимой помощи для солдат. В частности, ими было собрано 114 пар рубашек, 105 пар варежек, 78 пар перчаток, каждая из которых была заполнена чаем и сахаром. В следующем номере газеты есть заметка о том, что в городе Уфе в последнее время

выросли цены за аренду жилья для размещения раненых военнослужащих. По словам автора статьи, скоро городские власти будут не в состоянии арендовать жилье. В некоторых номерах газеты выходили рубрики под названием «Солдаты», где дается список раненых, умерших и пропавших без вести на фронтах Первой мировой с указанием места их жительства. Так, в номере 163 от 1 января 1915 г. говорится о потерях в российской армии в августе 1914 г., выходцах из Уфимской губернии:

«1) Сиражетдинов Галим (д. Карагуш, Карагушевской волости, Стерлитамакского уезда), ранен 4 августа; 2) Мухаметрахим Тажетдинов (Макаровская волость Стерлитамакского уезда), ранен 4 августа; 3) Габдельганиев Мухаметвали (Ирехтинская волость Мензелинского уезда), ранен 4 августа; 4) Ильясов Газим (д. Сарт-Чишмы, Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда), ранен 4 августа; 5) Ибрагимов Идрис (Стерлитамакский уезд), ранен 4 августа; 6) Мустафин Нурмухамет ранен 6 августа; 7) Мусин Сайфетдин (Макаровская волость Стерлитамакского уезда), ранен 15 августа; 8) Насибуллин Галимулла (Гайныямаковская волость Белебеевского уезда) умер 7 августа».

В следующем номере 164:

«1) Габидуллин Хасимуттин Шамсутдинович (16 августа); 2) Шамигулов Тимербай Лупкувич (17 августа), оба из Уфимского уезда, ранены; 3) Юсупов Шафик Мухаметхарисович (д. Арсланово Стерлитамакского уезда) пропал без вести 12 августа; 4) Низаметдинов Фахретдин (д. Калмия Кузекеевской волости Мензелинского уезда) умер 10 августа; 5) Ханаев Миннибай Абдуллович (Нагайбакская волость Белебеевского уезда) пропал без вести 15 августа».

В номере 166:

«1) Юсупов Абушахман (д. Куруч Куручской волости Белебеевского уезда) умер 18 августа; 2) Мухаметдинов Зиннат (Петропавловская волость Уфимского уезда) умер 18 августа; 3) Кутлугужин Мустафа (Карьявдинская волость Белебеевского уезда) умер 18 августа; 4) Гизетдин Заим(?)хин (Кусинская волость Златоустовского уезда) умер 18 августа; 5) Хуснетдинов Мухамет умер 18 августа; 6) Шарифгалеев Гиззатулла (Новоберезовская волость) умер 14 августа; 7) Шамигулов Халимулла (Кош-Елгинская волость Белебеевского уезда) пропал без вести 1 августа; 8) Иснарский Мирзамухамет (Новоберезовская волость) пропал без вести 14 августа; 9) Мухсинов Хуснетдин (Гайныямаковская волость Белебеевского уезда) умер 14 августа; 10) Смаков Миннигали ранен 14 августа; 11) Закиров Яклундин (?) и 12) Гизетдин Ханафиев (Кош-Елгинская волость Белебеевского уезда) ранены 17 августа; 13) Ишмухаметов Гаязетдин (Гайныямаковская волость Белебеевского уезда) ранен 14 августа; 14) Синагатуллин Фатхетдин (Тюрюшевская волость Белебеевского уезда) пропал без вести; 15) Асфандияров Миндияр ранен; 16) Шапаев Айтуган ранен; 17) Жихангиров (Ягангиров) Ахмет (д. Шаран Никольской волости Белебеевского уезда) ранен».

На страницах газеты «Вакыт» выходила постоянная рубрика под названием «Европейская война». В частности, в номере 2260 от 30 июля 1917 г. говорится об организации мусульманской роты в г. Шадринске из солдат-мусульман 139-го Западного пехотного полка с выделением полкового муллы Мухаметгарифа Валиева. Кроме того, была открыта библиотека из 300 национальных книг. В номере 2265 от 8 августа пишется об организации еще одной мусульманской роты. В частности, в г. Перми. В ее состав вошли фельдфебель, 4 взводных, 16 командиров отделений, каптенармус, писарь, артельщик, повар. Офицеры тоже были мусульманами. В другом номере 2283 от 1 сентября 1917 г. говорится о ликвидации мусульманской роты, созданной на базе 307 полка 77 дивизии.

В фондах библиотеки хранятся также различные отчеты, постановления, протоколы заседаний земских учреждений. Они дают представление о том, что тыловой Башкортостан оказывал армии большое содействие. Первой задачей местных властей было оказание помощи раненым и беженцам, которые начали прибывать сюда уже осенью 1914 г. Уфимским губернатором П.П. Башиловым было принято распоряжение о введении твердых такс на предметы первой необходимости. Однако это привело к спекулятивному повышению цен. В обход этого распоряжения, Уфимская дума приняла решение закупать продукты, «не считаясь с ценами». Для продажи продуктов населению гласные решились организовать сеть муниципальных магазинов, заведовать которой должна была специальная комиссия, созданная в марте 1915 г.

В Уфе первая городская продовольственная лавка открылась 26 октября 1915 г. К лету 1916 г. их насчитывалось уже 9. В этих лавках по твердым ценам (минимум на треть ниже рыночных) продавались хлеб, мука, соль, сахар. В июне 1916 г. Уфимский муниципалитет открыл в подвале Аксаковского народного дома собственную хлебопекарню, а городским лавкам были разрешены краткосрочные займы в городском банке. Между тем, на рынках Уфы только с июня 1914 г. по июнь 1915 г. мука подорожала на 52%, сахар – на 35%, керосин – на 39%. Другой проблемой для властей губернии было обеспечение населения дровами.

Объявление войны и даже начавшиеся осенью 1914 г. перебои с дровами не внесли особых корректив в такую политику. Лишь когда власти осознали, что война «может продлиться шесть месяцев и даже год», был намечен план работ в топливной сфере. Следовательно, к затяжной войне никто не был готов. Третью военную зиму жителям Уфы удалось пережить только благодаря тому, что городская управа взяла на себя снабжение дровами «всех однопечных квартир и половину нужд двухпечных», т.е. наименее обеспеченных.

Следующий круг проблем, с которым пришлось столкнуться властям в ходе войны, были медицина и санитарное состояние городов губернии. Уфимская губерния стала одним из основных центров размещения беженцев

и военнопленных. Уже в августе 1914 г. правительство объявило, что из первого миллиона беженцев, 100 тысяч направляются сюда. Главным приемным и распределительным пунктом стала Уфа, где 28 августа начал работу Губернский Совет по делам беженцев. Уфимскому городскому управлению совместно с земством, различными благотворительными и национальными организациями нужно было, прежде всего, предупредить развитие эпидемических заболеваний среди беженцев. Больных размещали в лазаретах, остальных по возможности снабжали продуктами, одеждой, средствами гигиены.

В целом в губернии к ноябрю 1915 г. разместилось 40 тыс. человек. По плану предполагалось разместить в городах 10 тыс. человек. Однако выполнить план удалось только Уфе, где на квартирах, снятых национальными обществами (польскими, латышскими, еврейскими) и Губернским Советом, расселилось около 5000 человек. Уездные города несли бремя по размещению беженцев гораздо меньшей степени. Златоуст был освобожден от этого. В Мензелинске в двух городских ярмарочных корпусах дума устроила карантин для беженцев, прибывающих в уезд, одновременно взяв на себя заботы об их пропитании. Подобное место на 1000 человек было организовано в Бирске. В городах, помимо беженцев, находились еще десятки тысяч новобранцев и запасных чинов.

Так, в Белебее, насчитывавшем 10 тыс. жителей, был расквартирован 152-й пехотный полк численностью 9 тыс. человек. Они были размещены в зданиях гимназий, училищ, продовольственных складов и в других неприспособленных помещениях. Раненым бойцам основную помощь оказывал Всероссийский Земский Союз, на его попечении к концу 1914 г. находилось более половины госпитальных коек по всей России.

В городах Уфимской губернии местное отделение Земского союза также открыло несколько госпиталей. Серьезной проблемой для местной власти стали военнопленные и интернированные, большинство из которых прибывало в губернию уже «все сплошь больными, в одеждах, как серебром, унизанных вшами». Врач Т.М. Брон так описывал сложившуюся в Уфе ситуацию: «Сначала город наполнили толпы запасных, принесших с собой из уезда сыпной тиф, за ними хлынули пленные австрийцы и немцы, явившиеся благодарным материалом для свившей уже себе гнездо в воинских казармах сыпно-тифозной инфекции; в январе 1915 г. пленные турки, которые принесли брюшной и возвратный тиф и дизентерию». К началу войны губернский центр располагал 75-ю койками в двух заразных бараках и 50-ю – в двух изоляционных убежищах. Большинство врачей были призваны на военную службу еще в первые дни войны, поэтому деятельность уфимских амбулаторий пришлось восстанавливать с помощью призванных на городскую службу женщин-врачей. Кроме того, бараки были оборудованы, и в них разместились: больница для пленных на 400 коек, заразная больница на 200 коек и изоляционные убежища на 200 коек. Местный отдел Всероссийского союза городов в 1915 г. также открывал в Уфе временные заразные лазареты. Также в Уфе была открыта бактериологическая лаборатория[1].

[1] *Полянина О.А.* Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900–1917 гг.). Уфа, 2006. С. 176.

Кроме того, Уфимским губернским земством в 1916 г. был организован комитет по заготовке скота и мяса для действующей армии. Так, на первом заседании 23 апреля 1916 г. членом комитета Л.Л. Краевским было заявлено, что «в Стерлитамакском уезде реквизиция скота начата в волостях Резановской и Николаевской, собрано 439 голов скота, находящихся на карде при д. Кунакбаевой. В дальнейшем реквизиция будет произведена в Дедовской, Покровской, Федоровской и Четырмановской волостях. В первой половине мая будет собрано 800 голов»[1]. А.А. Алексеев заявил, что «в Белебеевском уезде по всему уезду производится предварительный перечет скота, в районах прилегающих к линиям железных дорог начата с 15 апреля скупка скота. Работы задерживаются распутицей. На севере уезда идет успешно добровольная сдача скота в зачет реквизиции, причем в селениях собираются предварительно сходы и разъясняется значение поставки. В волостях Багодинской, Чукадытамакской, Чермасанской и др. записалось на добровольную продажу 1000 человек, пока куплено 120 голов, в первых числах мая из Буздяка предполагаем отправить 400 голов. Кроме того, в Шафранове куплено 50 голов»[2].

На четвертом заседании от 11 сентября 1916 г. говорится в основном об отправке скота для армии. Так, В.В. Колесников говорит: «отправка скота водой, начавшаяся 16 августа, значительно облегчила поставку скота на армию в Мензелинском уезде. Линии гона скота до пристаней гораздо короче, оборудовать их гораздо легче. Пока отправлен один караван в 1313 голов»[3]. В.Н. Игнатьевский сказал, что «отправлено 4 каравана, около 7000 голов. Заготовлен скот еще на 3 каравана»[4]. С.В. Воейков рассказал о том, что «для Уфимской губернии есть 3 каравана, по 3 баржи в каждом»[5].

Ровно 100 лет назад произошло одно из самых трагических событий в истории человечества – Первая мировая война. В России она привела к началу Гражданской войны, унесшая жизни более 10 млн. человек. После этого началась целая череда кровавых вакханалий: голод 1921–1922 гг., коллективизация, голод 1932–1933 гг., репрессии, Вторая мировая война. Сегодня мы даже не знаем, сколько всего населения Россия потеряла за эти годы. А сколько нас должно было быть? В 1906 г. Д.И. Менделеев сделал прогноз, что к 2026 г. население России достигнет 1 млрд. человек. Сегодня нас всего 140 млн. Россия, безусловно, проиграла XX век, а ведь могли быть первыми в мире... Великий русский историк В.О. Ключевский в свое время сказал, что «история – это не учительница, а надзирательница: она ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков».

© Амантаев И.Ф, 2014г.

[1] Протоколы заседаний Уфимского губернского земского исполнительного комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв I. Уфа, 1916. С. 4.

[2] Там же.

[3] Протоколы заседаний Уфимского губернского земского исполнительного комитета по заготовке скота и мяса для действующих армий. Созыв IV (11 – 12 сентября 1916 г.). Уфа, 1916. С. 5.

[4] Там же.

[5] Там же.

УДК 902.21

Ахатов А.Т.

Этноархеологические исследования ИЭИ УНЦ РАН (краткие результаты археологических экспедиций 2014 г.)

На современном этапе развития российской археологической науки одним из актуальных ее направлений является изучение памятников Нового времени. На состоявшемся 21–25 октября 2014 г. в городе Казани IV (XX) Всероссийском археологическом съезде, собравшем около 700 участников со всей России и из-за рубежа, были особо отмечены «достигнутые за последние два года сдвиги в изучении российского общества и государства к «позднему» наследию, хронологическая граница которого законодательно поднята до начала XX в.». В связи с этим, исследователями было указано на необходимость проведения дальнейших «полноценных археологических исследований в поздних слоях городов, на полях сражений, в сельских поселениях и индустриальных зонах периода XVIII – начала XX вв.»[1].

Одной из составных частей «новой археологии» является этноархеологическое направление, которое возникнув в 1950–1960 гг. в США и Великобритании, с середины 1980-х гг. начало развиваться и в России. Если на первоначальном этапе в нашей стране это направление было связано, прежде всего, с деятельностью исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и Сибири[2], то постепенно этноархеология, как «научная дисциплина, складывающаюся на стыке археологии и этнографии…», получила «практическое воплощение целого спектра подходов» со стороны российских ученых из разных городов и регионов России[3].

В Башкортостане вопрос о необходимости и перспективности проведения этноархеологических исследований в регионе, был поставлен в научно-исследовательской литературе в конце 90-ых гг. XX в.[4] Тогда же археологом В.А. Ивановым было предложено исследователям обратить особое внимание «на пять категорий историко-этнографических памятников», которые можно было использовать при «реконструкции истории Южного Урала: башкирские аулы XVII–XVIII вв., русские поселения, казачьи крепости, станицы и редуты, горные заводы и сопутствующие им поселки горнозаводских рабочих и зимники кочевых казахов»[5].

---

[1] Решения IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани [Электронный ресурс] // Институт Археологии РАН [Офиц. сайт]. 13.11.2014 г. URL: http://www.archaeolog.ru/index.php?id=2&id_nws=284&zid=4 (дата последнего обращения: 15.11.2014).

[2] *Кузнецов О.В.* Процессуальная археология и этноархеология охотников и собирателей // Этнографическое обозрение. 2006 .№ 5. С. 134–136. (134-149).

[3] *Корусенко М.А., Тихонов С.С.* Современная российская этноархеология // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. Иркутск, 2013. Т. 1. С. 106–111. (106–111)

[4] *Яминов А.Ф., Савельев Н.С., Псянчин А.В.* Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всероссийского научного материала, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск-Уфа, 1997. С.182–185; *Иванов В.А. Задачи* и перспективы «Археологии нового времени» // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998. С. 156–158.

[5] Иванов В.А. Указ. соч. С. 156–157.

К настоящему времени, несмотря на сложившиеся в республике богатые исследовательские традиции в этнографической и археологической науках, опирающихся на мощную материальную базу, этноархеология как независимое научное направление не получило своего развития, а опубликованные работы по данной проблематике, затрагивают в основном отдельные ее аспекты[1].

С 2013 г. в отделе археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева ИЭИ УНЦ РАН начало разрабатываться этноархеологическое направление, связанное с изучением сакральных пространств – иератопий (А.И. Тузбеков) и культурного слоя XVII – начала XX вв. в городских и сельских населенных пунктах (Э.В. Камалеев, А.Т. Ахатов).

В рамках изучаемой проблемы проводятся как теоретические научные исследования, так и практические полевые археологические изыскания. В 2014 г. археологами института проведены два экспедиционных выезда в Гафурийский и Краснокамский районы Республики Башкортостан.

Первый выезд экспедиционного отряда отдела в составе И.И. Бахшиева, А.И. Тузбекова, А.Г. Баимова, А.Г. Колонских и А.Т. Ахатова был совершен с 17 по 20 июля 2014 г. на территорию Гафурийского района Республики Башкортостан[*]. В экспедиции так же принял участие исследователь-краевед, уроженец дер. Юлуково Х.И. Юлмухаметов оказывший всестороннюю помощь во время ее проведения.

Разведочные работы проводились по правому берегу р. Зилим от устья р. Магадашелга до устья р. Юрмаш, на основании Открытого листа № 1067 (от 16 июля 2014 г.), выданного Министерством культуры Российской Федерации на имя А.Т. Ахатова. Экспедиционным отрядом обследованы известные ранее археологические памятники – грунтовый могильник Юлуково I, два поселения Юлуково II и Юлуково III расположенные на юго-восточных склонах горы Магаш близ дер. Юлуково (открыты С.Л.

---

[1] *Минеева И.М.* Археологические исследования на Старо-Ивановском кладбище в Уфе // Уфимский археологический вестник. Выпуск 2. Уфа, 2000. С. 179–183; *Она же.* Этнографо-археологические комплексы горно-долинных участков хребта Ирендык на Южном Урале // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Алматы, Омск, 2004, с. 52–54*; Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.* Археологическое изучение поселенческого памятника эпохи позднего средневековья в Чишминском районе Республики Башкортостан в рамках программы «Башкирский аул XVI–XIX веков в историко-археологическом исследование» // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии: сб. ст. Уфа, 2007. С. 306–311; *Кортунов А.И., Воробьева С.Л.* Результат этнографо-археологического исследования башкирской деревни (аула) Тукус (Тукуч, Текес, Тукусево, Тукучево) // Исследования и исследователи юго-востока России (XIX–XX вв.). Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти проф. П.Е. Матвиевского. 28–29 февраля 2008 г.: сб. ст: Оренбург, 2008. С. 95–98; *Аминев З.Г., Котов В.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С.* Малые культовые объекты в Башкирском Зауралье: к постановке проблемы // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Учреждения Российской Академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. Кн. 2. С. 6–20; *Савельев Н.С.* Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в. Уфа, 2012. С. 128–166; *Он же.* Изучение селища Шемяк-2 в Уфимском районе Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. 2014. № 1(1). С. 8–9 и др.

[*] В дальнейшем, в Гафурийский район были совершены три дополнительных выезда отдельных сотрудников отдела.

Воробьевой в 2013 г.)[1], а также были осмотрены западный склон жертвенной горы «Уклыкая» (первое упоминание в 1911 г.[2]), Уклы-Кайские гроты (впервые обследованы О.Н. Бадером в 1960 г.[3]) и площадка селища Таш-Асты I (открыто С.М. Васюткиным в 1980 г.[4]), находящиеся в районе дер. Таш-Асты. В ходе разведочных работ были выявлены также неизвестные ранее археологические объекты – два поселения на южных склонах горы Магаш (близ дер. Юлуково) и одиночный курган (дер. Зириково)[*].

Первый памятник – III Магашское селище,[**] расположен на одном из высоких мысообразных выступов одноименной горы в 600 м севернее р. Зилим и в 2 км северо-восточнее д. Юлук. Собранный подъемный материал, представленный фрагментами керамики (убаларский тип), сходный с находками, полученными во время раскопок I Магашского и Убаларского селищ[5], бронзовый трехлопастной наконечник стрелы, накладка с перехватом в виде сдвоенных бляшек,[***] встречающиеся в могильниках кара-абызской культуры[6], позволяют датировать памятник эпохой раннего железа.

Второй памятник – поселение Юлуково IV находится на ровной площадке первой надпойменной террасы высокого правого берега р. Зилим. Предположительно на этом месте первоначально располагался башкирский аул Юлуково известный по архивным материалам с 1795 г., а по словам старожилов с 1740-х гг.[7][****] Территория поселения с востока ограничена оврагом, с севера залесенным подножием горы Магаш, западная сторона примыкает к окраине современной дер. Юлуково. На обозначенной площадке были собраны фрагменты чугунной посуды, остеологический материал. Непосредственно в самом населенном пункте жителями были также переданы фрагменты чернолощеной керамики и две монеты 1739 и 1828 гг.

Третий памятник «Йяй ташы» (дословно с башкирского – «летний камень») расположенный на ровной площадке распахиваемого водораздела

---

[1] *Воробьева С.Л.* Разведочные работы в Гафурийском и Аургазинском районах Республики Башкортостан, 2013 г. [Электронный ресурс] // Региональная общественная организация Археологическое общество Республики Башкортостан [Офиц. сайт]. 12.12.2013 г. URL: http://www.archeologyrb.ru/index.php/arkheologiya-v-rb/expedicii/252-vorobeva-sl-razvedochnye-raboty-v-gafurijskom-i-aurgazinskom-rajonakh-respubliki-bashkortostan-2013-g (дата последнего обращения: 30.10.2014).

[2] *Минцлов С.Р.* Очерки Приуралья. Восточная часть Стерлитамакского уезда // Адрес-каландарь Уфимской губернии и памятная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. С. 26.

[3] Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 145.

[4] *Васюткин С.М.* Поселения I тысячелетия н. э. правобережья средней Белой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 104–113.

[*] Выражаю благодарность Юлмухаметову Хадыю Исмагиловичу указавшего на предполагаемое место башкирского аула Юлуково IV и памятника «Йэй ташы».

[**] Несмотря на месторасположение, характерное для городищ – узкий мыс, высокая терраса, памятник не имеет выраженных фортификационных элементов – вал, ров. В этой связи памятник предварительно относим к категории – селище.

[5] Матвеева Г.И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. V. С. 245–247.

[***] Выражаю благодарность хранителю археологических фондов Национального музея Республики Башкортостан к.и.н. С.Л. Воробьевой за оказанную помощь при культурной атрибутации находок.

[6] Пшеничнюк А.Х. Кара-Абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. V. С. 184, 185 (см. рис. 6, 4, 27, 132).

[7] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 153.

[****] Косвенным доказательством этой датировки может служить монета 1739 г. обнаруженная на одном из деревенских огородов.

рек Белая и Зилим, в 2 км северо-западнее от дер. Зириково, представляет собой курганную насыпь, на поверхности которого [-ой] лежат два культовых камня «Абий таш» и «Бабай таш», являющиеся объектом поклонения местного населения. По периметру памятник огорожен деревянным забором-штакетником. По словам местных жителей в засушливые периоды, или наоборот, в дождливый сезон, люди приходят сюда что бы помыть валуны, протереть их маслом и помолиться о хорошей погоде. После этого по поверьям, если была засуха, то начинались осадки, а если стояли проливные дожди, то ливень прекращался. С камнями связано большое количество преданий и легенд, одно из которых гласит что под ними захоронены мулла и его жена, погибшие в давние времена во время столкновения живших здесь башкир с неприятелями.

Второй экспедиционный выезд отдела археологического наследия Южного Урала в составе И.И. Бахшиева, А.И. Тузбекова, А.Г. Колонских, Э.В. Камалеева и А.Т. Ахатова А.Т. был совершен с 5 по 8 сентября 2014 г. на территорию Краснокамского района Республики Башкортостан.

Основные разведочные работы проводились по левому берегу р. Камы, от устья р. Буй до с. Николо-Березовки на основании Открытого листа № 1061 (от 16 июля 2014 г.), выданного Министерством культуры Российской Федерации на имя Э.В. Камалеева

Во время обследования были осмотрены территории села Николо-Березовка (основано предположительно на рубеже XVI–XVII вв.[1]), дер. Калтаево (1648 г.) и заброшенного села Масляный Мыс (1723 г.)[2], от которой на данный момент осталось два дома. На основе визуального осмотра почвенных обнажений в пределах обследованной территории было собрано значительное количество подъемного материала, представленного фрагментами керамики, стеклянной посуды и металлическими изделиями конца XIX – первой половины XX вв. Наибольшее количество находок происходит с территории заброшенного села Масляный мыс, расположенного в 1 км к востоку от левого берега реки Камы и в 7 км к северо-востоку от с. Николо-Березовки. Здесь же, на кладбище был обнаружен уникальный артефакт – надгробный камень, выполненный в виде «саркофага».

Таким образом, в 2014 г. сотрудниками отдела археологического наследия Южного Урала было проведено археологическое обследование Гафурийского и Краснокамского районов. В ходе двух экспедиций были осмотрены известные археологические памятники и выявлены новые археологические памятники, часть из которых относятся к этнографической современности. По всем обследованным памятникам были составлены ситуационные планы, произведено описание, проведена фотофиксация и определены географические координаты (GPS). Весь полученный в ходе экспедиций подъемный материал представленный находками костей животных, глиняной, фарфоровой и стеклянной посуды, монетами, железными изделиями и т.д. находится в обработке.

© Ахатов А.Т., 2014 г.

[1] *Роднов М.И., Васильева О.В.* История Николо-Берёзовки. Уфа, 1997. С. 19.
[2] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 217, 218.

УДК 356/359+217

Баимов А.Г.

О некоторых проблемах возникающих в отправлении религиозных обрядов военнослужащего-мусульманина в рядах ВС РФ

Институт военного духовенства в России был воссоздан в рамках гуманизации вооруженных сил, в целях достижения мировых стандартов в области соблюдения прав человека в армии. В современной российской армии признана деятельность священнослужителей четырех традиционных конфессий: православие, ислам, иудаизм, буддизм. Но, на сегодняшний день не в каждой войсковой части можно встретить священнослужителя, а если и есть, то это скорее православный священник, реже имам, а еще реже представители иудаизма и буддизма. На штатной же основе по состоянию на июнь 2014 г. в ВС РФ работают 132 священнослужителя, в том числе 129 православных, 2 мусульманина и 1 буддист.

Основное оправдание такого дисбаланса опирается на социологические исследования в армии, по данным которых 86% верующих военнослужащих относят себя к православным христианам, 10% мусульманам, 4% другим верам[1]. Исходя из этого сложилось мнение, якобы, православных священников в армии требуется больше, нежели других. На первый взгляд, вроде бы все правильно. Но, следует учитывать, что согласно апрельским данным 2014 г. современная российская армия насчитывает 766 тыс. военнослужащих[2] из них 684 000* (90% от общего числа) считают себя верующими. Т.е. военнослужащие-мусульмане (10% от основного количества) составляют приблизительно 68 400 человек, цифра получается солидная. Если брать отдельные воинские части в среднем этот показатель равняется 3-12%. Если в воинской части, условно, 4 тыс. солдат и офицеров, значит мусульмане среди них 120-480 человек. И если вернемся к упомянутому ранее гуманитарному праву и мировым стандартам, было бы правильно, если параллельно с православным священником в каждой воинской части будут работать и представители других конфессий.

С другой стороны – нецелесообразно создавать новые и новые штатные места для священнослужителей, тогда как боеспособность армии в целом мало зависит от их деятельности. Поэтому было принято справедливое решение, что на должность помощника командира части по вопросам верующих военнослужащих назначается священнослужитель той конфессии, где верующих соответствующего учения набирается не менее 10% от общего

---

[1] Официальный сайт Министерства Обороны РФ // Характеристика религиозной ситуации в Вооруженных Силах Российской Федерации в 2010 году // [электронный ресурс] http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=10372748@cmsArticle (Дата последнего обращения 29.09.2014).

[2] *Кирил Рябов*. Электронный журнал «Военное обозрение» // Рейтинг Global Firepower Index: мощнейшие армии мира // [электронный ресурс] http://topwar.ru/index.php?newsid=54213 (дата последнего обращения 29.09.2014).

* Указанная цифра не является официальными данными. Вычисления произведены автором с целью наглядно показать приблизительное количество верующих военнослужащих.

количества солдат и офицеров, но с условием, что военнослужащим-иноверцам будет оказана всяческая помощь в отправлении религиозных обрядов, и обеспечены соответствующие условия. В феврале 2015 г. уже исполнится 5 лет с момента официального воссоздания института военного духовенства в России. В данной статье рассмотрим, какие условия созданы для военнослужащих-мусульман за этот срок, и как дается служба практикующему мусульманину.

Воссоздание института военного духовенства потребовало подготовки священнослужителей для работы в условиях армии, в том числе и полковых имамов. В апреле 2013 г. был осуществлен первый выпуск помощников командира по работе с верующими военнослужащими, которые прошли 3-х месячную подготовку в Военном университете Министерства Обороны РФ. Первый выпуск ограничился количеством 15 человек: 14 православных священников и 1 имам. До сегодняшнего дня подготовка военных священнослужителей осуществлялась лишь на базе вышеупомянутого университета. Но начиная с осени 2014 г. планируется проводить обучение в 5 высших военно-учебных заведениях, в первую очередь командных[1]. Также еще в 2012 г. Российский Исламский Университет ЦДУМ России объявил набор желающих для первичной подготовки будущих военных имамов.

Из вышесказанного следует, что в настоящий момент нехватка полковых имамов в вооруженных силах России очевидна. И по этой причине военнослужащий-мусульманин российской армии лишен возможности общения священнослужителем своей веры. Но это не единственная трудность, возникающая на пути у солдата практикующего ислам. В первую очередь, перегруженный распорядок дня не оставляет времени для отправления обязательных для мусульманина религиозных обрядов, например чтения намаза 5 раз в день (см. прил. 1).

Также не всегда имеется возможность совершать обряд омовения. Нет необходимой религиозной утвари, например молитвенного коврика, и помещения для совершения ритуала. По словам одного из информаторов Сулпана Худайгулова (1993 г.р., проходил службу в войсках воздушно-космической обороны в 2012–2013 гг. в звании рядового), у него была возможность читать намаз 3 раза в день. Иногда Сулпану приходилось читать намаз про себя, находясь при этом в строю по стойке смирно. Молитвенный коврик ему заменяло вафельное полотенце, а в случае если у него не было возможности совершить омовение, он прибегал к способу очищения камнем (таяммум). Отсутствие молельной комнаты также создавало дополнительные неудобства. По признанию рядового запаса Худайгулова, ему приходилось читать намаз где попало: спортивный уголок, комната информирования и досуга, «каптерка», комната бытового обслуживания и т.д. «Если читал намаз после отбоя иногда приходилось ставить «фишку»,[*] – вспоминает Сулпан.

[1] Военных священников будут готовить в пяти военных ВУЗах Минобороны РФ [Электронный ресурс] // // Сетевое издание «Интерфакс» [Офиц. сайт]. 14.07.2014 г. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=55904 (дата последнего обращения 29.09.2014).

[*] Ставить фишку (арм. жаргон) – оставить товарища на стороже.

Дело в том, что военнослужащий в армии не имеет права нарушать распорядок дня. А это значит, что в то время, которое отведено для сна – солдат должен находиться на кровати. Также негативным проявлением в армии Сулпан считает часто встречающуюся там нецензурную речь, с которым по его мнению могло бы справится военное духовенство. И поэтому наш информатор считает: «Пусть священнослужитель в армии будет, даже если не имам. Представитель духовенства, не важно какой религии, все равно солдата дурному не научит»[1].

Привычным делом в современной армии стало приглашение на церемонию присяги представителя духовенства. И, как правило, им оказывается православный священник. Церемония не ограничивается лишь присутствием священника и поздравительной речью с трибуны, в дальнейшем он часто безразборно совершает обряд освящения личного состава. Здесь, безусловно, наблюдается нарушение конституционных прав военнослужащих, исповедующих иную религию или не исповедующих никакую. Вот что нам рассказал об этом другой информатор Ильфат Хасанов (1989 г.р., проходил службу в мотострелковом полку в 2009–2010 гг. в звании мл. сержанта): «После принятия присяги между нашими рядами прошел православный священник и брызгал на нас водой. Я пытался уклониться, но вода, все же, попала мне в лицо. Про себя я попросил прощения у Аллаха. Хоть я и не практикую ислам, но все же, считаю себя мусульманином, и для меня участие на этой православной церемонии было крайне неприятным»[2].

Еще один неприятный факт относится к рациону питания военнослужащего. В зимнее время ежедневно на обед дается сало, иногда на второе блюдо дают свинину, причем на раздаче запрещенное для мусульманина мясо уже лежит в тарелке с гарниром, таким образом «пачкая» и его. И это вынуждает военнослужащего-мусульманина отказаться как от второго блюда, так и от гарнира, что приводит к недоеданию. Выходом из данного положения мог бы стать инициатива высказанная министром обороны РФ С.К. Шойгу, согласно которому в армии еще к концу 2013 г. организация системы питания должно проходить по принципу «шведский стол». Это значит, что военнослужащий сам мог бы выбрать блюдо одно из 2-х или 3-х разновидностей на раздаче. Но, к сожалению, на практике сегодня лишь на некоторых военных частях действует вышеназванная система питания. Основная часть военнослужащих РФ не пользуются возможностью выбора блюд на раздаче.

В православные праздники, например в рождество и в пасху, практически во всех военных частях также приглашается православный священник. Во время службы в рядах вооруженных сил РФ автор данной статьи стал очевидцем следующего события. 5 мая 2013 г. православная церковь отмечала праздник Светлое Христово Воскресенье (Православная Пасха). В честь праздника был приглашен полковой священник, который

[1] Полевые материалы автора (далее ПМА). Февраль 2014 г.
[2] ПМА. Апрель 2014 г.

перед всем учебным центром не просто поздравил православных военнослужащих с религиозным праздником, но и после каждого его «Иссус воскрес!» командиры некоторых подразделений требовали от своих подчиненных возгласа «Воистину воскрес!».

И вновь мы сталкиваемся с нарушением законодательства РФ: Конституции РФ (Ст. 28. «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»[1]); ФЗ «О статусе военнослужащих» (Ст. 8. «2. Военнослужащие не вправе … использовать свои служебные полномочия для пропаганды того или иного отношения к религии 3. Религиозная символика, религиозная литература и предметы культа используются военнослужащими индивидуально»[2]); Общевоинский устав ВС РФ (Ч.1. Гл. 3. Ст. 78. «Командир (начальник) на основе задач, решаемых в государстве и Вооруженных Силах, обязан постоянно воспитывать подчиненных военнослужащих: повышать культуру межнационального общения; заботиться о сплочении воинского коллектива и укреплении дружбы между военнослужащими различных национальностей; учитывать их национальные чувства, вероисповедание, традиции и обычаи»[3]).

Таким образом, несмотря на пятилетний срок воссоздания института военного духовенства в России, до сегодняшнего дня данный институт не получил должного развития. Очень мало военных священнослужителей прошли необходимую переподготовку. Редко, когда учитываются права на свободу совести и вероисповедания военнослужащих относящихся к религиозным меньшинствам. Чаще они нарушаются, что очевидно вызвано слабым знанием законодательства РФ со стороны командиров и начальников. До сих пор не созданы необходимые условия для полноценной работы военных священнослужителей.

Конечно, устранение всех перечисленных выше проблем не возможно, т.к. в некоторых случаях это отрицательно повлияет на боеспособность армии. Но, все же, определенные поправки необходимо сделать. Во-первых, только так можно достичь изначальной цели – гуманизации армии; во-вторых, некоторые уступки для верующих могут увеличить количество граждан, желающих отдать родине свой конституционный долг, и тем самым минимизировать количество «уклонистов».

---

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 N 2 – ФКЗ) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» [Офиц. сайт]. URL: http://base.garant.ru/10103000/ (дата последнего обращения 29.09.2014).

[2] Федеральный закон от 27.05.1998 N 76 – ФЗ (в ред. от 03.02.2014 N 7-ФЗ) «О статусе военнослужащих». [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант» [Офиц. сайт]. URL: http://base.garant.ru/178792/ (дата последнего обращения 29.09.2014).

[3] Общевоинские уставы Вооруженных сил Российской Федерации // Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации. Ростов н/Д, 2012. С. 35.

Приложение 1

Типовой распорядок учебного дня (будни) в/ч 30778 на летний учебный период:

06:00 Подъем
06:10 - 07:00 Зарядка
07:10 - 07:20 Утренний осмотр
07:20 - 07:50 Завтрак
07:50 - 08:20 Информирования, тренажи (по дням недели)
08:20 - 08:30 Развод на занятия и работы
08:30 - 09:20 1-й учебный час
09:30 - 10:20 2-й учебный час
10:30 - 11:20 3-й учебный час
11:30 - 12:20 4-й учебный час
12:30 - 13:20 5-й учебный час
13:30 - 14:20 6-й учебный час
14:20 - 14:30 Подготовка к обеду (чистка обуви, умывание и т.д.)
14:30 - 15:00 Обед
15:20 - 15:30 Послеобеденный развод
15:30 - 17:20 Чистка оружия, работа с техникой и т.д., в общем, совершенствование УМБ (учебно-материальной базы)
17:30 - 18:20 Самостоятельная подготовка
18:30 - 19:20 Воспитательная (или спортивно-массовая) работа
19:20 - 19:30 Подготовка к ужину
19:30 - 20:00 Ужин
20:00 - 21:00 Личное время
21:00 - 21:30 Просмотр телевизионных новостей
21:30 - 21:40 Вечерняя прогулка
21:40 - 21:50 Вечерняя поверка
22:00 Отбой

© Баимов А.Г., 2014 г.

УДК 902.01

Бахшиев И.И.

Срубно-алакульское взаимодействие на материалах могильника Тасты-Бутак 1

В эпоху бронзы в степных и лесостепных районах Волго-Уралья складывается зона контактов срубных и алакульских племен. Исследователи указывают на наличие тесных связей этих культур как в Приуралье, так и в Зауралье, где существовала срубно-алакульская общность, представленная памятниками смешанного типа[1].

Несмотря на разнообразие срубно-алакульских памятников, вопрос их сложения до сих пор остается слабо разработанным. В период поздней бронзы Урало-Казахстанский регион представлял собой систему общностей, связанных множеством смешанных образований, возникших на стыке двух или нескольких культур. Довольно часто в ареале распространения одной археологической культуры можно встретить «чистые» памятники соседней. Присутствие же керамики несмешанного и синкретического типов в одних комплексах фиксирует интенсивность процесса взаимодействия археологических культур.

Полагаем, что проблема срубно-алакульского взаимодействия для территории Северного и Западного Казахстана в позднебронзовом веке наиболее выражена в материалах могильника Тасты-Бутак 1, полностью исследованного В.С. Сорокиным в 1956–1958 гг.[2] В обобщающей публикации материалов раскопок значительное внимание уделено анализу керамической серии с могильника. Вместе с тем, Е.Е. Кузьминой справедливо

---

[1] *Ахмеров Р.Б.* Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1955. Вып. 59. С. 89–90; *Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; *Потемкина Т.М.* Алакульская культура // Советская археология. 1983. № 2. С. 13–33; *Рутто Н.Г.* Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 20–29; *Она же.* К вопросу о срубно-алакульских контактах (на материале башкирских памятников) // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала: Сборник научных трудов. Уфа, 1987. С. 43–50; *Она же.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа, 2003; *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992; *Рафикова Я.В.* К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы магнитогорского района // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 327–333; *Алаева И.П.* К вопросу о содержании и структуре срубно-алакульской контактной зоны в степях Южного Зауралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. М., 2008. С. 375–377; *Она же.* Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья в эпоху поздней бронзы // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. М.; Новосибирск, 2008. С. 507–524; *Бахшиев И.И.* Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №. 2 (25). С. 40–53; *Он же.* Эпоха поздней бронзы восточных предгорий Южного Урала: культурная стратиграфия и хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. Казань, 2014. С. 525–530; *Он же.* Поселения эпохи бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12–14 мая 2014 года. Самара, 2014. С. 11–24.

[2] *Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 120. 207 с.

отмечена чрезвычайная дробность предложенной классификационной схемы[1]. Предлагаемые автором 15 групп керамики затеняют присутствующие здесь культурные типы. Кроме того, нельзя согласиться с мнением В.С. Сорокина об интерпретации керамической серии некрополя как «…монолитного, единого и по времени, и по месту происхождения комплекса»[2]. Считаем, что материалы некрополя свидетельствуют о симбиозе различных культурных традиций, наиболее ярко проявившихся в керамике. В.С. Сорокин в предисловии своей книги отметил несколько важных проблем андроноведения, где наряду с хронологией, истоками возникновения и социальным строем выделен вопрос «о связи андроновцев… с окружающими их народностями и племенами и их взаимные отношения»[3]. Однако сама проблема контактов практически не нашла своего отражения в монографии, как это отмечается в работе Н.Г. Рутто[4]. Сопоставление археологического материала с основными признаками погребального обряда (таких как: тип надмогильного сооружения, особенности могилы (грунтовая или каменный ящик), обряд захоронения погребенного, его ориентировка и т.д.)[5], позволил прийти к выводу о синкретическом характере практически всего могильника. Наличие «чистых» комплексов здесь редкость. Для наглядности приведем сводку погребений с наиболее выраженным сочетанием двух или нескольких культурных традиций.

Оградка 10. К данному комплексу относятся пять захоронений. Центральное погребение (№5) содержало останки взрослого человека. Вокруг него и сооружена самая крупная каменная выкладка, почти правильной округлой формы. Остальные четыре погребения (все детские) имеют дугообразные выкладки и примыкают к основной оградке, образуя в северной ее части подобие «лепестков». Без сомнения небольшой хронологический приоритет остается за погребением №5, но также неоспорима и приуроченность детских захоронений к основной выкладке. Археологический материал представлен, в основном, лепной посудой. Несмотря на то, что обряд захоронения един (все скорченно, на левом боку, ориентировка в западном направлении с небольшими отклонениями), керамика разнокультурная. В погребении № 5 располагалось четыре сосуда[6]. Сосуды горшечной формы соотносятся с классической посудой алакульской культуры. Керамика из погребений 2–4 – баночные и горшечные сосуды относящиеся к срубно-алакульскому типу. В отличие от других детских захоронений, сосуд из погребения 1 алакульского типа, – имеется уступ и неорнаментированную полосу в нижней части шейки (рис. 1).

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. С. 20–21.

[2] *Сорокин В.С.* Указ. соч. С. 74.

[3] Там же. С. 6

[4] *Рутто Н.Г.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале… С. 12.

[5] *Сорокин В.С.* Указ. соч. Табл. 1.

[6] Культурную атрибуцию возможно провести лишь по трем сосудам (один сосуд представлен придонной частью).

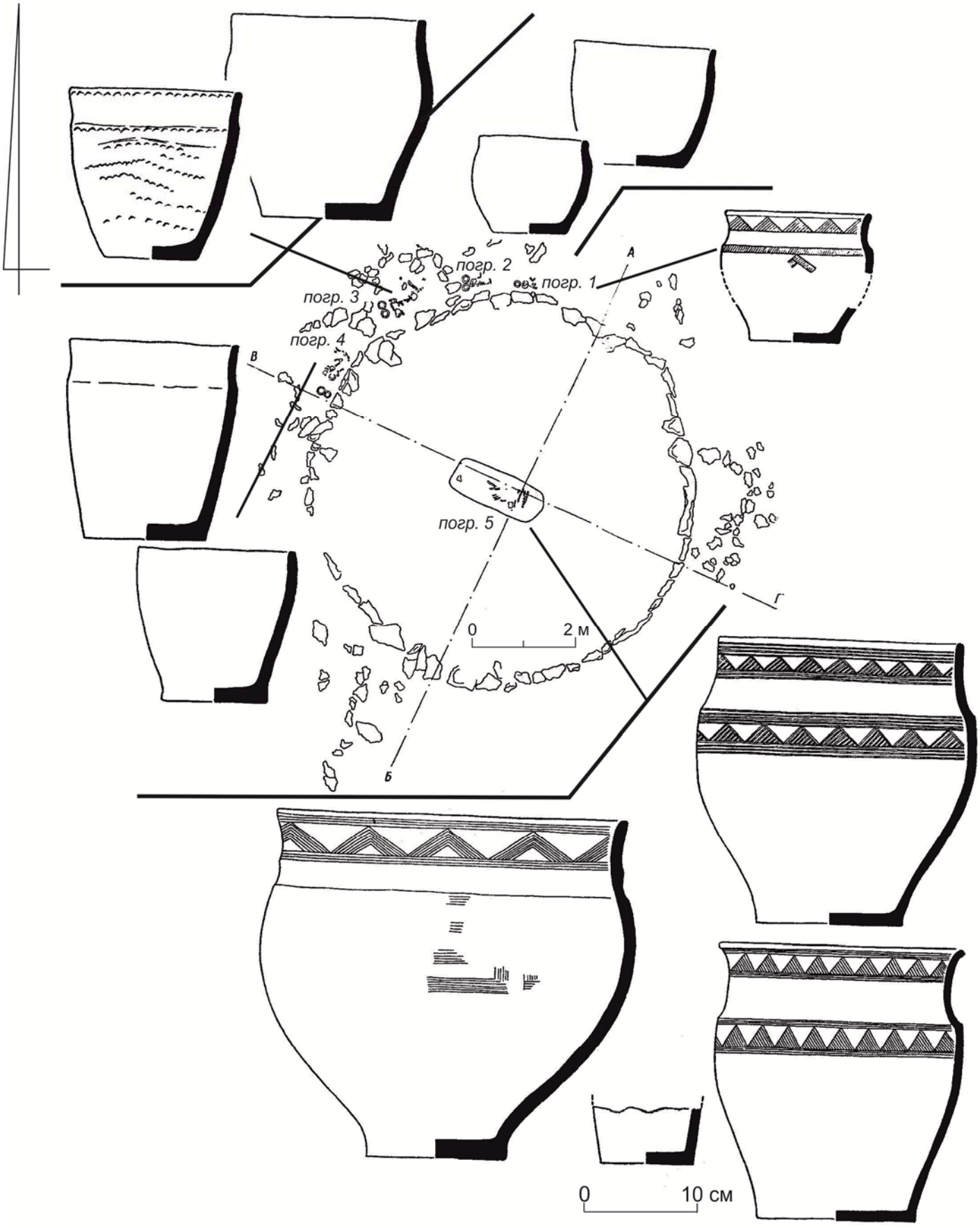


Рис. 1. Могильник Тасты-Бутак 1. Оградка 10
(по: Сорокин В.С., 1962. Табл. V, XLVI–XLVII)

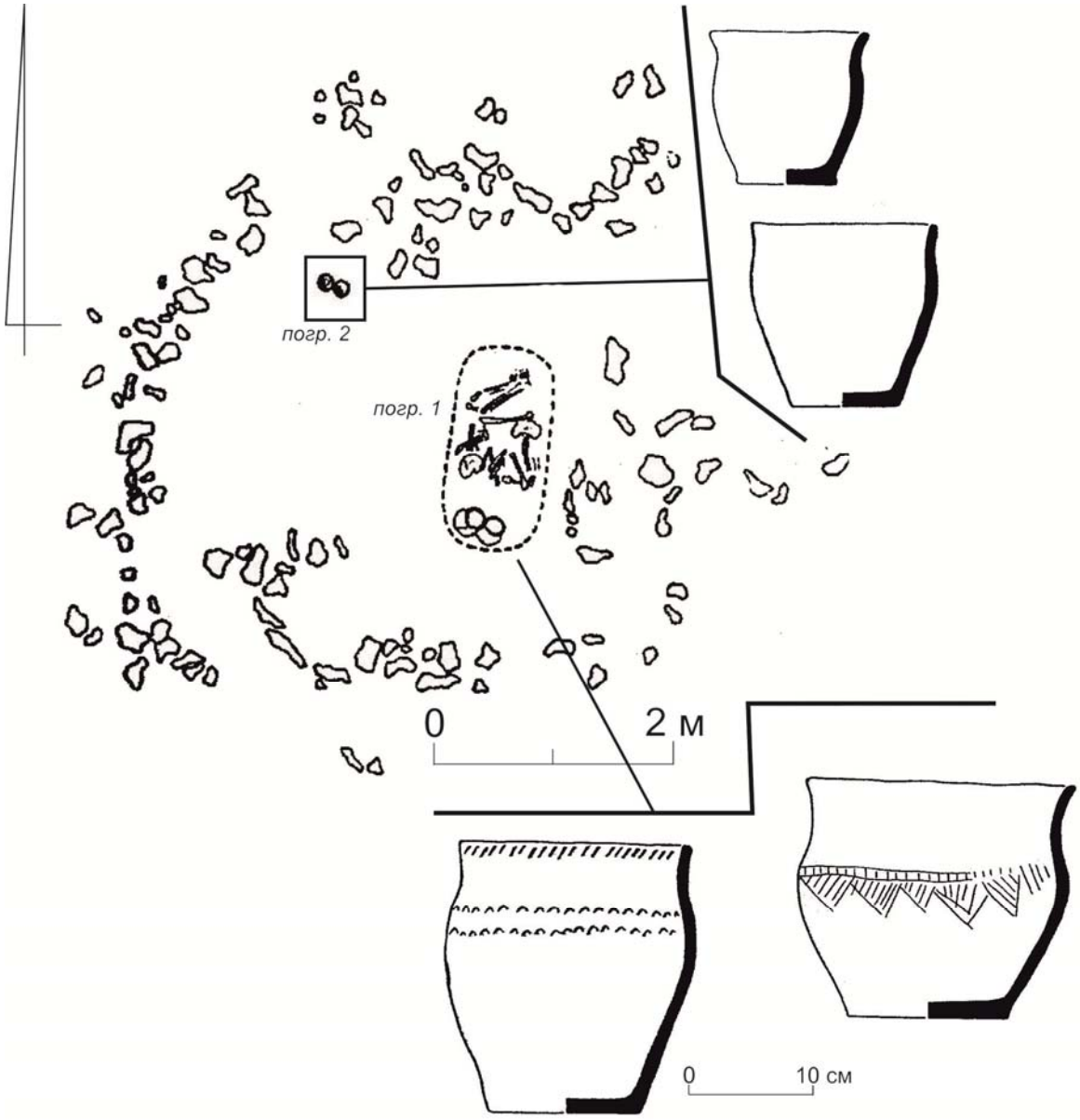


Рис. 2. Могильник Тасты-Бутак 1. Оградка 3
(по: Сорокин В.С., 1962. Табл. XX, LVII)

Оградка 30. Автором интерпретирована как «нечетко выраженная окружность… из лежащих на грунте сравнительно мелких камней»[1]. Внутри обнаружена одна могила и «пункт» местонахождения сосудов (его автор определяет как возможное погребение по обряду трупосожжения – *И. Б.*). Считаем возможным предположить, что здесь мы имеем дело не с одной, а двумя оградками. На эту мысль наталкивают соседние оградки №31–34, в которых для каждой могилы сооружалась отдельная выкладка[2]. В могиле 1 обнаружено два костяка и два сосуда приуроченные к костяку с южной ориентировкой. Оба сосуда горшечной формы имеют плавную профилировку

[1] *Сорокин В.С.* Указ. соч. С. 20.
[2] *Там же.* Табл. XX.

и относятся к ярко выраженному синкретическому срубно-алакульскому типу. На это указывают два параллельных горизонтальных ряда полулуновидных (или уголковых, по прорисовкам определить сложно – *И. Б.*) вдавливаний, выделяющих «алакульскую» неорнаментированную полосу по нижней части шейки. Второй сосуд, более показателен, – орнамент имеет нехарактерную для алакульской гончарной традиции незавершенность, асимметричность и нарочитую небрежность исполнения. Два сосуда, являющиеся маркерами погр. 2, также горшечной формы, но не декорированы. В то же время, высокие пропорции и наличие слабовыраженного (сглаженного) уступа в месте перехода от шейки к тулову позволяет достаточно определенно связывать их с керамическими сериями срубно-алакульского круга памятников Южного Урала (рис. 2).

Оградке 36 представляла собой единый комплекс с четырьмя точно фиксируемыми захоронениями (местонахождения керамики и пункт обнаружения фрагментов черепа человека, В. С. Сорокин также посчитал нужным отнести к разряду погребений – *И. Б.*), в пределах одной выкладки. Это позволяет предположить относительную единовременность погребений. Сосуды же показывают принадлежность к разным культурным группам, которые могут сочетаться и в одном захоронении. Так, например, в могиле 2 обнаружено три горшка. Два из них считаем возможным отнести к синкретическому срубно-алакульскому типу, третий сосуд имеет характерный для раннеалакульского этапа «воротничок» по верхней части шейки. В погр. 3 также размещалось три сосуда. Шейка одного оформлена двумя горизонтальными желобками, второй имеет плавную профилировку, трехзональное распределение орнамента и неорнаментированную полосу в нижней части шейки, третий сосуд не орнаментирован, в верхней части шейки фиксируется утолщение. Если второй сосуд демонстрирует сочетание алакульских и федоровских гончарных традиций, то связывать два других сосуда с кожумбердынской культурной группы нельзя (рис. 3).

Особый интерес в контексте рассматриваемой проблематики представляет единственное погребение оградки 43. Каменная выкладка имела четкую, округлую форму. Погребальная площадка незначительно возвышалась над уровнем грунта за пределами оградки. Погребение представляло собой парное захоронение мужчины и женщины. Оба костяка ориентированы на ЗСЗ. У изголовья установлены два сосуда, между которыми расположены кости животных как-бы разграничивающие «зоны принадлежности» сосудов к погребенным. В результате, сосуд с плавной профилировкой, зональной орнаментацией, неорнаментированной полосой в нижней части шейки и техникой декорирования в виде оттисков мелкой гребенки достаточно определенно соотносится с захоронением мужчины – сосуд кожумбердынского типа. Второй горшок, приурочен к погребенной женщине, – характеризуется плавным профилем, стройными пропорциями, техника исполнения орнамента небрежная. Этот сосуд уверенно связывается с керамикой срубно-алакульского облика (рис. 4).

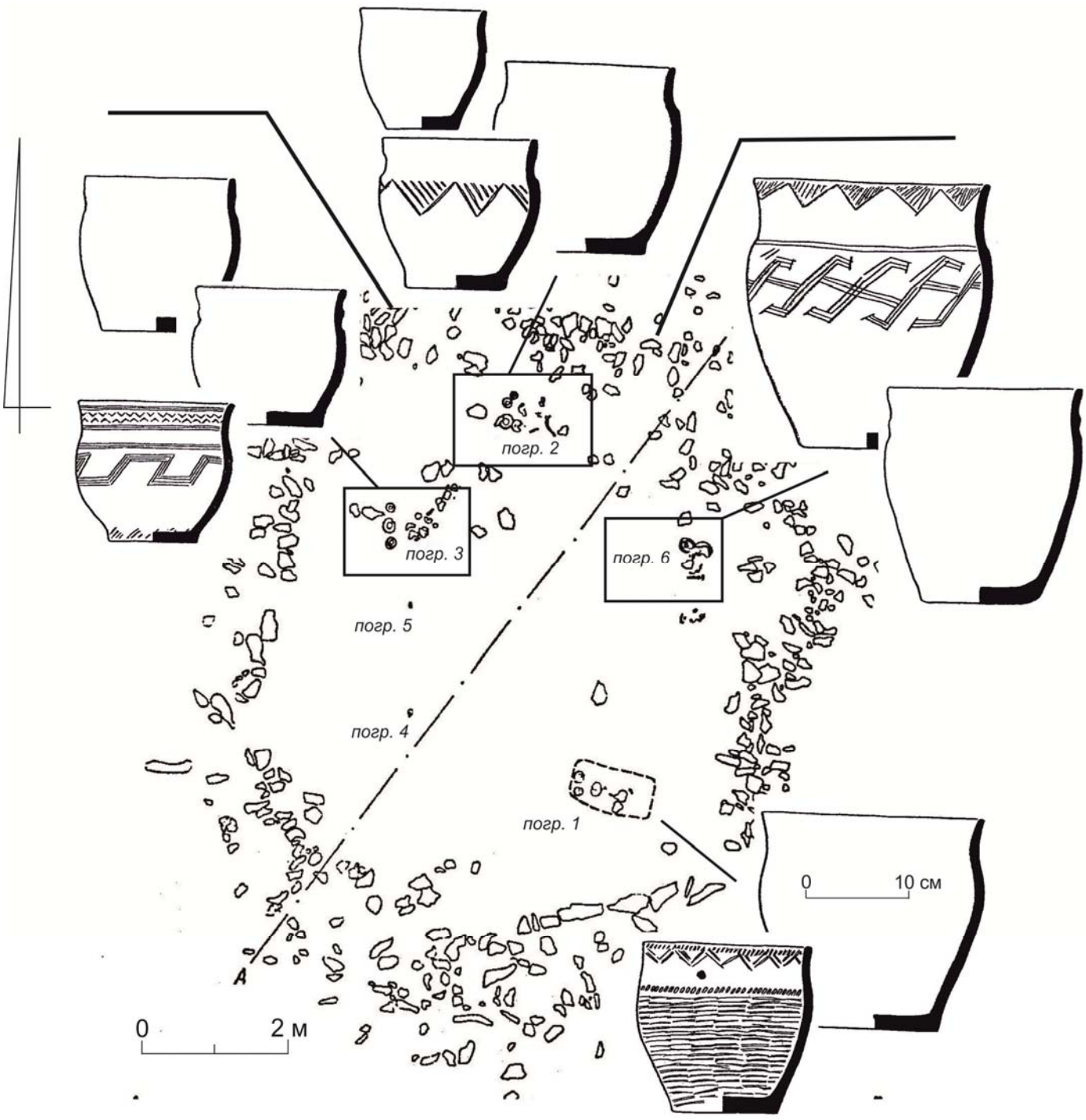


Рис. 3. Могильник Тасты-Бутак 1. Оградка 36
(по: Сорокин В.С., 1962. Табл. XXII, LVIII-LIX)

Таким образом, материалы могильника Тасты-Бутак 1 демонстрируют присутствие разнокультурных элементов. Доминирующей культурной основой, без сомнения, следует считать алакульскую традицию. Присутствие в погребениях некрополя керамики различных культурных групп показывает высокую плотность диффузионных процессов, а также свидетельствует об открытости принимающего социума (реципиента). Основными элементами взаимодействия, в данном случае, являются андроновские и срубные племена,

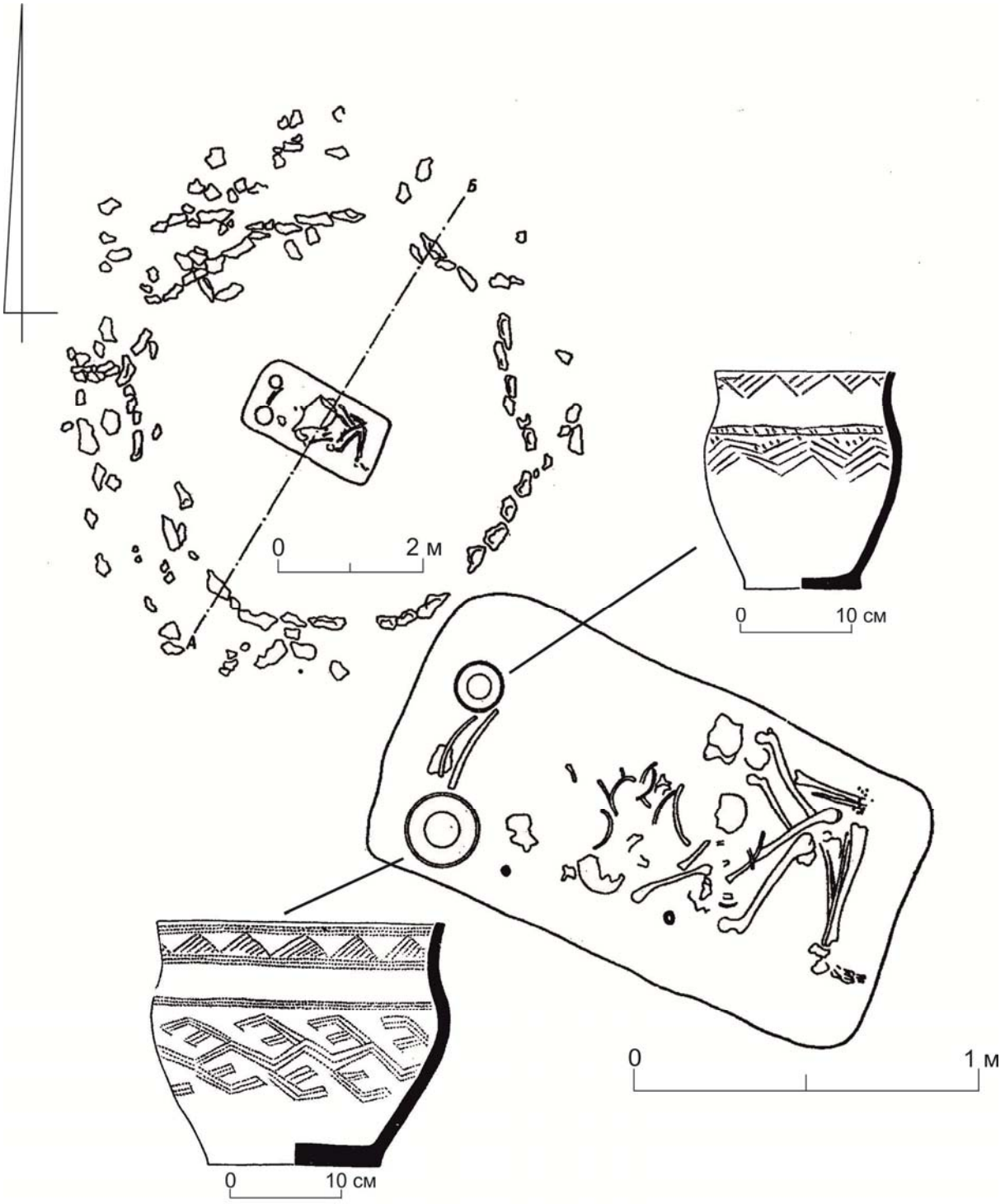


Рис.4. Могильник Тасты-Бутак 1. Оградка 43
(по: Сорокин В.С., 1962. Табл. XXVII, LXI)

где первые представлены алакульским (доминирующим) субстратом с раннеалакульскими (?) и федоровскими (кожумбердынскими) включениями. Срубное воздействие проявляется в смешанных срубно-алакульских компонентах, в основе которых лежала эклектика погребальной и гончарной традиции алакульских племен, принятая и переработанная срубным

населением[1]. Говоря о механизмах миксации, видимо, стоит согласиться с Н. Г. Рутто, в том, что основой являлись «межродовые экзогамные браки, предполагавшие инкорпорирование женщин срубной культуры в алакульскую среду…»[2]. Наиболее ярко эти процессы иллюстрирует погребение в оградке 43. Вероятно, несмотря на возможное генетическое родство обеих культур и активные процессы ассимиляции носителей срубных культурных стереотипов, «алакульцы» на определенном этапе сохраняли и придерживались дихотомии – «свой–чужой». Срубные проявления исследователи отмечали и в памятниках кожумбердынской культурной группы Урало-Мугоджарского региона – Киргильда I–II, Урал-сай, Ново-Аккермановский, Ишкиновка I–III. В.В. Ткачев связывает взаимные контакты срубно-алакульского и кожумбердынского населения с особенностями организации горного промысла и металлургии, стимулирующего обменную деятельность. Результатом этого межкультурного взаимодействия и стал выраженный синкретизм материальной культуры[3].

© Бахшиев И.И., 2014 г.

[1] В частности, редко встречаемая здесь ориентировка в северном направлении, являющаяся доминирующей в срубно-алакульских погребениях Южного Урала, традиционно связывается с воздействием срубных культурных стереотипов (см. например: *Сальников К.В.* Указ. соч. С. 267; *Рутто Н.Г.* Указ. соч. С. 54; *Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007. С. 327; *Умрихин С.М.* Культурная и хронологическая позиция курганов позднего бронзового века могильника Восточно-Курайли I //Археологические памятники Оренбуржья. 2007. Вып. VIII. С. 136). Отметим и альтернативную точку зрения Я.В. Рафиковой, определяющей северную ориентировку костяков как локальный признак алакульской культуры в Южном Зауралье (*Рафикова Я.В.* Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72–83).

[2] *Рутто Н. Г.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале… С. 111.

[3] *Ткачев В.В.* Новый синкретический памятник на западе андроновской общности (Южное Зауралье) // Российская археология. 2013. №1. С. 104–105.

УДК 392

Евдокимова О.В.

Архаичные способы рыболовства у коми-пермяков

Благодаря наличию большого количества озер и рек рыболовство на протяжении долгого времени являлось одним из важных компонентов комплексного хозяйства коми-пермяков, что нашло свое отражение в их традиционной промысловой культуре. Традиционный промысел имеет актуальное значение в жизнеобеспечении населения и сегодня.

Специфика хозяйственного развития коми-пермяков во многом была обусловлена не только социально-экономическими причинами, но также особенностями их естественно-географической средой обитания и, прежде всего, наличием большого количества водных ресурсов – рек и озер. Территория населения коми-пермяками еще в Пермской губернии, в 1870 г. занимала бассейны рек Обвы, Иньвы, Язьвы, Косы и Верхней Камы[1], где они продолжали жить в первой половине XX в.

Для использования водоемов с наибольшей продуктивностью лов рыбы проводился круглый год. Однако не всегда его значение было одинаковым. Нами были выделены три периода наиболее интенсивного рыбного лова: 1) конец февраля – середина марта (время, когда мелкие озера так сказать «задыхались» и население округа «качало» рыбу); 2) конец апреля – начало мая (время вскрытия рек и озер ото льда, когда рыба шла к берегу); 3) время икромета рыбы, которое варьировалось в зависимости от озера и вида рыбы (к примеру, в окрестностях д. Митино икромет продолжался в мае, а в реках, прилегающих к поселку Гайны, – в июне). Кроме того, для речного рыболовства большое экономическое значение имел период с середины до конца октября: когда устанавливался лед, рыба начинала идти по течению на зимовку, и для ее ловли коми-пермяки сооружали запоры.

В целом, на мелких озерах и реках наибольшее экономическое значение в жизни коми-пермяков имел лов рыбы по открытой воде, в данном случае основной рыболовный сезон начинался в конце апреля – начале мая, когда озера и реки освобождались ото льда, и завершался в середине – конце октября, когда на водоемах вновь устанавливался лед. Зимой на крупных озерах значение рыбного лова не падало, поскольку после установления льда на них начинался коллективный рыбный промысел неводами. К концу февраля у значительной части коми-пермяков истощались запасы мяса, и это активизировало их рыболовную практику.

Нами было отмечено, что основная часть добычи при рыболовном промысле коми-пермяками использовалась в пищу. В то же время массовый лов рыбы весной и осенью при перегораживании рек открывал возможность выделять часть добытой рыбы на продажу, например, жители Гайнского района возили рыбу в соседнее село Юрлу, где ее не только продавали, но и меняли на хлеб. Важное место здесь играла добыча чехони. Именно данную рыбу в соленном или сушенном виде предпочитали многие жители округа и соседних областей.

[1] *Шишкин Н.И.* Коми-пермяки: этнографический очерк. Молотов, 1947. С. 79

В связи с зафиксированными рыболовными циклами, многообразием средств и приемов рыболовства, а также направлениями использования продукции мы попытались выявить основные типы промысла в Коми-Пермяцком округе в период с конца XIX–XX вв.

Традиционным типом для коми-пермяков, проживающих вблизи мелких озер и рек, являлся *запорно-сетевой*. Рыбопромысловый цикл этого типа состоял из весенне-осеннего запорного лова, круглогодичного (преимущественно весенне-осеннего) промысла сетями, сетными и плетеными ловушками (*«гымга»* морда, сак, «*кöвтым»* бредни).

Исследователь начала XIX в. указывал на широкое распространение заграждений *(«домöт»)* среди коми-пермяков, в основном на реках[1].

Запор одного типа включал в себя две загородки по обеим сторонам реки и длинную *морду*. *«Зимой деревянные делали морды. Перегораживают ветвями ёлошными. Лёд было, да лёд-то пилой пилили. А попадала рыба»*[2]. Плотные загородки изготовлялись из березовых, осиновых, таловых, сосновых столбиков, установленных по дну реки. Часто при запоре ставили не одну, а две-три морды, причем весной, когда рыба идет против течения, их располагали устьем по течению и, наоборот, осенью, когда рыба плывет по течению, морды ставили устьем против течения. Запор другого типа состоял из сплошной загородки и ловушки котцового типа, представлявшие собой плотные изгороди из вертикально установленных таловых, сосновых шестов, переплетенные друг с другом пихтовыми ветками. *«Домöт – по-пермяцки так называется загородка. Загораживают: набьют колья, потом жерди, пихтовую и еловую хвою»*[3]. Проверялись морды один раз в 2-7 дней. Иногда рядом с установленной мордой бросали хлеб в качестве приманки. Размер улова зависел от размера морды и сезона, составляя от 0.5 до 4 ведер рыбы[4].

Очевидно: такой способ рыболовства имеет некоторые положительные моменты: во-первых, обеспечение гарантированного улова в любое время года; во-вторых, не имелось потребности регулярно проверять добычу, в отличие от сетей. Кроме того, морды были экологичной формой промысла – за счет ограниченного улова позволяли сохранять рыбные ресурсы. *«Рыба закодит, там выкодить нельзя ему. Поперек речки ставили, закрывали речку кругом, окно делаем и туда морду ставили»*[5].

Необходимо отметить, что рассмотренный прием рыболовства не имеет специфический характер для рыбалки в округе, т.к. их можно встретить у соседних народов (у русских северных областей, карел, вепсов)[6].

Во время весеннего половодья в небольших водоёмах активно применяли один из самых распространенных способов рыболовства – *сак*. Сак представлял собой сеть в форме мешка треугольной формы, который

---

[1] *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии… Ч. 3. Санкт-Петербург, 1813. С. 276.
[2] *ПМ 2005:* Гайнский район, д. Сойга, Мизева Анастасия Ивановна, 1934 г.р., родом из д. Конопля
[3] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Пиканово, Давыдов Афанасий Емельянович, 1941 г.р.
[4] *Белицер В.Н.* Очерки этнографии коми. М.: АН СССР, 1958. С. 97–98
[5] *ПМ 2006:* Кудымкарский район, с. Верх-Юсьва, Подъянов Егор Афанасьевич 1925 г.р., местный.
[6] *Белицер В.Н.* Очерки этнографии коми. М., 1958. С. 97.

прикреплялся к длинной палке с поперечником 1,5-2 м[1]. *«Саки, как треугольные, рот большой»*[2]. Важной частью конструкции сака являлся «кошель». *«(Сак?) Плетут, как конусную делают. Голову из жерди делают. Просто накидываешь и тянешь на себя, сзади кошель как остается»*[3].

Снасть используется весной, во время разлива рек, в озерах, некрупных речках, преимущественно во время нереста. Так, лещ нерестится в мае, перед Семиком (когда важно было иметь рыбу на столах), рыболовы Верх-Иньвы, по словам информанта, использовали интересный и редкий вариант рыбной ловли с помощью сака. *«Делаешь борозду из гали (камня), забиваешь два кола тут, сюда сак плотно кладешь, чтобы снизу не шел. И одному человеку сюда когда-то попал лещ»*[4]. Иногда сак закидывали в воду с берега, погружая до дна, а затем тихо вели обратно.

По рассказам жителей округа, на перекатах делали заставы из бревен. В узких местах ставили саки с короткими черенками. Ударяя по воде ботом, стаи рыб загонялись в отмеченное рыболовное устройство. Так продолжалось до самого утра с периодичностью нагона в 30 минут[5].

Известно, что сак при бережном отношении служил рыболовецкой семье десятилетия.

Весной в Коми-Пермяцком округе широко применялся лов рыбы *вентерями (ветель, фитиль, вентерь)*. Такие названия объяснялись их применением «через всю реку с берега до берега»[6].

Изготовление *ветеля* требовало несколько основных моментов: сначала сеяли лен, обрабатывали его, пряли, затем начинался процесс его плетения. В силу большой занятости летом, производством ветелей занимались зимой[7]. После того, как сети были готовы, их привязывали за ранее приготовленные палки[8]. Очевидно, что эта рыболовная сеть имела вид воронки с двойным дном. В конструкции ветеля была одна важная особенность: боковые сетчатые крылья. *«Это не мережа, под вид мережи, только хвост длинный. Тут набортники [может имеется в виду крылья]: борд – крыло), а там хвост у него метра два тянется*/[9]. Известно, что внутри данного приспособления, в специальных мешочках, рыболовы оставляли подкорм[10].

В весеннее время рыбу ловили с помощью одной из разновидностей сетевых орудий – *мережи («кулӧм»)*[11]. В зависимости от того, какую рыбу

---

[1] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Пиканово, Иван Емельянович, 1938 г.р., родился в д. Симоново

[2] *ПМ 2003:* Нытвинский район, с. Шерья, Бормотова (Четина) Любовь Степановна, 1936 г.р.

[3] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Чинагорт, Кривощеков Иван Михайлович 1929 г.р.

[4] *ПМ 2010:* Кудымкарский район, с. Верх-Иньва, Зубова Лилия Герасимовна, 1934 г.р., родом из д. Лелёва

[5] *ПМ 2013:* Кудымкарский район, с. Пешнигорт, Иван Петрович Денисов, 1956 г.р.; ПМ 2006. Кудымкарский район, д. Пятина, Зубова Афанасия Ивановна 1929 г.р., родом из д. Курдюк Отевского с/с.

[6] *Чагин Г.Н.* Культура и быт русских крестьян Среднего Урала в середине 19-начале 20 века: Этнические традиции материальной жизни. - Пермь, 1991. С. 40.

[7] *ПМ 2005:* Гайнский район, п. В. Будым, Логинова Мария Кирилловна 1929 г.р., родом из д. В. Лупья

[8] *ПМ 2005:*Гайнский район, п. Кебраты, Мизева Еливерия Алексеевна 1931 г.р.

[9] *ПМ 2008:* Кочевский район, с. Большая Коча, Владимир Федорович, родом из Мара-Пальника

[10] *ПМ 2008:* Кочевский район, с. Коча, Хомяков Иван Михайлович 1939 г.р., родом из д. Зельгорт.

[11] *ПМ 2007:* Кочевский район, д. Кузьмино, Хомякова Клавдия Андреевна 1929 г.р.

собирались ловить, делались большие и средние мережи. *«На большую рыбу крупную. На сорожку мелкую»*[1]. Отсюда справедливые названия мережи – «лещевки» и «язевки». По замечанию исследователя В.Н. Белицер, снасть представляла собой одностенную или двутетивную сеть. Размер сети зависел от ширины водоема. Заметим, что мережи были немного меньшего размера в отличие от невода, - длина достигала 3-4 м.[2], ширина – 50 см.[3]. «*Мережа - двойная сетка, одна мелкая, другая крупная»*[4]. Плетением мережи занимались хозяйки дома, а рыболовы уже сами устанавливали грузила и поплавки. *«Мережу бабы сплетут тонко со льна, потом на ряж потолше*[5]. Нитки для мережи пряли сами до тех пор, пока они не появились на прилавках магазинов. *«Потом капроновые нитки появились, они крепче»*[6].

Почти повсеместно по округу использовался *бредень «кöвтым»* для ловли мелких рыб. В силу низкой стоимости, бредень имелась у каждого коми-пермяка. Эта снасть представляла собой сеть, подобную неводу, уступая только размерами. Так, его длина не превышала 10— 15 м. Опросы показали, что бредень шился из мелкого холста посредством иголки и таба самими рыболовами или членами семьи. От размера таба зависела ширина сетной клетки. *«Сам бредень сетка просто сетка, частая сетка»*[7]. Наверху бредня рыболовы прикрепляли шарики из бересты, снизу – глиняные. *«[Шили чем?] Ем и таб. Ем - иголка, таб - ячейку-то делать. Чем больше таб, тем шире клетки у сетки»*[8].

В рыболовстве неводом участвовали два человека, тянущие бредень вдоль берега мелководного водоема. *«Бредень таскают двое. На одной конце и другом палки. На одном конце человек и на другом»*[9]. Существовало два способа применения бредня: во-первых, когда один рыболов заходил в воду, а другой шел по берегу и, во-вторых: когда оба промысловика, держа с двух сторон бредень, вытягивали его в водоеме, идя по дну[10].

На озерах Гайнского района сложился *неводно-запорный вид,* основанный на осенне-зимне-весеннем неводном и весенне-осеннем запорном промыслах.

После весеннего паводка устанавливали специальные заграждения: *дöмöт* «загородка поперёк реки», *ез* «ловушка-заграждение», *рус* «черезовой запор», *тас* «запор для весеннего лова рыбы», *тшуп* «заграждение для лова рыбы мордами и вентерями».

Полевые записи показывают: невод представлял собой большую сеть, где имелось не только полотно, но и важная часть всей структуры невода –

---

[1] *ПМ 2008:* Кочевский район, с. Коча, Хомяков Иван Михайлович 1939 г.р., родом из д. Зельгорт.
[2] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Н. Волпа, Кривощеков Александр Ефимович 1929 г.р., местный
[3] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Андроново, Боталов Андрей Михайлович, 1928 г.р.
[4] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Пронино, Кривощеков Павел Ильич, 193 г.р., родился в д. Карасово
[5] *ПМ 2004:* Юсьвинский район, д. Кагулево, Кылосов Василий Петрович, 1930 г.р., местный.
[6] *ПМ 2008:* Кочевский район, с. Коча, Хомяков Иван Михайлович 1939 г.р., родом из д. Зельгорт.
[7] *ПМ 2007:* Кудымкарский район, с. Кува, Суханова Анастасия Николаевна 1921 г.р.
[8] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Чинагорт, Кривощеков Иван Михайлович 1929 г.р.
[9] *ПМ 2009:* Кочевский район, д. Шорша, Пальшин Платон Митрофанович, 1932 г.р., местный
[10] *ПМ 2008:* Кочевский район, д. Пыстогово, Дружинина Марфа Яковлевна 1926 г.р.

кошель, имеющая более частые ячейки для того, чтобы попавшая в невод рыба задерживалась. Обычно таким неводом рыбачили три человека: двое рыболовов шли по бокам водоема, держа невод с помощью прикрепленных к нему палок, а третий помогал держать срединную основную часть приспособления. *«Сзади идёт один. Втроем поднимают. Когда двое идут»*[1]. Когда все рыболовы были готовы - поднимали невод с пойманной рыбой. Если их встречала неудача, они пробовали еще несколько раз.

Иногда невод был изготовлен без кошеля, тогда его называли *«крыгой». «Без кошеля называется «крыга», это без кошеля». Ее использовали в травянистых местах. Особенно где перекаты, там травинки есть. Там рыба стоит»*[2].

Летом невод закидывали с лодки обязательно по течению реки до 10 раз в сутки. В конце XVIII в. на р. Каме неводьба происходила следующим образом: один конец невода прикрепляли к берегу с помощью специальной палки, другой же затягивали на середину водоема. С помощью длинной веревки, привязанной к этому концу, тянули невод из реки[3]. Заметим, что такой прием рыболовства в округе до сих пор ценен и активно применяется.

Несколько сложнее процедура ловли рыбы с помощью невода представлялась в зимний период года. Сначала прорубали определенное пространство реки, озера (в зависимости от размеров снасти), затем пробивали во льду лунки через 2-3 м. Тягловую сеть погружали в прорубь и пропускали его подо льдом, усердно проталкивая через лунки шестами до самого берега или до второй проруби, собственно через последнюю вытаскивали невод с пойманной добычей[4].

Женщинами и детьми практиковался лов рыбьей мелочи с помощью холстяных неводов *«тыв»* из домотканой редины длиной 12 – 15 м. и высотой не более 2 м. Верхние и нижние подборы связывали и привязывали к палкам у самой сети. Ловили преимущественно вдвоём. Один человек оставался на берегу, другой заходил по грудь в воду и, протащив сеть некоторое расстояние, шёл к берегу.

Помимо натурального использования продукции рыболовства в хозяйствах коми-пермяцкого народа, существенная часть добычи имела товарное значение: жители Гайнского района возили рыбу в соседнее село Юрлу, где ее не только продавали, но и меняли на хлеб.

К традиционным типам данного промысла коми-пермяков относится так называемое *«острожное»* рыболовство. Такой рыболовный прием использовался осенью, когда вода в реках и озерах становится холодной и прозрачной, а рыба собирается в удобные места и ложится в ночную спячку. Старики этот период определяли с помощью кукушки. *«Когда кукушка перестанет куковать – уже всё, пожалуйста, можно»*[5]. Лов рыбы при этом

---

[1] *ПМ 2009:* Кочевский район, д. Хазово, Минина Мария Демидовна, 1939 г.р.
[2] *ПМ 2009:* Кочевский район, д. Хазово, Минин Егор Михайлович, 1936 г.р.
[3] *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии… Ч. 3. Санкт-Петербург, 1813 г. С. 161.
[4] *ПМ 2014:* Кочевский район, с. Юксеево, Евдокимов Василий Алексеевич, 1964 г.р.
[5] *ПМ 2008:* Кочевский район, с. Коча, Хомяков Иван Михайлович 1939 г.р., родом из д. Зельгорт.

проходил вечером или даже ночью (отсюда название способа, в котором представлено значение слова луч – направленный свет)[1]. Обязательным условием для лучения была безветренная погода, тихая атмосфера.

Рыболовы брали с собой острогу – *«азылас»* - массивную вилку, насаженную на древко, и железную решетку – *«кӧза»*, которую прикрепляли на носу лодки на высоте примерно 2 м. над уровнем воды[2]. *«Берут проволочку, ее берестой обмотают, и горит минут 10-15»*[3]. Известно, что на решетке разжигали огонь, используя для этого не только бересту, но и смоляные корни - *смольё*. Как стало известно, смолье представляло собой небольшие полешки или щепки из смолистых сосновых пней, заготавливали заранее и тщательно просушивали, чтобы свет луча был ярким и не сопровождался громким треском, что могло бы напугать рыбу. «*Смоляные корни сушишь, ковш специально делаешь железный из проволок»*[4]. Тем самым «огонь» освещал часть водоема. Другим вариантом освещения был своеобразный факел – сверсток бересты, воткнутый в расщепленную палку: *«Факелом на речке светят, а она спит, видно, ее и протыкают вилкой»*[5].

Довольно опасным, но проверенным веками способом освещения реки при лучении было разжигание костра на лодке. *«На носу лодки костер делали, вилкой - пешня - три зубца ловили рыбу»*[6].

Лучением занимались коллективно, парами. Известно, что один из рыболовов находился на корме лодки и управлял лодкой веслом или с помощью шеста, проявляя осторожность. Второй рыболов стоял на носу и смотрел в воду. Увидев спящую в воде рыбу, он закалывал в нее острогу и вытаскивал рыбу из воды. Отметим, что острогой ловили преимущественно крупную рыбу (например, щуку, сорогу)[7].

В Кочевском районе в д. Москвино старожилы рассказывали, что острога изготавливалась из проволоки, была 9-тизубовой, 7-зубовой, 11-зубовой[8]. Повсеместно, было распространенно мнение о том, что четное число зубьев имело магическое значение, следовательно, острога теряла свою силу.

Одним из самых распространенных архаичных способов рыболовства коми-пермяков является *вугыр* «удочка». Ловля рыбы с помощью такого снаряжения была распространена повсеместно, но занимались ею ввиду малой продуктивности в основном дети. Сегодня модернизированная удочка представляет *спиннинг* - «ужение рыбы верчением», который стал своеобразным символом принадлежности к элите рыбаков-любителей.

---

[1] *Рыболовный словарь Прикамья* / Бакланов М.А. и др. СПб., 2013. С. 40

[2] *Белицер В.Н.* Очерки этнографии коми. М., 1958. С. 100; ПМ 2005: Гайнский район, п. В. Будым, Логинова Мария Кирилловна 1929 г.р., родом из д. В. Лупья; ПМ 2003: Юсьвинский район, д. Чинагорт, Кривощеков Иван Михайлович 1929 г.р.

[3] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Пиканово, Иван Емельянович, 1938 г.р., родился в д. Симоново.

[4] *ПМ 2007:* Кочевский район, д. Москвино, Кучев Иван Васильевич 1931 г.р., местный

[5] *ПМ 2007:* Кудымкарский район, д. Важ-Пашня, Мелентьев Вениамин Васильевич 1932 г.р.

[6] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Пронино, Кривощеков Павел Ильич, 193 г.р., родился в д. Карасово.

[7] *ПМ 2003:* Юсьвинский район, д. Чинагорт, Кривощеков Иван Михайлович 1929 г.р.

[8] *ПМ 2007:* Кочевский район, д. Москвино, Кучев Иван Васильевич 1931 г.р., местный.

Итак, во всех районах округа рыболовство имело в основном местный, потребительский характер. Только в Гайнском районе рыба становилась предметом обмена, товарообмена.

Различия в рыболовной практике коми-пермяков были обусловлены локальными особенностями основных промысловых пространств округа – рек и озер. Озера и река Кама в Гайнском районе открывали более широкие возможности для ведения рыбного промысла, по сравнению с небольшими озерами и реками, в силу ряда причин: 1) озера обладали значительно большими в количественном отношении рыбными запасами, что увеличивало выгодность массового лова рыбы и окупало использование дорогостоящих неводов; 2) крупные озера, в отличие от мелких, имели огромные пространства открытой, свободной от камыша воды, необходимые для использования неводов; 3) озера были окружены мелкими водоемами, соединявшимися с крупным озером естественными промоинами, открывавшими широкие возможности для строительства на них запоров.

Завершая рассмотрение рыболовства коми-пермяков, подчеркнем, что ведущую роль в их хозяйственном комплексе играло занятие речным рыболовством. Озерное рыболовство имело существенное значение лишь в хозяйстве северной группы коми-пермяков, поскольку именно на их территории расселения имеются значительные озерные пространства.

Таким образом, на территории расселения коми-пермяков фиксируется типологическая однородность орудий рыболовства при локальных и сезонных отличиях в их использовании. Можно отметить некоторую специфичность в применении орудий лова по отдельным районам. Так, например, на реках Косе (Косинский район), Лолог (Гайнский район) широко пользовались саком и бреднем, а в верховьях рек и на протоках устраивали заграждения и запоры, ставили ветеля и морды. На озерах Гайнского района широко применяли зимний подледный лов.

© Евдокимова О.В., 2014 г.

УДК 903.25 (032.42)

Камалеев Э.В.

Украшения эпохи бронзы археологических коллекций Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН

Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН является не только единственным академическим учреждением в Урало-Поволжье, но и крупнейшим хранилищем археологических предметов и коллекций на Южном Урале. Из 1200 коллекций учтенных в Книге поступлений основного фонда музея более 300 относятся к памятникам эпохи бронзы. Материалы эпохи бронзы Музея археологии и этнографии, собранные известными археологами, краеведами и исследователями на территории Республики Башкортостан, а также сопредельных республик и областей, насчитывают более чем 60000 ед.хр.

Из общего числа предметов археологических коллекций эпохи бронзы всего 18 предметов (23 ед.хр.) содержат в своем составе драгоценный металл и хранятся в фонде драгметаллов (Спецхран) ИЭИ УНЦ РАН. Данные артефакты представлены двенадцатью бронзовыми желобчатыми височными подвесками в 1,5 оборота, двумя округлыми височными подвесками в 1,5 оборота, двумя круглыми несомкнутыми височными кольцами, одним серебряным проволочным кольцом в 2 оборота и одной V-образной привеской плакированные золотой фольгой.

Целью статьи является описание предметов эпохи бронзы фонда драгметаллов (Спецхран) ИЭИ УНЦ РАН, выявление особенностей орнаментации, создание базы данных физических характеристик указанных предметов (см. Прил. 1).

Достаточно распространенными маркерами срубной культуры являются бронзовые височные подвески, сделанные из желобчатого стержня полуовального в сечении с приостренными краями в 1,5 оборота, которые зачастую были плакированы золотой фольгой толщиной 0,2-0,5 мм и украшены рядами параллельных насечек. Они сделаны из желобчатого бронзового прута, довольно изящно перегнутого так, чтобы концы заходили друг за друга. Часто подвески имели всевозможные нарезки или шишечки на внешней поверхности, в качестве дополнительных украшений[1].

Формы подвесок несколько отличаются друг от друга в зависимости от степени сгиба боковых частей. Боковые стенки могут быть сжаты таким образом, что полностью перекрывают друг друга в боковой проекции, образуя форму вытянутого овала. Иногда стенки слегка сжаты таким образом, что загнутые приостренные окончания соприкасаются либо немного пересекаются, образуя V-образную форму. В других случаях боковые стенки могут быть сильно перекрещены, тогда они заведены друг за друга образуя форму напоминающую якорь.

Височные подвески, найденные у черепа, являлись частью украшения

[1] *Зудина В.Н.* Археологические древности Южного Средневолжья. Самара, 1998. С. 42–43.

взрослого женского костяка, в котором встречаются также бронзовые желобчатые подвески, нашивные украшения, реже накосники и бусы, что свидетельствует о выраженной социальной стратификации срубных племен[1]. В то же время диаметрально противоположная точка зрения о том, что золото в погребальном инвентаре не является показателем социальной выделенности, была высказана Н.М. Маловым[2].

Две височные подвески в форме вытянутого спирального овала в полтора оборота слегка сдавленного на конце[3] и сужающимися концами были найдены В.С. Стоколосом в 1969 г. в погребении 8, кургана № 2 Русско-Тангировских курганов в Кугарчинском районе РБ. Некрополь расположен на распахиваемой площадке высокой первой надпойменной террасы левого берега р. Большой Ик, на южной окраине с. Новопетровское Кугарчинского района РБ, слева от дороги в с. Мраково.

Подвески находились на височных костях с обеих сторон черепа «возмужалого скелета». Первая подвеска (КП 461/266 – здесь и далее инвентарный номер предмета по Книге поступлений) имеет длину – 3,8 см, ширину – 1,3 см и массу – 4,48 гр. Подвеска декорирована одним рядом чеканенных насечек на обеих сторонах, переходящая в два параллельных ряда насечек на загнутых окончаниях предмета.

Орнамент подвески в виде горизонтальных насечек возник в результате наложения и чеканки золотой фольги. Аналогичным образом создавался орнамент на всех подвесках и украшениях. Сама же бронзовая подвеска была чеканена из тонкой пластины. Очевидно, при чеканке употреблялся инструмент с округлым рабочим концом, так как почти все украшения имеют те или иные выпукло-вогнутые формы[4].

Вторая подвеска (КП 461/267) длиной – 3,8 см, шириной – 1,6 см и массой – 5,25 гр. была найдена на височных костях с другой стороны черепа. Орнамент второй подвески имеет один ряд насечек на одной стенке, переходящий в три ряда на загнутом окончании с одной стороны, и один ряд параллельных насечек, переходящих в три ряда на другой стенке, заканчивающийся одним рядом насечек на другом загнутом окончании предмета.

Бронзовая желобчатая подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой (622/25), найденная Ю.А. Морозовым в 1975 г. на Старо-Ябалаклинском могильнике несколько отличается по форме. Подвеска имеет удлиненную форму с параллельными стенками и зауженные концы. Орнамент представлен рядом чеканенных насечек на одной из сторон, очевидно лицевой, и загнутом окончании предмета. Длина подвески – 4,9 см, ширина – 1,5 см, общий вес – 8, 28 г. Интересно, что данная подвеска из

---

[1] *Семенова А.П.* Поздний бронзовый век Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 176.

[2] *Малов Н.М.* Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. 2000. Вып. 11. С. 42.

[3] *Стоколос В.С.* Научный отчет о результатах археологических исследований за 1969 г. // Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (далее НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 2. Д. 754.

[4] *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 46. М. С. 65.

погребения № 3 кургана № 48 была найдена около бедренных костей взрослого скелета[1].

В 1978 г. отрядом Уфимского Дворца пионеров под руководством Р.А. Нигматуллина проводились раскопки I Ново-Ябалакалинского могильника в 1 км к югу от д. Новые Ябалаклы Чишминского района. В ходе раскопок памятника на надпойменной террасе правого берега р. Демы в погребении 10 кургана № 5 на шейных позвонках и под черепом костяка взрослого человека были найдены две бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой[2].

Первая подвеска (КП 679/29) грушевидной формы длиной – 4 см, шириной – 1,6 см и массой – 4,95 гр. Предмет в плохой сохранности из-за окисления бронзового основания предмета. Подвеска имеет горизонтальные и косые ряды насечек на боковой стенке, в верхней части и на загнутом окончании с одной, а также ряды в нижней части боковой стенки и на загнутом окончании с другой стороны.

Вторая желобчатая подвеска (КП 679/30), аналогичная по форме первой, длиной – 4,2 см, шириной – 1,4 см и весом – 4,34 г. Орнамент представлен рядами горизонтальных насечек в верхней части и на загнутом окончании. Косые насечки нанесены на боковой стенке с одной стороны, и рядами горизонтальных насечек в нижней части боковой стенки и на загнутом окончании с другой стороны украшения.

В удовлетворительной сохранности представлены бронзовые желобчатые височные подвески в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой из раскопок Качкиновских курганов 1978 г. Исследование памятника проводилось отрядом Уфимского Дворца пионеров под руководством Р.А. Нигматуллина в 600 м восточнее с. Качкиново, Бижбулякского района РБ на высокой террасе левого берега р. Демы. Подвески были найдены в погребении № 1 кургана № 5 за черепом второго костяка и под черепом[3].

Одна из подвесок (КП 680/23), предположительно грушевидной формы, состоит из двух фрагментов, одна из которых имеет сильно окисленное бронзовое основание, а у второй половины наблюдается его частичное наличие с сохранением деформированной золотой фольги. Общий вес двух фрагментов – 1,98 г. при длине – 4,2 см. Орнамент, представленный на двух фрагментах, а также непокрытом фольгой бронзовом основании, состоит из горизонтальных насечек на боковых стенках и на загнутых окончаниях предмета.

Вторая подвеска (КП 680/24) плохой сохранности в виду не только утраты целостности предмета, а также окисления бронзового основания на двух фрагментах подвески, но и отсутствия большей части золотой фольги. Состоит из двух частей, которые сохранили фрагменты горизонтальных

[1] *Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 28–29.

[2] *Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А.* Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). Уфа, 2003. С. 30–43.

[3] *Там же*. С. 3–29.

штампованных насечек, аналогичные первой подвеске того же погребения. Длина подвески 4,4 см. и общая масса двух фрагментов – 4,35 гр.

Очередные височные подвески были найдены Ю.А. Морозовым при исследовании Старо-Ябалаклинского могильника в 1979 г. Памятник эпохи бронзы находится в 2-3 км к югу от с. Ябалаклы, Чишминского района на мысу высокой надпойменной террасы левого берега р. Удряк – левого притока р. Демы. Подвески были найдены в погребении 8 кургана № 106 при зачистке под черепом у подбородка и на виске.

На первой подвеске (683/46 а) длиной 4 см, шириной 1,6 см и массой 5,02 гр. наблюдается частичная утрата золотой фольги. Овальная в основе форме подвески была изменена путем надавливания на стенки и придания ей выраженной грушевидной формы. Орнамент в виде насечек на одной стороне, и в нижней части боковой стенки, а также на загнутом окончании с другой.

Вторая подвеска из того же погребения (683/46 б) имеет прямые стенки и характерные горизонтальные насечки только на одной боковой стороне украшения. Длина подвески 4 см, ширина 1,6 см и масса 3,74 гр.

К числу последних из найденных височных подвесок в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой являются украшения из Николаевских курганов раскопок Ю.А. Морозова 2004–2006 гг. Могильник расположен в 1,5 км к северо-востоку от с. Николаевка Стерлитамакского района, на первой надпойменной террасе левого берега р. Стерля[1].

Две височные подвески (1093/531 и 1093/532), плакированные золотой фольгой были найдены около затылочной кости и под черепом костяка взрослой женщины из погребения № 11. Обе подвески удовлетворительной сохранности, у которых бронзовый желобчатый стержень окислен и сохранился фрагментарно. Длина подвесок около 4 см, масса 4,95 гр. и 4,03 гр. соответственно. Обе подвески орнаментированы характерными насечками на одной из сторон и на одном зауженном загибе-окончании предмета, создающие композицию на лицевой стороне украшения.

К числу уникальных необходимо отнести две округлые височные подвески в 1,5 оборота, плакированные золотой фольгой, а также удлиненная височная подвеска в 1,5 оборота украшенные выпуклинами.

Первая бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотом неправильной овальной формы была найдена в погребении № 6 под черепом у левой височной кости детского костяка в возрасте около 8 лет. Подвеска (1093/62) длиной 2 см, шириной 1,6 см и массой 2,79 гр. имеет слабовыраженные поперечные насечки в узкой верхней части и выпуклины в широкой. Вторая аналогичная по форме и размерам подвеска (1093/546) массой 2,37 гр., обнаруженная в могиле женщины в возрасте 16-20 лет погребения № 15, имеет лишь три полусферические выпуклины на каждом заостренном окончании в нижней части украшения.

Из этого же погребения происходит бронзовая желобчатая подвеска в

[1] *Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа, 2009. 240 с.

1,5 оборота вытянуто-овальной формы, плакированная золотой фольгой (1093/545). Длина подвески 5 см, ширина – 1,8 см и масса – 6,44 г. В верхней части она имела расширенные лопасти, напоминающие очковую змею (видимо кобру), кроме того, она украшена вьющимися насечками и полусферическими выпуклинами, имитирующими кожу змеи[1].

Точка зрения о том, что височные подвески несут какой-то религиозный смысл и связаны со змеиным культом, отражены не только в погребальном культе, но и, очевидно, в повседневной жизни женского населения срубной культуры. Схожесть форм и орнаментации самих височных подвесок вкупе с анализом археологических источников, данных этнографии лингвистики и семиотики позволили М.В. Халяпину высказать наиболее обоснованное предположение о существование у населения срубной культурно-исторической общности змеиного культа[2].

Наиболее ранней из найденных артефактов является бронзовая височная привеска в виде латинской буквы V, плакированная золотой фольгой (КП 85/104), найденная К.В. Сальниковым парном погребении 9 кургана № 1 Ново-Балтачевского могильника в с. Ново-Балтачево, Чекмагушевского района РБ в 1962 г[3]. Привеска длиной 3,3 см, шириной 3,1 см и массой 4,53 гр. была найдена среди раздавленных костей черепа. Выполнена из загнутой бронзовой проволоки толщиной 0,2 см в виде латинской буквы V с расширенными краями и двумя насечками предваряющие колоковидные концы предмета диаметром 0,8 см.

Данный предмет в отличие от других типично срубных украшений является уникальным, так как редко встречается в погребениях указанной археологической культуры.

Определенный интерес представляют круглые бронзовые височные кольца, плакированные золотой фольгой из раскопок 1973 г. Ю.А. Морозова II Тавлыкаевского могильника погребения 1 кургана № 2. Памятник находится близ д. Верхнетавлыкаево, Баймакского района РБ, на высокой террасе левого берега р. Сакмары[4]. Одна из подвесок была найдена на черепе скелета человека, лежавшего на левом боку, а другая подвеска найдена под черепом.

Первое височное кольцо овальное в сечении (КП 620/2 а, б),у которого один зауженный конец заходит в углубление другого. Наружный диаметр находки – 6 см, внутренний – 4,7 см, масса предмета – 10,82 гр. Бронзовая подвеска плакирована золотой фольгой, которая накладывается снаружи вовнутрь кольца, создавая внутренний несомкнутый шов.

---

[1] *Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Указ соч. С. 136–137.

[2] *Халяпин М.В.* К вопросу о культе змеи у населения срубной культурно-исторической общности // Етнічнаісторія та культура населення Степу та Лісостепу Євразії (відкам'яноговіку по раннєсередньовіччя: Матеріали міжнародної археологічної конференції. Дніпропетровськ, 1999. С. 92–94.

[3] Сальников К.В. Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии // Ученые записки ПГУ, № 148. Пермь 1967. С. 72–92.

[4] *Морозов Ю.А., Пшеничнюк А.Х.* Новые погребальные памятники срубной культуры в Южной Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 9, 15.

Технология изготовления аналогичного украшения из I Ново-Ябалаклинского могильника раскопок В.С. Горбунова была описана следующим образом: «вначале была изготовлена пластинка подпрямоугольной формы, сужающаяся к концам. Затем на нее был наложен листок фольги 0,15 мм толщиной, повторяющий форму бронзовой заготовки, но с боков края ее несколько выступали. …Изготовленную таким образом пластинку свернули в виде трубочки и загнули в форме кольца»[1]. Кольцо состоит из двух частей и имеет четыре ряда тройных насечек на концах предмета.

Второе кольцо аналогичной формы (КП 620/3) не повреждено. Имеет наружный и внутренний диаметр – 5,8 и 4,1 см соответственно, вес предмета – 10,25 гр. Орнамент представлен в виде сочетания четырех параллельных чеканенных насечек на несомкнутых концах подвески.

Единственным абашевским украшением в фондах драгметаллов является серебряное проволочное кольцо в два оборота. Украшение найдено в засыпке ямы погребения 1 кургана № 1 Тугаевских курганов раскопок Н.А. Мажитова, 1966 г. в Гафурийском районе РБ[2]. Кольцо (217/3) диаметром 2 см выполнен из проволоки толщиной 1-1,4 мм.

Предметы из драгметаллов во все времена являлись довольно редкими и желанными находками для археологов с точки зрения их научной значимости. Наличие украшений из драгметаллов может свидетельствовать об эстетическом назначении данных предметов, выделяющиеся наряду с аналогичными бронзовыми изделиями яркостью цветов и богатством орнаментации. Правильность форм и качество изготовления, а также редкая встречаемость таких украшений в археологических памятниках Башкирии не оставляет сомнений в привилегированности и социальном статусе его владельца.

Приложение 1

Каталог украшений эпохи бронзы фонда драгметаллов ИЭИ УНЦ РАН

№ п/п	Наименование предмета	Инв. номер	Памятник; погребение, курган	Автор и год раскопок	Размеры, мм			Вес, гр.
					Д.	Ш.	Диаметр	
1	Височная привеска в виде латинской буквы V плакированная золотой фольгой	85/104	Ново-Балтачевский могильник; курган 1, погр. 9.	Сальников К.В., 1962 г.	33	31		4,53
2	Серебряный проволочный перстень в 2 оборота	217/3	Тугайские курганы; курган 1, погр. 1.	Мажитов Н.А., 1966 г.			20	

[1] *Горбунов В.С.* Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы // Советская археология. Вып. 1, 1977. С. 149–161.

[2] *Мажитов Н.А.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1966 г. // НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 688.

3	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой	461/ 266	Русско-Тангировские курганы; курган 2, погр. 8.	Стоколос В.С., 1969 г.	38	13		4,48
4	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой	461/ 267	Русско-Тангировские курганы; курган 2, погр. 8.	Стоколос В.С., 1969 г.	38	16		5,25
5	Круглое бронзовое височное кольцо, плакированное золотой фольгой	620/ 2а, б	II Тавлыкаевский могильник; курган 2, погр. 1.	Морозов Ю.А., 1973 г.			наружн. – 60; внутр. – 47.	10,82
6	Круглое бронзовое височное кольцо, плакированное золотой фольгой	620/3	II Тавлыкаевский могильник; курган 2, погр. 1.	Морозов Ю.А., 1973 г.			наружн. – 58; внутр. – 41.	10,25
7	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой	622/25	Старо-Ябалаклинский могильник; курган 48, погр. 3.	Морозов Ю.А., 1975 г.	49	15		8,28
8	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	679/ 29	I Ново-Ябалакалинский могильник; курган 5, погр. 10.	Нигматуллин Р.А., 1978 г.	40	16		4,95
9	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	679/ 30	I Ново-Ябалакалинский могильник; курган 5, погр. 10.	Нигматуллин Р.А., 1978 г.	42	14		4,34
10	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	680/ 23	Качкиновские курганы; курган 5, погр. 1.	Нигматуллин Р.А., 1978 г.	42			1,98
11	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	680/ 24	Качкиновские курганы; курган 5, погр. 1.	Нигматуллин Р.А., 1978 г.	44			4,35

12	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	683/ 46 а	Старо-Ябалаклинского могильника; курган 106, погр. 8.	Морозов Ю.А., 1979 г.	40	16		5,02
13	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	683/ 46 б	Старо-Ябалаклинского могильника; курган 106, погр. 8.	Морозов Ю.А., 1979 г.	40	16		3,74
14	Округлая бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой	1093/ 62	Николаевские курганы; курган 1, погр. 6.	Морозов Ю.А., 2004–2006 гг.	20	16		2,79
15	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	1093/ 531	Николаевские курганы; курган 1, погр. 11.	Морозов Ю.А., 2004–2006 гг.	40			4,95
16	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	1093/ 532	Николаевские курганы; курган 1, погр. 11.	Морозов Ю.А., 2004–2006 гг.	40			4,03
17	Бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой.	1093/ 545	Николаевские курганы; курган 1, погр. 15.	Морозов Ю.А., 2004–2006 гг.	50	18		6,44
18	Округлая бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, плакированная золотой фольгой	1093/ 546	Николаевские курганы; курган 1, погр. 15.	Морозов Ю.А., 2004–2006 гг.	20	16		2,37

© Камалеев Э.В., 2014 г.

УДК 069.5

Камалеев Э.В., Бахшиев И.И.

Коллекции эпохи бронзы Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (общая характеристика)

Вплоть до середины XX в. археологический материал обнаруженный на территории Башкирии передавался в краеведческий музей г. Уфы[1]. С учреждением Башкирского филиала Академии наук СССР в 1950 г. началось не только планомерное исследование памятников археологии в регионе, но и была заложена основа археологических фондов будущего Музея археологии и этнографии (МАЭ).

На момент открытия МАЭ в 1976 году в археологические фонды были переданы 534 коллекции. Тем самым, уже на начальном этапе музей сформировал крупнейшее на Южном Урале фондохранилище артефактов различных исторических эпох.

В настоящее время археологический фонд МАЭ включает в себя материалы 995 колл. – 243206 ед.хр.[2] Для сравнения в Национальном Музее Республики Татарстан находится свыше 270 тыс. ед. хр. (археология), а весь археологический фонд Национального музея Республики Башкортостан составляет ок. 68 тыс. предметов[3]. Таким образом, Музей и по сей день является одним из центров сохранения, популяризации и изучения богатого археологического наследия Республики Башкортостан и сопредельных регионов. Наиболее ярко «удельный вес» МАЭ среди крупнейших археологических фондов Волго-Уралья представлен на диагр. 1.

Как видно, по количеству единиц хранения археологических фондов МАЭ практически в два раза превышает совокупный археологический фонд государственных и муниципальных музеев подведомственных Министерству культуры Республики Башкортостан. И лишь немногим уступает археологическим коллекциям Пермского краеведческого музея начало формирования которых относится к 90-м годам XIX в.

Третью часть всех археологических фондов МАЭ составляют коллекции памятников эпохи бронзы – 348 ед. (более 60 тыс. предметов). Естественно, комплектование коллекций далеко не равнозначное. Значительное количество археологических объектов представлено материалами сборов и/или рекогносцировочных исследований. По признаку «количество ед.хр.» коллекции были разделены на шесть групп (см. диагр. 2). *Первая группа* – включает 118 коллекций численностью 1 до 10 предметов. От 10 до 100

[1] Ныне Национальный музей Республики Башкортостан.

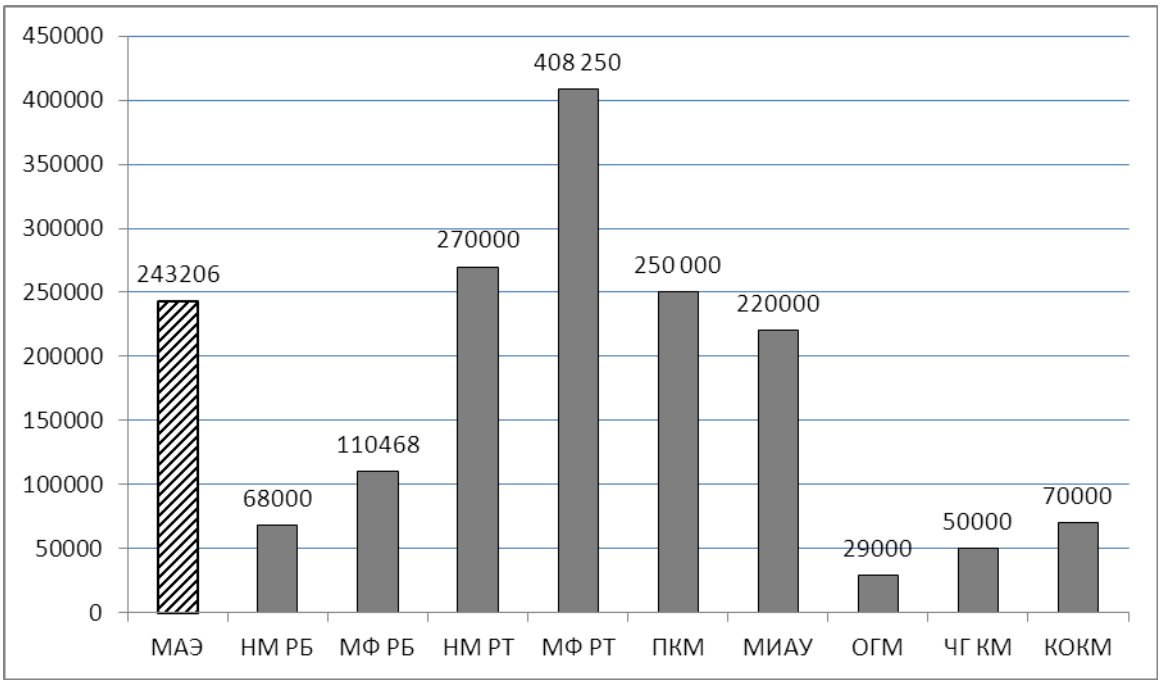
[2] Данные по состоянию на январь 2014 года [по: Отчет о музейной деятельности ФГБУН Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН за 2013 год. Уфа, 2013 /Архив отдела учета и хранения МАЭ].

[3] Устное сообщение хранителя археологических фондов Национального музея Республики Башкортостан к.и.н. С.Л. Воробьевой на конференции «Место музея в современном обществе» (21 апреля 2014 г., г. Уфа).

предметов содержится в 159 коллекциях – *вторая группа*. *Третья группа* – коллекции численностью от 100 до 500 предметов (всего 44 колл.).

Диаграмма 1

Комплектование археологическими предметами музейных фондов Урало-Поволжья (кол-во ед. хр.).



МАЭ – Музей археологии и этнографии; НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан; МФ РБ – общий музейный фонд государственных и муниципальных музеев Республики Башкортостан (предметы археологии)[1]; НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан[2]; МФ РТ – общий музейный фонд государственных и муниципальных музеев Республики Татарстан (предметы археологии)[3]; ПКМ – Пермский краеведческий музей[4]; МИАУ – Музей истории и археологии Урала (г. Екатеринбург)[5]; ОГМ – Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей[6]; ЧГ КМ – Челябинский государственный краеведческий музей[7]; КОКМ – Курганский областной краеведческий музей[8].

---

[1] Данные Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации (ФГУП ГИВЦ Минкультуры России) [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://givc.ru/projects/passportculturalregions/530/item6157/ (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[2] Данные с сайта Национального музея Республики Татарстан [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://tatmuseum.ru/коллекции/ (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[3] Данные Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации (ФГУП ГИВЦ Минкультуры России) [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://givc.ru/projects/passportculturalregions/535/item6229/ (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[4] Данные с сайта Государственного краевого бюджетного учреждения культуры «Пермский краеведческий музей» [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://www.museum.perm.ru/collection/7 (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[5] Данные с сайта Свердловского областного краеведческого музея [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://uole-museum.ru/sokm/kollektsii-muzeya/68-arkheologicheskaya-kollektsiya (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[6] Данные с сайта ГБУК «Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей» [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://www.ooikm.ru/pages/fondy/ (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

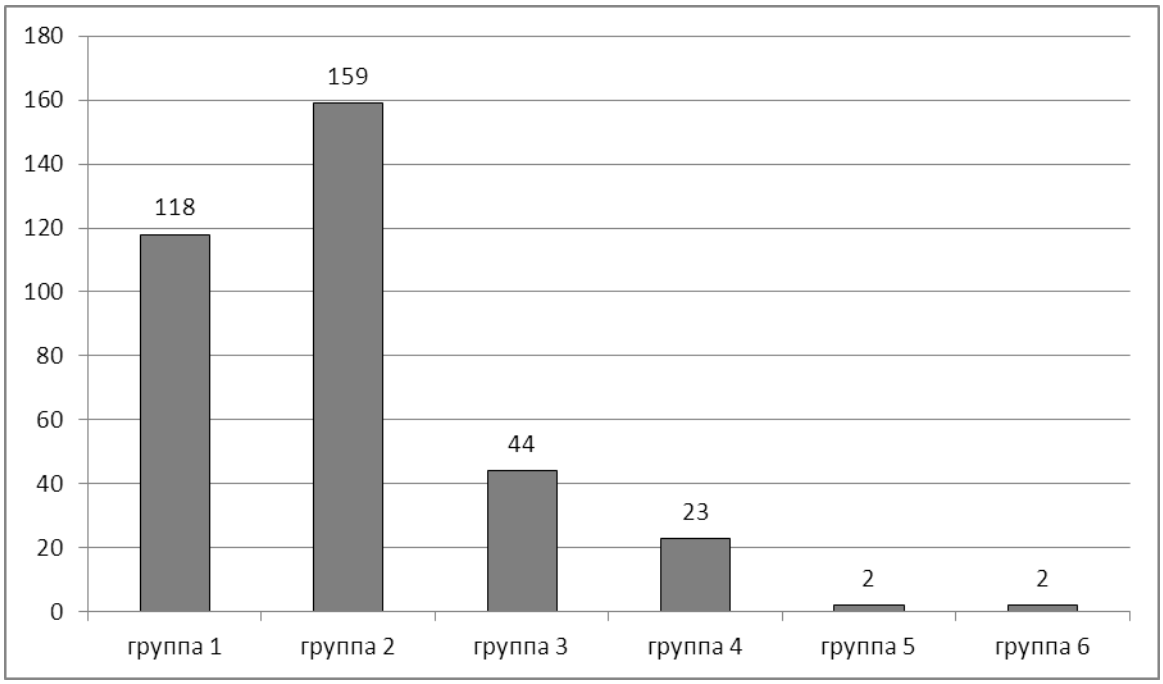
[7] Данные с сайта ОГБУК «Челябинский государственный краеведческий музей» [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://www.chelmuseum.ru/fondy/fond-arxeologii/ (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

[8] Данные с сайта ГУ «Курганский областной краеведческий музей» [Электронный ресурс] // [Офиц. сайт]. URL: http://www.gukokm.narod.ru/fond1_archeology.html (дата последнего обращения 25.11.2014 г.).

В 23 коллекциях общее количество ед. хр. варьирует в диапазоне от 500 до 2000 предметов – *четвертая группа*. К крупным следует отнести коллекции от 2000 до 4000 предметов, среди которых выделяются материалы Казангуловского, Аитовского и Исмагиловского поселений исследованные Ю.А. Морозовым в 70–80-х гг. прошлого века. Крупнейшими на данный момент являются коллекции Старо-Кабановского поселения раскопок В.С. Стоколоса 1968–1969 гг. (всего 5071 предметов – 2 колл.), Аитовского (всего 5625 предметов – 5 колл.) и Тавлыкаевского поселений (всего 4820 предмета – 2 колл.) из раскопок Ю.А. Морозова 1973–1974 гг. и 1985–1987, 1989–1990 гг.

Диаграмма 2

Количественное распределение коллекций эпохи бронзы МАЭ (ед. хр.)



В фондах МАЭ хранится археологический материал не только из памятников республики, но и сопредельных территорий. Так, по состоянию на 2014 год, в археологическом фонде хранится 267 коллекций эпохи бронзы с территории Башкортостана, 69 коллекций археологических объектов с территории Челябинской области (Синташтинский могильник, Няшевка II–III, V, VIII, IX и др.), и 12 коллекций памятников археологии обследованных в Оренбургской области (могильники Хабарный I, Студеное, Ибрагимовский курган и др.).

Динамика пополнения фондов МАЭ археологическими коллекциями напрямую связана с интенсивностью археологических изысканий в южноуральском регионе (см. диагр. 3). Так, в 50-х гг. XX в. было принято на хранение всего 9 археологических коллекций, содержащих материал эпохи бронзы, 7 из которых связаны с исследованиями А.В. Збруевой в Башкирии.

В период 1960–1969-е гг. в музей сдано уже 119 коллекций. Активизация работ по обследованию памятников эпохи бронзы в рассматриваемое время связано с разработкой археологами ИИЯЛ БФ АН СССР научных тем «Древняя

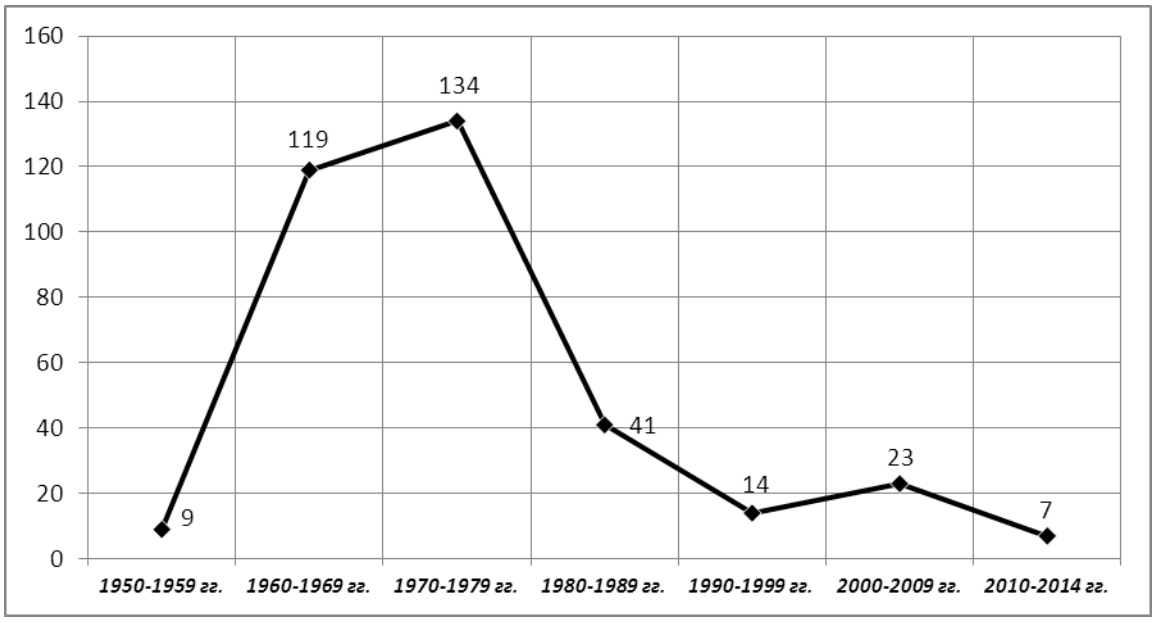
история Башкирии. Эпоха бронзы и раннего железа» и «Археологическая карта Южного Урала» (рук. К.В. Сальников, Н.А. Мажитов).

Интенсивное пополнение фондов музея предметами археологии начинается в 1970-е гг. В это время Ю.А. Морозовым обследовано 53 памятника. Р.Н. Нигматуллиным проведены систематические исследования поселений позднебронзового века в Приуралье – 18 коллекций. А.Х. Пшеничнюком в ходе разведочных работ выявлен 41 поселенческий памятник с содержанием культурных отложений эпохи бронзы.

В дальнейшем наблюдается определенный спад в обновлении фондов материалами новых памятников бронзового века. За последующие три десятилетия в музей переданы материалы 78 коллекций, а в период 2010–2014 гг. фонды пополнились всего 7 коллекциями рассматриваемого периода.

Диаграмма 3

Динамика пополнения археологических фондов МАЭ

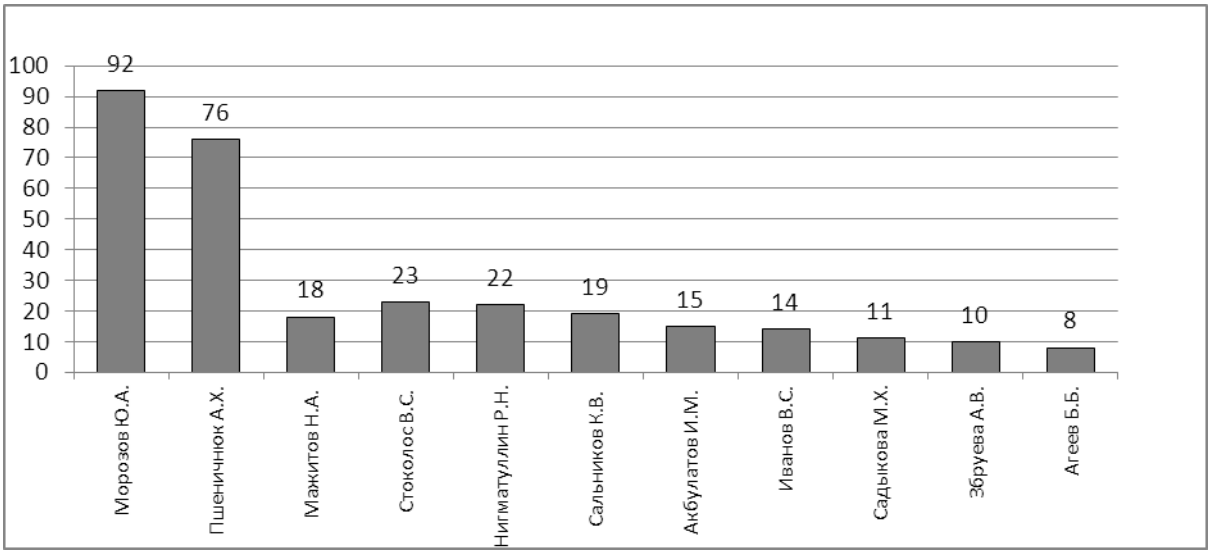


Наибольший вклад в комплектование археологических фондов музея внесли археологические изыскания Ю.А. Морозова (92 колл.), А.Х. Пшеничнюка (76 колл.) и В.С. Стоколоса (23 колл.). Благодаря многолетним работам Н.А. Мажитова, К.В. Сальникова, Р.Н. Нигматуллина, И.М. Акбулатова, В.И. Иванова, М.Х. Садыковой, А.В. Збруевой, В.С. Горбунова и других исследователей древностей Южного Урала археологические фонды МАЭ пополнились более чем 130 коллекциями эпохи бронзы (см. диагр. 4).

Ожидаемо, значительную часть коллекций составили материалы поселенческих памятников (218 / 70%). Оставшиеся коллекции – результаты раскопок курганных некрополей (130 / 30%).

Диаграмма 4

Вклад археологов в пополнение фондов МАЭ (количество колл.)[1]



Основная масса коллекций сформирована по результатам стационарных исследований – 193 колл. Около 37% коллекций представлены сборами подъемного археологического материала (128 колл.). Лишь 8% коллекций – результат рекогносцировочной шурфовки на памятниках (27 колл.).

Пополняемый по сей день значительный археологический фонд МАЭ собранный археологами на протяжении 60 лет представляет собой ценнейший, хорошо систематизированный источниковый корпус, особое место в котором занимают материалы опорных памятников целого ряда культур бронзового века всего южноуральского региона – Тавлыкаевское поселение и могильники, Синташтинский могильник, Юкалекулевское поселение, Старо-Ябалаклинский могильник, Береговское поселение и др.

© Камалеев Э.В., 2014 г.
© Бахшиев И.И., 2014 г.

[1] На диаграмме представлены специалисты сдавшие наибольшее количество коллекций (эпоха бронзы) в фонды МАЭ. За весь период функционирования музея материалы бронзового века были переданы 27 археологами.

УДК 94(470) +316.723

Кожушко Ю.Н.

Восточноевропейские рабочие Магнитостроя в конце 1920-х – 1930-е гг.: социальный портрет и трудовая культура

Первые два десятилетия существования советской власти были ознаменованы масштабным строительством. На этом фоне Урал, стал одним из регионов возведения промышленных предприятий с центром в будущем Магнитогорске. У горы Магнитной планировалось построить завод, который мог бы конкурировать с западными металлургическими предприятиями, в частности с американским заводом г. Гери – прототипом ММК[1]. Однако, осуществление форсированной индустриализации в СССР было возможно, но не целесообразно без применения достижений западной науки и техники, в том числе, интеллектуальных и трудовых ресурсов.

В связи с этим на Магнитострой привлекалось большое количество иностранных специалистов и рабочих. Состав рабочей эмиграции на Магнитострое в 1930-е гг. по происхождению был разнообразным и объединял выходцев из США, Центральной и Восточной Европы, Балкан, Скандинавии и т.д. В этом многообразии иностранных представителей весомую и относительно однородную группу составляли восточноевропейские трудовые кадры, которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания. Интерес к этой группе иностранных рабочих и специалистов обусловлен также тем, что они не были представлены крупными фирмами, сотрудничавшими с Магнитостроем, как американские и немецкие компании. Следовательно, они представляли принципиально иное сообщество гастарбайтеров.

Мобилизация рабочих проходила по двум направлениям: через фирмы, курировавшие производство и посредством ИНО бюро СССР. Взаимодействие с зарубежными государствами осуществлялось деятельностью Иностранного бюро СССР, которое поддерживало тесные контакты с иностранными компаниями, такими как американские проектные компании «Фрейн», «Артур Дж. Мак-Ки и Ко»[2] или компания посредник «Amtorg Trading Corporation»[3], американскими, германскими, итальянскими фирмами Arthur McKee of Cleveland (главный проектировщик), Freyn Engineering Corporation, General Electric, Demag AG, Krupp AG, German Koppers[4].

---

[1] *Спасова Л.П.* Магнитострой и «Мак-Ки»: Столкновение деловых культур // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (12). С. 101.

[2] Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941) // Сборник документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 7–9.

[3] Муниципальное учреждение Магнитогорский городской архив (далее МУ МГА). Ф. 99. Оп. 8. Д. 45. Блажек-Надводный Иосиф. Л. 11.

[4] *Шпотов Б.М.* Не дано нам было историей тише идти. Техническая помощь Запада советской индустриализации [Электронный ресурс] // Мир истории. 2002. № 3: URL: http://www.pseudology.org/razbory/IndustriaGAZ.htm (дата последнего обращения 20.09.2014).

Возможно, советских управленцев привлекал опыт иностранных рабочих, полученный в области индустрии. Тогда как советские кадры в большинстве своем такого опыта были лишены. Дополнительно к выполнению рабочих функций в обязанности иностранцев, в частности, выходцев из Восточной Европы, входило обучение советских рабочих. Суть такого сотрудничества выражена цитатой «…нас учат, а мы учимся».

Следует заметить, что интернациональное трудовое взаимодействие представляло собой специфическое явление. С одной стороны, приезжавшие преследовали свои прагматические цели. Данное обстоятельство четко выделяет одна из докладных записок о состоянии работы среди инорабочих и специалистов на Урале в 1931 г., где сообщалось, что иностранные рабочие и специалисты делятся на три группы: «приезжающие к нам только с целью заработать, приезжающие с целью помочь нам и участвовать в строительстве; самая маленькая группа – это фашистски-настроенные… предъявляющие чрезвычайные требования»[1].

С другой стороны упомянутая вторая группа проявляла, так же как и советские трудящиеся, энтузиазм и горячую преданность общему делу, среди которой можно назвать монтёра американской фирмы «Отис» Вокера[2], американского инженера Калдера[3], столяра – чехословака Ю. Чиж[4] или чехословака – горного десятника В. Мудрова[5].

Однако, сотрудничество носило временный характер и предоставление советского гражданства даже самым добросовестным работникам являлось скорее очень редким, хотя и предполагаемым, исключением. Из личных дел чехословацких рабочих и специалистов следует, что они чаще всего приглашались на срок в один-два года с правом «Магнитостроя» досрочно освободить рабочего в случае прекращения определенной работы. Расторжение договорных обязательств могло происходить и по истечению испытательного срока (1–3 месяца) или, в последующем, по вине работника[6].

Архивные материалы показывают, что на строительство Магнитогорска восточноевропейские трудовые кадры приезжали, преимущественно, с 1930 по 1932 г. В то же время хронологическая однородность приезжих, как это ни странно, не совпадала с ее географическим показателем. Несмотря на то, что в описи дел иностранных рабочих Магнитостроя значилось лаконичное «чех», «венгр», «поляк» на самом деле иностранец мог оказаться гражданином не только Чехословакии, Венгрии или Польши, но и США, или, напротив, – иной этнической принадлежности, но подданным Чехословакии[7].

---

[1] Спасова Л.П. Адаптация иностранных специалистов к реалиям советской жизни: опыт Магнитостроя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 32. С. 214.

[2] Там же. С. 217.

[3] Там же. С. 216.

[4] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 670. Чиж Юзеф. Л. 9.

[5] Там же. Д. 428. Мудров Василий. Л. 6.

[6] Там же. Ф. 99. Оп. 8. Д. 256. Коласа Франц. Л. 2.

[7] Там же. Д. 122. Волга Роман. Л. 1.

В итоге, несмотря на кажущуюся однородность представленной группы, она была слишком пестрой по своему составу. Среди них были представители разных государств, специалисты и рабочие, беспартийные и представители социалистических/коммунистических партий, а, следовательно, с ними заключали разные трудовые договора, предопределявшие условия проживания и трудовой деятельности в Магнитогорске.

На основании анкетных данных, всех выходцев из Восточной Европы, работавших на Магнитострое, возможно разделить на три группы. Первая и, наибольшая по количеству, группа рабочих и специалистов прибывала, непосредственно, из стран Восточной Европы, в которой вслед за США, как и во всей Европе, разразился экономический кризис. Вторая была представлена кадрами из США[1]. Третью группу составляли единичные случаи, например – чехословаки, оставшиеся на территории СССР после добровольной сдачи в плен в годы Первой Мировой войны[2].

Среди причин приезда на Магнитострой ведущей было отсутствие достойно оплачиваемой работы на родине. Многие иностранные рабочие ехали в строящийся Магнитогорск, чтобы заработать денег на проживание себе и хотя бы минимально обеспечить семьи. Доказательством тому служит значившийся в анкетах «низкий материальный уровень»[3]. Иностранные специалисты были в большинстве случаев командированными от фирм, сотрудничавших с Магнитостроем, и приезжали на строго ограниченные сроки.

По гендерному составу приезжавшие рабочие и специалисты были преимущественно мужчины трудоспособного возраста от 27 до 48 лет, и женщины от 17 до 48 лет[4]. Женщины в большинстве случаев приезжали в Магнитогорск вслед за мужьями и вели домашнее хозяйство. Поэтому они включались в производственную жизнь в редких случаях.

Заслуживает внимания уровень образования и профессиональный состав наиболее весомой, из всей массы восточноевропейских рабочих, группы – чехословаков, работавших в Магнитогорске в 1930-е гг. Большинство прибывавших иностранных рабочих имело среднее образование и по профессии были плотниками, железо-бетонщиками и арматурщиками. Остальные ограничивались низшим образованием, работая кладчиками, прокатчиками. Как видно, по уровню образования они не отличались от советских рабочих. В этой связи, вызывает интерес активная политика советского правительства, направленная на всестороннее стимулирование их приезда в строящийся город на металлургический гигант. От уровня квалификации иностранца зависел тип заключаемого договора. Специалистам и рабочим – техническим учителям (плотникам, железо-бетонщикам, арматурщикам) предоставлялись более сносные условия проезда и проживания, чем рядовым рабочим[5].

[1] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 428. Мудров Василий. Л. 1; Там же. Д. 594. Трбович Марко. Л. 1.
[2] Там же. Д. 45. Блажек-Надводный Иосиф. Л. 1.
[3] Там же. Д. 64. Бубер Георг. Л. 1.
[4] Там же. Д. 64. Батык Анастасия. Л. 1; Там же. Д. 227. Жекен Анна. Л. 1.
[5] Там же. Д. 256. Коласа Франц. Л. 2–4; Д. 694. Шаувел Антон. Л. 2–4.

Договор не всегда соответствовал реальности. Помимо проволочек с выплатами зарплаты, долгим оформление документов для приезда семей, случались и задержки с приходом багажа, вплоть до его потери в дороге. Проделав неблизкий путь, иностранные рабочие погружались в суету трудовых будней Магнитостроя, сталкивались: с нечеткой организацией работ, отсутствием правильной расстановки рабочей силы, использованием её не по специальности, острым недостатком жилищ, «отвратительным состоянием общественного питания»[1]. Тем не менее, они надеялись исправно получать оговорённую заработную плату, потому как на родине мировой экономический кризис не оставлял шансов устроиться на работу.

Определение на работу на Магнитострое осуществлялось по профессиональному признаку. Чехословаки, поляки, венгры, румыны работали на разных объектах: ЦЭС, Стальмост, Водоканалстрой, Соцгород, Доменный цех.

Однако применять способности и опыт человека по назначению удавалось не всегда. Могло произойти так, что предполагаемое человеком место работы и то, куда он направлялся, de facto не соответствовали друг другу[2]. Комиссия Наркомата труда, обследовавшая условия труда на Магнитострое в 1930 г., констатируя нерациональное использование труда, приводила следующий пример, «одной бригаде арматурщиков дали работу – просеивать гравий. Норма – 10 кубометров. Работали они 8 дней и дали в среднем 2,5–3 кубометров. Когда их спросили – почему так мало, то они ответили: «Зачем нам себя трепать. Нам так и этак заплатят среднюю по квалификации»[3].

Ситуация усложнялась ещё и тем, что практически все виды работ в Магнитогорске велись в неблагоприятных для здоровья, а порой и жизни, условиях. В этой связи напрашивается вывод, что восточноевропейские рабочие могли недобросовестно выполнять обязанности. Такие ситуации нельзя исключать, но, в личном деле столяра Ю. Чиж, этнического чеха, сказано «<…> хороший столяр. Тов. Чиж дал несколько рационализаторских предложений. Тов. Чиж как работник деятельно полезный»[4].

Подобные записи имеются у ряда других рабочих, например, у кладчика С. Сибо и арматурщика А. Шаувел[5]. Ответственное отношение к работе проявил горный десятник В. Мудров. Он, будучи возмущен пьянкой, драками и срывом работы на карьере, просит Инбюро разобраться с таким несоответствующим поведением рабочих карьера[6]. Наряду с этим,

[1] Сводка № 3 текущей информации Магнитогорского райкому ВКП(б) в ЦК ВКП(б) и Уральский обком ВКП(б) о положении рабочих кадров и настроении рабочих на Магнитогорском строительстве 6 сентября 1930 г. г. Магнитогорск // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. ст. и документов. Екатеринбург, 2010. С. 302.

[2] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 694. Шаувел Антон Л. 11.

[3] Сводка № 3 текущей информации Магнитогорского райкому ВКП(б) в ЦК ВКП(б) и Уральский обком ВКП(б) о положении рабочих кадров и настроении рабочих на Магнитогорском строительстве 6 сентября 1930 г. г. Магнитогорск. С. 303–304.

[4] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 670. Чиж Юзеф. Л. 9.

[5] Там же. Д. 554. Сибо Стефан. Л. 4; МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 694. Шаувел Антон. Л. 15.

[6] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 428. Мудров Василий. Л. 6.

чехословацкие рабочие Ю. Бино, М. Крехль, В. Бартош, Ю. Батык и Ф. Страшек внесли несколько практических предложений для улучшения работы на своём участке ЦЭС, которые были опубликованы в газете «Магнитогорский рабочий» от 20 апреля 1931 г. Инициатива заключалась в рационализации использования трудовых кадров, введении еженедельного мониторинга десятниками и прорабами количества и качества выполняемых работ, увеличении политработы среди партийцев участка[1]. Приведённые факты иллюстрируют тот факт, что приглашенные из-за рубежа рабочие оправдывали доверие советского правительства.

Изучая материалы личных дел невозможно получить исчерпывающую информацию о том, как сами чехословаки, венгры, поляки чувствовали себя на Магнитострое. В этой связи приходит на помощь письмо Уткеса – одного из гостей и проверяющих взаимоотношения Магнитостроя с иностранцами. Он появился на Магнитострое в начале мая 1930 г. как представитель ЦК МОПРа. На бланке издательства ЦК МОРПа Уткес оставил письмо, раскрывающее отдельные стороны жизни чешских рабочих, написанное на основе бесед с 22 чешскими товарищами, адресованное Позднякову[2].

Согласно письму, рабочие были недовольны задержками в выплате жалований, отсутствием бытовки, где можно было переодеваться в рабочую одежду. А так же, что нельзя увидеть в личных делах, – отсутствием газет и литературы на понятном языке. Далее в письме значатся замечания: «Никто не информирует регулярно о важнейших политических событиях. Они не чувствуют себя достаточно тесно связанными с советскими рабочими. В этом деле им из-за языка трудно быть инициатором смычки»[3]. Данные моменты не вызывали у рабочих желания остаться в СССР. Уткес отмечает, «уехал один товарищ (кажется, 29 декабря) в шестинедельный отпуск, и некоторые из чехословаков выразили в беседе свое сомнение на счет возвращения его обратно в Магнитогорск. Один прямо сказал: «если так пойдет и дальше, то никакие лошади меня не удержат от того, чтобы вернуться на родину»[4].

Из вышесказанного следует, насколько трудно приходилось иностранным рабочим на Магнитострое, ещё сложнее было семейным. Условия проживания оставляли желать лучшего. Рабочий Г. Бубер в докладной записке начальнику Магнитостроя сетовал: «С ноября я жил в бараках обещали, что жить в бараках будут только две недели, однако уже прожито в бараках 5 месяцев, а изменений не обещают. Комната, в которой я живу пригодна только для двух человек, однако в течение некоторого времени в одной комнате жило семь человек, а затем в течение месяца жило пять человек, а теперь нас ещё четверо»[5]. Жилищные условия, по мнению исследователя Л.П. Спасовой (Кострикиной), являлись одним из важнейших факторов, исходя их которых иностранные трудовые иммигранты оценивали

[1] Магнитогорский рабочий. 1931. 26 апреля.
[2] *Баканов В.П.* Магнитогорск. Исторический очерк. Магнитогорск, 2001. С. 268.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 64. Бубер Георг. Л. 4.

обстановку в Советском Союзе. Для советского государства крайне важным было создание внушающего доверия имиджа на международной арене[1]. Это объясняет тот факт, что рабочему Ю. Чиж на время приезда семьи, выдавалась комната не в бараке, а в гостинице Соцгородка. Данный случай не был единичным.

Подводя итоги, необходимо отметить, что характеристика жизни и деятельности восточноевропейских рабочих на Магнитострое доказала целесообразность выделения их в отдельную трудовую общность среди других иностранных рабочих и специалистов. Так как они, помимо прямых должностных обязанностей, выполняли функции технических учителей и, таким образом, представляли собой промежуточную категорию в иерархии квалификации иностранных трудящихся Магнитостроя.

С другой стороны, восточноевропейские кадры обладали собственными социальными характеристиками: пол (преимущественно мужской), возраст – непременно трудоспособный, образование (чаще всего среднее образование или низшее), большой стаж в промышленной сфере, цель прибытия – поиск оплачиваемой работы. Перечисленные социальные характеристики в совокупности составляют социальный портрет восточноевропейского рабочего. Описание некоторых аспектов условий работы и проживания иллюстрируют тяжелые условия. Однако, говоря о трудовой культуре иностранных рабочих, следует заметить, что восточноевропейские рабочие на Магнитострое показали себя, как ответственные и добросовестные работники.

© Кожушко Ю.Н., 2014 г.

[1] *Кострикина Л.П.* Роль жилищных условий в оценке иностранными специалистами внутренней обстановки в СССР в 1930-е гг. (на примере Магнитогорска) // Проблемы российской истории. 2009. Вып. IX. С. 232.

УДК 902.24

Колонских А.Г.

Особенности пространственного распределения поселенческих памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья (предварительные результаты)

Введение. Несмотря на значительное количество исследований посвященных бахмутинскому населению, многие ключевые моменты истории бахмутинских племен до сих пор так и не получили однозначных выводов. Часть исследователей настаивает на выделении отдельной мазунинской археологической культуры или мазунинского типа (этапа) пьяноборской культурно-исторической общности (В.Ф. Генинг, Т.И. Останина, Р.Д. Голдина)[1]. Полярная точка зрения (высказываемая в работах Н.А. Мажитова, А.Н. Султановой, С.М. Васюткина, Ф.А. Сунгатова) настаивает на объединении мазунинских и бахмутинских памятников в единую археологическую культуру, которая проходит в своем развитии два этапа (ранний и поздний)[2]. Не существует также единого взгляда на хронологию, происхождение и историческую судьбу носителей бахмутинской археологической культуры.

В раннесредневековой историографии, на данный момент, существуют лишь фрагментарные упоминания об одной из самой многочисленной археологической культуре Приуралья. Единственной монографией посвященной бахмутинскому населению Уфимско-Бельского междуречья является одноименная монография Н.А. Мажитова увидевшая свет в 1968 г.[3]

На наш взгляд, возник определенный парадокс, между массовостью источниковой базы, отсутствием четкого понимания ключевых моментов истории региона и снижением интереса к изучению раннесредневековой истории Приуралья.

На данный момент попытка систематизация поселенческих памятников была принята немногими исследователями: В.Ф. Генингом, В.А. Ивановым и Т.И. Останиной. Первая типология мазунинских городищ была дана В.Ф. Генингом в 1967 г. Совместная статья В.А. Иванова и Т.И. Останиной на эту тему увидела свет в 1983 г.[4] В монографии 1997 г. поселениям мазунинской культуры Т.И. Останиной была отведена целая глава, которая, в общем, повторила более ранние выводы[5].

На наш взгляд в изучении бахмутинской культуры возникла необходимость более пристального внимания к структуре расселения,

---

[1] *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988; *Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999; *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997.

[2] *Васюткин С.М.* Изучение эпохи раннего средневековья. Элиста, 1994; *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010; *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа, 2002.

[3] *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М., 1968.

[4] *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Ижевск, 1967. № 7. С. 7–84; *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о мазунинско-бахмутинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: Сборник научных трудов. Уфа, 1983. С. 104–127.

[5] *Останина Т.И.* Указ. соч. С. 327.

построению пространственных связей раннесредневекового населения, систематизации археологических памятников. Основным средством для решения поставленного ряда задач может стать использование геоинформационных систем. Большинство известных программ не отвечает поставленным требованиям, а часть их является платными. В результате, для работы было выбрано свободно распространяемое программное обеспечение **«SAS.Планета»**.

Географические рамки исследования включают в себя памятники бахмутинской культуры находящиеся в междуречье рек Белой и Уфы.

Во избежание путаницы нами приняты за основу базовые характеристики бахмутинской археологической культуры, предложенные Н.А. Мажитовым, с небольшими изменениями повторяющееся в работе «История Башкортостана…» и принятое многими современными исследователями[1].

История изучения поселенческих памятников бахмутинской культуры. История изучения поселений бахмутинской культуры насчитывает более двух сотен лет, с момента открытия Петром Ивановичем Рычковым Кара-Абызского, Уфа-1 (Чертово) городища и городища Чандар[2]. Вслед за П.И. Рычковым Бирское, Кара-Абызское, Сорвихинское и ряд других городищ, были обследованы Р.Г. Игнатьевым и Ф.Д. Нефёдовым[3]. В 1898 г. на территории Башкирского Приуралья работал археолог А.А. Спицын, обследовавший Бирское, Дюртюлинское и Костараевское городища[4].

Уфимский могильник и Чертово городище в начале XX в. были исследованы В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдингом. В это же время работал местный краевед М.И. Касьянов, впервые обследовавший Чандарское, городище, а так же Бахмутинский могильник[5]. До конца 20-х гг. XX в. исследования носили лишь описательный характер.

Бахмутинская культура была выделена из общего массива археологических памятников Александром Викторовичем Шмидтом на основе изученного им Бахмутинского могильника, городищ Чандар и Кара-Абыз. А.В. Шмидт определил хронологическую границу изученных им памятников в пределах V–VII вв. н. э., кроме того им были выделены хронологические периоды: V–VI и VI–VII вв.

В начале 1950-х гг. изучением древней истории края занималась археолог И.А. Талицкая, исследовавшая Укмановское, Варьязское городище, городище Чандар (Соколиный камень), Ново-Бирючевское, Чандарское и

---

[1] *Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура…; *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С. 132–134, 156–157; История Башкирского народа. Т. 2. Уфа, 2012. С. 124–125, 140; *Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М.* Указ. соч. С. 4.

[2] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 166–172.

[3] *Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. Казань, 2013. № 2 С. 51–52.

[4] Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 6–7.

[5] *Гарустович Г.Н., Минеева И.М.* Из истории археологических исследований в Башкортостане // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. № 4. С. 6.

Кляшевское селища[1]. В.Ф. Генингом в 1950-х гг. открыты более десятка поселений, из них 4 на территории Республики Башкортостан (Юлдашевское, Турачинское-1, Ново-Медведевское-2, 4 селища)[2].

Стационарные раскопки Манякского-2 селища, селища Тибелево-1, Юмакаевского и Кувыковского городища были проведены в конце 1960-х гг. сотрудником Башкирского государственного университета, археологом Г.И. Матвеевой[3].

Н.А. Мажитов в это время подверг стационарным исследованиям Юмакаевское, Тазларовское, Камеевское, Афанасьевское, Сандугачевское, Кигазинское, Кансияровское, Уфа-2, Ардашевское, Тучубаевское, городища, а так же Тибельское, Тучубаевское, Новокарское, Ново-Турбаслинское-2 селища[4].

Активно изучением поселенческих памятников бахмутинской культуры занимались в 1970–1980-х гг. В.А Иванов и Т.И. Останина. В это время были исследованы городища Барьяза, Серенкино, Трикол, Казакларово-1,2,3, Кара-Абызское, Варьязское, Тучубаевское, а так же Юмакаевское, Янгизнарат, Романовское-3, Ивановское и Урьяндинское селища[5].

В 1973 г. возобновились исследования Ю.А. Морозовым Уфимского (Чертово) городища, в 1980 г. Б.Б. Агеев исследовал Камышинское-2 городище, 1988 и 1993 гг. В.В. Овсянниковым и Ф.М. Тагировым стационарному археологическому исследованию подвергалось городище Какры-Куль (Старо-Муштинское)[6].

Последнее десятилетие XX в. оказалось менее плодотворным для этого периода характерно сворачивание научных исследований, плановых научных тем, масштабных и долгосрочных хоздоговорных исследований[7].

В начале 2000-х гг. исследования бахмутинских памятников возобновились, хотя масштабов 1960–1980-х гг. так и не достигли[8]. В.В. Овсянников и Ф.А. Сунгатов провели раскопки Бажинского (Каменная гора) городища[9]. Н.С. Савельев проводил раскопки селища Вестар (Караидельский

---

[1] *Гарустович Г.Н.* Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2003. № 4. С. 60–61.

[2] *Генинг В.Ф.* Проблемы изучения Железного века Урала // Вопросы археологии Урала. Выпуск 1. Свердловск, 1961. С. 30–31.

[3] *Матвеева Г.И.* Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV. С. 129–134.

[4] *Мажитов Н.А.* Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 143; *Он же.* Поселение Ново-Турбаслинское-II // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 151.

[5] *Иванов В.А., Останина Т.И.* Указ. соч. С. 106–107; *Иванов В.А.* Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 63–67.

[6] *Морозов Ю.А.* Исследования Уфимского городища // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. С. 145–154.; *Агеев Б.Б.. Овсянников В.В.* Камышинское II городище // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. С. 164; *Овсянников В.В., Тагиров Ф.М.* Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское) // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. С. 165–178.

[7] Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах: Научно-справочное издание / Автор-сост. Н. С. Савельев. Уфа, 2004. С. 4.

[8] *Колонских А.Г.* Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Том 1. С. 356.

[9] *Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А.* Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2005. № 5. С. 218–240.

район РБ)[1]. Активные археологические работы в настоящее время проводятся на ключевом памятнике эпохи раннего средневековья – городище Уфа-2 исследователями Н.А. Мажитовым, Ф.А. Сунгатовым и А.Н. Султановой и др.[2]

Анализ пространственных данных. Сегодня известно о 365 памятниках бахмутинской культуры. 354 из них – это поселения: 82 городища и 266 селищ. Погребальные памятники насчитывают 11 объектов т.е. около 3% общего количества памятников. Все известные на сегодня погребальные памятники подвергались стационарным раскопкам, поселенческие же памятники изучены менее чем на 1/10 часть, ни один из них не исследован полностью[3].

В результате картографирования части объектов в системе «SAS. Планета», получены данные об особенностях пространственного распространения памятников. Исследователи обращали внимание на то, что население бахмутинской культуры в отличие от предшествующих культур (ананьинской, пьяноборской и кара-абызской) чаще селилось на берегах малых рек, притоков рек Белой, Уфы и Камы. Однако проведенное исследование показывает, что данное утверждение верно только в отношении селищ. Количество городищ расположенных на высоких берегах крупных рек, соотносится с городищами вдоль мелких рек и их притоков как 39/79 (49 и 51%% соответственно). Для получения более точных данных, необходимо сопоставление материала селищ и близлежащих городищ, выявления связей между памятниками.

Довольно интересным оказалось то, что общепринятая приуроченность селищ к городищам не всегда имеет место в реальной ситуации. Если в 1960–70-х гг. В.Ф. Генинг указывал на превалирование укрепленных поселений (47 городищ и 41 селище)[4], то сейчас известно о 266 селищах и 82 городищах. Предварительные результаты исследования выявили значительное количество городищ, не подкрепленных селищами (Исхаковское, Бадряш-Актауское, Новомуллокаевское, Камышинское-1,2,3, Акбердинское, Чоркильденское, Месягутовское, Тау, Кигазинское-1,2,3 городища). То же самое можно сказать о селищах, находящихся порой на значительном удалении от известных нам городищ.

К примеру, два самых насыщенных бахмутинскими памятниками района Республики Башкортостан (Бураевский – 66; Бирский – 67), выявили существенные отличия в концентрации поселенческих памятников. На берегах р. Танып и его притоках известно лишь о 8 городищах, в то время как на правом берегу р. Белой и в устье р. Бирь расположено 17 укрепленных поселений. Автор понимает, что объективная характеристика поселенческой структуры бахмутинской культуры связана со степенью изученности того или иного региона. Сплошное археологическое обследование всей территории, вероятно, показала бы несколько иную картину, но реализация столь масштабного проекта в ближайшей перспективе маловероятна.

[1] Свод археологических памятников Республики Башкортостан... С. 4.

[2] *Мажитов Н.А., Тамимдарова Р.Р., Шамсутдинов М.Р., Насретдинов Р.Р., Бахшиев Р.И., Амекачев Т.Р.* Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Т V Ч. I. Уфа, 2012. С. 5–6.

[3] *Колонских А.Г.* Указ. соч. С. 357.

[4] *Генинг В.Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Ижевск, 1967. № 7. С. 18.

Необходимость систематизации материала подталкивает на использование существующего корпуса источников.

По результатам картографирования удалось выделить участки концентрации памятников – кусты. (см. рис.).

Куст № 1состоит из семи поселений и одного могильника. Центром комплекса, вероятно, является Какрыкульское городище (Какры-Куль-3). Все семь памятников находятся в непосредственной близости друг от друга (в радиусе 1 км). Комплекс располагается на правом берегу р. Белая в небольшом удалении от места впадения в неё более мелкой р. Ашаеш. С западной, южной и восточной стороны куст №1 ограничен озерами-старицами р. Белой (Шешне-Куль и оз. Мушта).

Куст № 2 концентрируется в округе Казакларовского городища. Комплекс включает в себя 9 поселенческих памятников. Куст расположен на левом берегу р. Белая ограничен резким её изгибом с запада, севера и востока. Все памятники расположены в радиусе 4-5 км.

Куст № 3 включает в себя 41 памятник бахмутинской культуры. Находится на правом берегу р. Белая, с северной и восточной стороны ограничен р. Бирь. Комплекс представляет собой цепочку укрепленных поселений расположенных на высоком берегу р. Белой и отдалённых от реки селищ локализирующихся на берегах мелких рек и ручьев.

Центральным памятником **куста № 4** является Камеевское городище. Концентрация памятников включает 10 поселенческих объектов. Все памятники находятся на среднем течении небольшой р. Бирь.

Куст № 5 сконцентрированный в районе Кудашевского и Бустанаевского городищ находится на берегу р. Быстрый Танып и включает в себя более 20 объектов. Возможно, что к этому же условно выделенному микрорайону могут быть отнесены и Юмакаевское городище вместе с окружающими его селищами.

Отличительной чертой **куста № 6** является превалирование укрепленных поселений над неукрепленными. Все памятники сконцентрированы у г. Югомаш. Данная местность представляет собой довольно рельефный ландшафт с большим количеством малых рек мысовидных возвышений и холмов. На расстоянии 5-7 км к югу от этого комплекса чёткой линией прослеживается цепочка городищ (Месягутовское, Тау, Шульгановское, Чоркильдинская), как бы ограничивающая данный комплекс.

Куст № 7 представляет собой 12 объектов, 2 из которых имеют укрепления, 2 других являются могильниками. Вероятным центром самого северного комплекса является Аксаитовское городище. Памятники локализируются в радиусе 2-3 км и занимают оба берега р. Арей с множеством её мелки притоков, являющимися естественными границами куста №7.

Основой для объединения этих памятников, стало максимально близкое расположения друг к другу, отсутствие естественных преград,

сочетание различных типов памятников (укрепленное поселение, неукрепленное поселение, могильник). Естественно это лишь предварительное заключение, которое требует более детального изучения и подтверждения материалом.

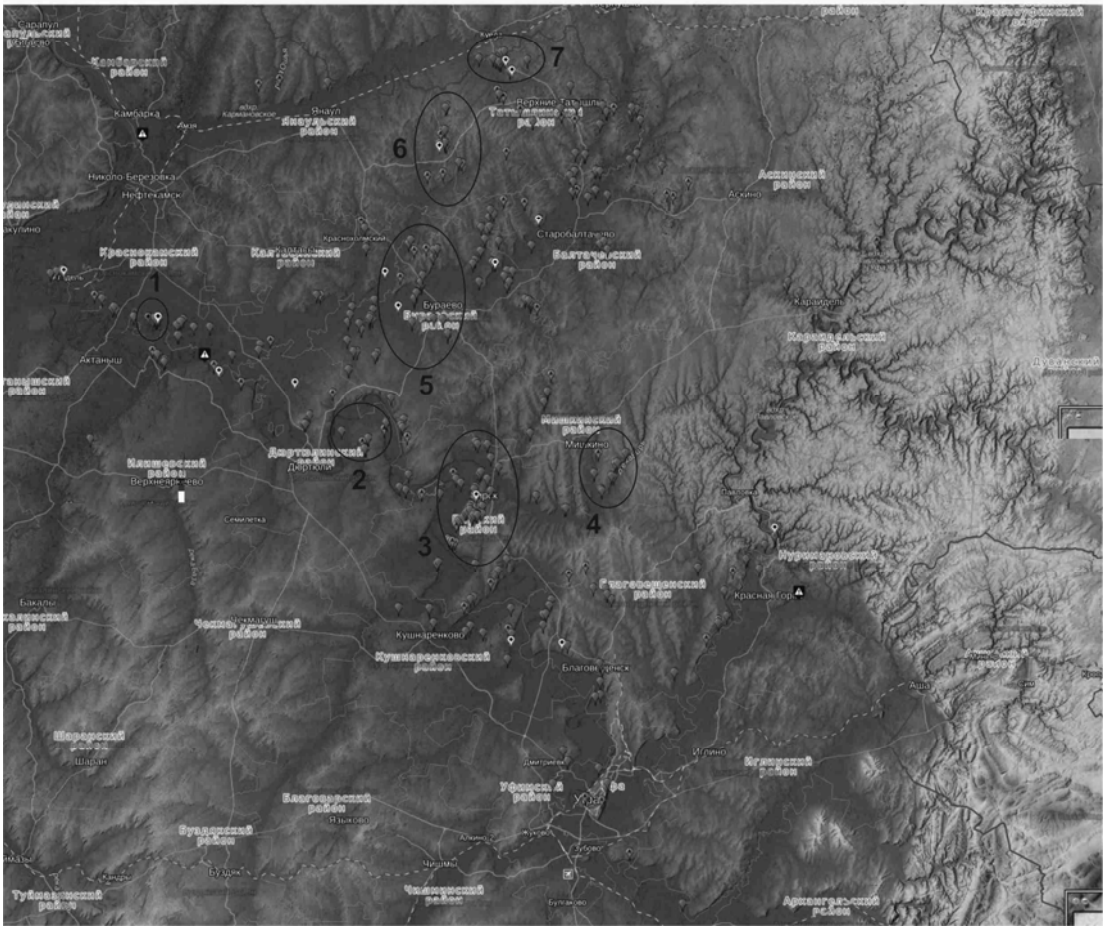
Заключение. Даже поверхностный обзор поселений бахмутинской культуры показал чрезвычайную перспективность исследования данной группы источников.

Обращение к материалам поселенческих памятников их систематизация и построение схем пространственных связей позволит получить принципиально новые данные для изучения структуры расселения и хозяйственного освоения территорий раннесредневековым населением Уфимско-Бельского междуречья.

Работа по локализации памятников в программе «SAS. Планета» уже на начальных этапах исследования позволила выявить определенные закономерности расположения объектов, визуализировать полученные данные, скорректировать более ранние выводы.

Рисунок

Памятники бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья.



© Колонских А.Г., 2014 г.

УДК 903.25

Кряжевских А.Л., Владимиров Г.В.

Вятская дымковская игрушка: археологический аспект изучения

Среди большого разнообразия российских декоративных игрушек вятская дымковская игрушка является одной из наиболее интересных и популярных на сегодняшний день. Являясь при этом одной из визитных карточек Кировской области, она широко известна и за ее пределами.

На сегодняшний день достоверно не установлено, когда именно начали выпускать первые глиняные игрушки в слободе Дымково Вятской губернии (в настоящее время - часть г. Кирова). Одно из первых упоминаний о Дымково относится еще к временам Ивана Грозного, в грамоте которого за 1582 г. о ней можно встретить короткое упоминание: «слобода ремесленная, пахотной земли ни у кого нет»[1]. Что касается самой игрушки, большинство специалистов относят ее появление к началу XIX в.[2] Само же происхождение дымковской игрушки непосредственно связывают с местным вятским праздником – Свистопляской. Она проводилась в Вятке ежегодно в четвертую субботу после Пасхи. Именно к ней приурочивали производство и массовую продажу глиняных игрушек, свистулек, а также глиняных шаров. Существует несколько точек зрения на происхождение этого праздника.

Самой распространенной версией является полулегендарное побоище хлыновских жителей с устюжанами, состоявшееся, по разным источникам, в XIV–XV вв. В память о погибших в битве воинах стали проводить поминальные службы, переросшие со временем в народные гуляния. Этот праздник подробно описал Н.П. Рычков в труде, написанном по итогам своих путешествий 1769–1770 гг. по губерниям России[3], а также сосланный в Вятку в 1811 г. генерал-майор Н.З. Хитрово[4]. Одним из непременных атрибутов праздника было катание со склона Раздерихинского оврага глиняных шаров или «шарышей», которые изготавливались специально к празднику и там же продавались.

Внешний вид шарышей и их использование описываются учителем вятской гимназии И.Н. Савиновым следующим образом: «в Дымкове же приготовляется огромное количество глиняных шаров различных диаметров, начиная с вершка и менее, пустые внутри; их окрашивают или белой краской с крапинками черными и красными, или обмакивают в топленый вар (смолу) и продают не сотнями, а ведрами от 10 до 15 копеек за ведро. Эти-то шары и бросают в овраг по скату, чтоб не ушибить кого, их ловят на перерыв стоящие внизу и по оврагу на откосе его, ссорятся и борются. Для такой же потехи бросают пряники и медные деньги. Прежде бывали всегда на этом

[1] *Дьяконов Л. В.* Дымковские, глиняные, расписные. Л., 1965. С. 6.

[2] *Луппов П. Н.* История города Вятки. Киров, 1958. С. 165.

[3] Из «Дневных Записок путешествия по разным провинциям Российского государства» академика Лепехина // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 322–323.

[4] Отрывок из журнала, писанного в Вятке в 1811 году Н. Хитрово // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 328–329.

празднике бои, но они благоразумными мерами правительства уничтожены...»[1]. С 1861 г. вятскими властями было запрещено катать глиняные шары и устраивать шутливые бои[2].

Нужно отметить, что производство «шарышей» некоторые историки относят к более раннему периоду, чем саму дымковскую игрушку. По словам П.В. Алабина, жители Дымковской слободы занимались производством шаров и, все больше развивая торговлю ими, начали делать глиняные игрушки[3]. Подобной точки зрения придерживается и А.И. Деньшин, для которого обычай бросать с горы на весеннем празднике глиняные расписные шары является основанием считать лепку и сушку этих шаров зарождением глиняной игрушки[4].

Существует также и другая точка зрения на появление праздника Свистопляски, согласно которой он является одним из древних языческих славянских весенних праздников. В частности, В.Ф. Кудрявцев и Д.К. Зеленин высказывали мнение, что Свистопляска – скорее «остаток времен язычества»[5] и имеет сходство с семиком – древним народным праздником, означавшим наступление лета и посвященным культу растительности. По мнению А.И. Деньшина, в основе здесь, очевидно, лежит воскрешенный местный, а возможно, славянский языческий праздник весны и бога солнца Ярилы[6]. Кроме того, некоторые исследователи, описывая глиняные шары на Свистопляске, уподобляли их пасхальным яйцам, катание которых по земле символизирует солнце, ходящее вокруг Земли и ее оплодотворяющее. Это был своего рода магический обряд заклинания плодородия.

В целом можно выделить три больших типа глиняной игрушки – это шарик (или «шарыш»), свистулька и непосредственно сама игрушка (кукла). По словам И.Я. Богуславской, в дымковском производстве вполне можно выделить разные «слои» по времени изготовления игрушки, а также отметить более раннее происхождение шаров и свистулек по сравнению с некоторыми «куклами» и особенно фигурными группами[7].

Вероятно, наряду с «шарышами» древними глиняными изделиями являются и свистульки, которые изготавливались, как правило, всегда в форме животного. Стоит отметить, что носителями плодородия в представлении древних земледельцев этнографы называют домашних животных: быка, козу, свинью, лошадь и др.[8] Среди свистулек количественно

---

[1] *Савино И.Н.* Исторические предания и описание праздника Свистопляски в Вятке // Санкт-Петербургские ведомости. 1856. № 127. По сведениям Н. Спасского, вятского историка и краеведа, автором заметки был учитель Вятской гимназии И. Н. Савинов. См.: Н. Спасский. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии. Т.1. Вятка, 1880. С. 169.

[2] Вятские губернские ведомости. 1861. № 21. С. 170.

[3] *Алабин П. В.* Заметка относительно древностей Вятского края. // Вятские губернские ведомости. 1865. № 57. С. 208.

[4] *Деньшин А.* Вятские старинные глиняные игрушки. Вятка, 1926. С.5.

[5] *Кудрявцев В. Ф.* Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Календарь и памятная книжкаВятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896. С. 227; *Зеленин Д. К.* Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев, 1904. С. 145.

[6] *Деньшин А.* Вятские старинные глиняные игрушки. Вятка, 1926. С. 7.

[7] *Богуславская И. Я.* Дымковская игрушка. Л., 1988. С. 28.

[8] Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Т. 4. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 71.

первое место занимают фигурки уточек и уток-«крылаток». Также многочисленны среди свистулек и фигурки коней – одноглавых или двуглавых. Только две разновидности дымковских свистулек передают человеческие образы: это всадник (на одноглавом или двуглавом коне) и так называемый «гуляющий кавалер» (или дама)[1].

Во время археологических исследований на территории г. Кирова в разные годы было обнаружено достаточно много дымковских игрушек и их фрагментов. Значительная часть таких находок сделана в 2011–2012 гг. Так, в мае 2011 г. в ходе археологической разведки на территории слободы Дымково под руководством А. Л. Кряжевских было найдено большое количество различных фрагментов глиняных игрушек в шурфах и в качестве подъемного материала[2].

В общей сложности было обнаружено 36 остатков глиняных игрушек и их фрагментов. Среди них 16 антропоморфных фигурок, 13 зооморфных и 7 фрагментов, атрибутировать которые не удалось.

В группе антропоморфных игрушек можно выделить следующие типы:

1. Дама с младенцем. Высота изделия составляет 11 см. На игрушке отчетливо можно рассмотреть туловище, голову дамы без черт лица и прижатого к груди младенца, а также часть подола. Руки и большая часть подола утрачены.

2. Гуляющий кавалер. Изделие сохранилось на высоту 6,5 см. На игрушке просматриваются картуз на голове, одно ухо, погон и шарф. Из черт лица обозначен только нос.

3. Барышня на прогулке. Изделие сохранилось на высоту 8,5 см. На кукле просматриваются голова с намеченным носом, чепец на голове, часть накидки, туловище, одна рука и часть подола.

Кроме того, среди антропоморфных фигурок можно выделить двух кавалеров и трех дам, сюжетная принадлежность которых угадывается с трудом.

Среди зооморфных фигурок определяются следующие сюжеты:

1. Три свистульки в виде головы животного, предположительно козла. Длина игрушек составляет 6 см у двух изделий и 7 см у третьего изделия.

2. Свистулька (всадник на козле). К зооморфным фигуркам отнесен условно. Высота изделия 8 см. Одна нога отколота, головы животного и человека не сохранились. У всадника присутствует одна рука, четко просматривается шарф.

3. Две утиные головы (фрагменты свистулек) и две головы коня.

Кроме того, в 2012 г. во время археологических исследований в г. Кирове по ул. Дрелевского, 9а и на территории Александровского сада было обнаружено несколько неокрашенных «шарышей» без полостей внутри, которые предположительно можно связать с праздником Свистопляски.

---

[1] *Богуславская И. Я.* Дымковская игрушка. Л., 1988. С. 42.

[2] *Кряжевских А. Л.* О результатах археологического обследования участков строительства объекта «Распределительный газопровод в слободе Дымково Первомайского района г. Кирова» в 2011 г. // Архив КОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области». С. 26.

Таким образом, в 2011–2012 гг. большую часть находок составили фрагменты глиняных кукол, меньше было найдено свистулек и шаров. Датировка находок весьма проблематична, так как внешний вид игрушек с течением времени менялся незначительно, стратиграфия шурфов в возраст находок ясности также не вносит. Тем не менее, наличие свистулек в виде большого разнообразия зооморфных фигурок позволяют отнести их, как минимум, к концу XIX в.

Количество обработанных изделий пока не дает возможности провести более масштабное обобщение, что станет возможным лишь при увеличении в будущем числа находок глиняных игрушек. Соответственно и перспективы изучения дымковской игрушки в будущем связаны главным образом с проведением археологических исследований в слободе Дымково и г. Кирове и введением в научный оборот их результатов.

© Кряжевских А.Л, 2014 г.
© Владимиров Г.В, 2014 г.

УДК 39+910.4

Маннапов М.М.

Вклад Русского Географического общества в деле изучения инородцев Самарской губернии*

Территория Степного Заволжья, определяемая бассейнами рек Большой Иргиз, Камелик, Каралык, Самара, Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи и составлявшая некогда западную окраину исторического Башкортостана, на протяжении многих веков является местом компактного проживания башкирского населения. Сегодня территорию Степного Заволжья занимают южные районы Самарской, восточная половина Саратовской областей РФ и запад Республики Казахстан. В исторической литературе, башкир, проживающих на указанной территории, называют иргизо-камеликскими (поволжскими, юго-западными, заволжскими) башкирами[1]. Определенная географическая изоляция данной группы башкир от материнского этноса наложила отпечаток на их хозяйственный уклад, обычаи и традиции, что вызывали постоянный интерес со стороны исследователей.

С первых лет (1845 г.) Отделение Этнографии Русского Географического общества развернуло активную деятельность по сбору этнографического материала. В 1847 г. была составлена и разослана в семи тысячах экземпляров на места особая программа («циркуляр»), включавшая вопросы о физическом типе населения, языке, материальной и духовной культуре, преданиях и памятниках старины. Руководители общества обратились с призывом к интеллигенции – собирать по данной программе и присылать этнографические описания отдельных местностей. Призыв не остался без ответа. Отовсюду стали поступать сотни описаний быта, обычаев, верований населения отдельных уездов, волостей и деревень[2].

Статистическими исследованиями по башкирам Степного Заволжья занимались члены Императорского Русского Географического общества – И.Ф. Бларамберг и Е.Н. Анучин. В 1854–1855 гг. И.Ф. Бларамберг собрал статистические сведения по Самарской губернии об иноверцах, обитающих по берегам реки Иргиз в Николаевском уезде[3]. В 1870 г. Е.Н. Анучин

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «От описания племени к познанию этноса: этнография в Императорском Русском географическом обществе (1845–1917 гг.)», № 14-01-00442.

[1] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.; *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979; *Надергулов У.Ф.* Иргизо–камелекские башкиры. Уфа, 1996; *Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М.* История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Уфа, 2002; *Маннапов М.М.* Башкиры Степного Заволжья (история расселения, родоплеменная структура, хозяйство) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Уфа, 2009.

[2] *Токарев С.А.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Советская этнография. 1948. № 2. С. 187.

[3] Вестник Императорского Русского Географического Общества. Кн. 2. 1855. С. 97; *Бларамберг И.Ф.* Военно–статистическое обозрение земель киргиз–кайсаков Внутренней (Букеевской) и Малой (Зауральской) Орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составленное обер–квартирмейстером Оренбургского корпуса генерального штаба полковником Бларамбергом. СПб., 1845; Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848.

составил объяснения к своим статистическим картам Самарской губернии, в которой были отмечены численность башкир в Самарской губернии до 71 000 человек и случаи совместного проживания в одних селениях башкир и татар и отсутствия других национальностей в этих населенных пунктах[1].

В 1851 г. коллежский секретарь при губернаторе Самарской губернии Н.В. Воронов составил описание, где содержатся интересные сведения о видах жилищ башкир во время летней кочевки[2]. В работе Б. Лясковского точно указана территория расселения башкирского населения по уездам губернии, подробно рассматривается этнонимика и происхождение башкир, описывается внешний вид, фиксируется многоженство, даются сведения о пище, охоте, скачках и земледелии. Особое внимание уделено на традиционные постройки башкир, где отметил, что «избы, обогреваются чувалом»[3].

Ценные статистические данные и другие сведения о хозяйстве, социальном и половом составе, и населенных пунктах башкир Степного Заволжья содержатся в работах И.И. Железнова. Этот исследователь указывал, что башкиры в поисках добычи уходили за пределы своих владений и постепенно углублялись на юго-запад, к вершинам рек Иргиза, Каралыка и Камелика. В своей монографии, говоря о нравах башкир, он с первой и до последней строки, не устает утверждать, что башкиры – это «воры, лентяи и конокрады» и считает, что «азиат телом и душой, образом жизни и нравом, так и азиатцем надолго и останется»[4].

Статья «Кумыс» является кратким содержанием монографии доктора Ю.Б. Укке «Климат и болезни города Самара», вышедшая в печать на немецком языке в г. Берлине. Автор отмечает, что у кочевых народов Самарской и Оренбургской областей кумыс составляет летом один из главнейших предметов пищи. «Оседлые» жители употребляют кумыс только как лекарство. В статье упоминается башкирская деревня Каралык как наиболее посещаемая путниками, которые пьют кумыс. Доктор Ю.Б. Укке подчеркнул, что «башкиры не советуются с врачом, а потому врач лишен возможности наблюдать действие кумыса». Необходимо отметить, что известный исследователь, член РГО С.И. Руденко в своей монографии «Башкиры» ссылается на статью доктора Ю.Б. Укке «Рекрутские наборы в Самарской губернии», в котором даны сведения о физическом типе башкир Степного Заволжья[5].

---

[1] Известия Императорского Русского Географического Общества. Т.VI. № 8. 1870. С. 299–302.

[2] *Воронов Н.В.* Самарская Лука // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1857. № 16 (20 апр.); Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива императорского русского географического общества. Вып.3. Пг., 1916. С. 1186–1187.

[3] *Лясковский Б.* Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1860. Ч. 43. Кн. 8. Отд. 3. С. 71–75.

[4] *Железнов И.* Башкирцы // Москвитянин. 1854. Т.5. № 17. Кн.1. Отд.5; *Он же.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Ч.1. М., 1858; *Он же.* Уральцы: Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. С. 226–227, 231–232.

[5] *Укке Ю.Б.* Кумыс // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1863. № 26 (29 июня); *Руденко С.И.* Башкиры: Опыт этнологической монографии // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 43. Вып. 1. Ч. 1. Физический тип башкир. Пг., 1916. С. 36; *Укке Ю.Б.* Рекрутские наборы в Самарской губернии // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1881. № 37–40.

Крупный исследователь Г.И. Перетяткович отмечает кочевой образ жизни башкир Степного Заволжья, что в заволжских степях башкиры располагались «со своими телегами, домочадцами и разнообразными животными»[1]. Известный историк В.М. Черемшанский в своем труде указывает, что в степях Заволжья башкиры появились задолго до присоединения Поволжья к Российскому государству. Он пишет, что «с вторжением в Восточную Европу монголов башкиры покорены были Батыем – внуком Чингисхана в 1243 г. и по разделению Золотой Орды на особые оседлые царства они были данниками. Башкиры, обитавшие по реке Узеню, подчинялись царям Астраханским»[2]. По сведениям Н. Казанцева, часть башкир Степного Заволжья вплоть до середины XIX в. вела полукочевой образ жизни. По его наблюдению, у башкир по бассейну реки Большой Узень и другим рекам, кроме лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, имеются верблюды. Они такой же породы, как у казахов, двугорбые, сильные и очень крепкие. Шерсть и шкуру использовали при изготовлении различных изделий, а мясо употребляли в пищу[3].

С первых дней основания Саратовской Ученой Архивной Комиссии (декабрь 1886 г.) сотрудники К.П. Медокс, С.С. Краснодубровский, Ф.Ф. Чекалин стали заниматься сбором материалов о народах, которые населяли низовое Поволжье до появления русских. Так, например, К.П. Медокс в 1892 г. выдвинул версию о том, что башкиры Степного Заволжья являются потомками половцев[4], что уже заслуживает особого внимания.

Историк В.Н. Витевский в своих исследованиях отметил причины переселения башкир в верховья рек Большого Иргиза и Камелика, где исследователь четко отстаивает свою версию о позднем расселении башкир в Степном Заволжье[5] . О причинах падежа скота у башкир Николаевского уезда Самарской губернии, о кризисном состоянии их хозяйства, о вымирании жителей тех мест говорится в статье А. Под.-рова, который пришел к выводу о том, что башкирское население Кузябаевской и Имилеевской волостей Николаевского уезда Самарской губернии «постепенно вымирает»[6] . Предметом научного интереса исследователя В.Э. Дэна были вопросы этапного направления потока инородческого населения, а также различные категории владельцев башкирских земель (в т.ч. и в Степном Заволжье). Автор затрагивает ряд вопросов, которые освещают земельные споры между казаками Уральского казачьего войска и башкирами в бассейне рек Узень и Чижи[7].

---

[1] *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVI–XVII вв. М., 1857. С. 132–133.

[2] *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 130–133.

[3] *Казанцев Н.* Описание башкирцев. СПб., 1867. С. 39.

[4] *Медокс К.П.* Инородцы в Поволжье. Саратов, 1892.

[5] *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1887. С. 899.

[6] *Под.–ров А.* Башкиры-землевладельцы (в Николаевском уезде Самарской губернии) // Экономический журнал. 1890. № 6–7. С. 8.

[7] *Ден В.Э.* Население России V ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1–2. М., 1902.

На страницах «Самарских губернских ведомостей» и других газет публиковались статьи о башкирах. Так, Б. Лек пишет, что башкиры занимаются скотоводством, ведут летом кочевую жизнь, немногие из них занимаются посевами ржи и овса». Исследователь в одной из своих статей предоставил описание реки Большой Иргиз[1]. Особый интерес представляет статья А.Ф. Белокрысенко, в которой имеются сведения о том, что в XVII в. территория Самарского уезда была разделена между башкирами и калмыками, хорошо освещается история описания русской колонизации и оттеснение башкир, с последующим построением второй и третьей Закамских линий[2]. В 1904 г. в газете «Самарский курьер» опубликована заметка А. Россова «У башкир: Из путевых заметок». Здесь автор описывает картину жизни башкирской деревни и отмечает факт бедности ее жителей. Повествует легенду о пожаловании царем Иваном Грозным земли башкирам. А. Россов отмечает патриотизм и любовь к Малой Родине среди башкирского населения[3].

После Октябрьской революции 1917 г. внимание историков было обращено на изучение быта и культуры народов нашей страны. Саратов в течение ряда десятилетий становится одним из центров интенсивной этнографической работы. Здесь организовывались и проводились этнографические обследования не только в пределах бывшего Саратовской губернии, но и в пределах Нижне-Волжского края.

В числе учреждений, которые интенсивно стали заниматься сбором этнографических материалов, был и Саратовский государственный университет. Профессору университета Б.М. Соколову принадлежит инициатива систематического экспедиционного обследования всех народов края и инициатива организации этнографического отдела при Обществе истории, археологии и этнографии (1919 г.), а 1920 г. он открыл в Саратове этнографический музей. В 1925 г. Общество истории, археологии и этнографии был переименован как Нижне-Волжское областное научное общество Краеведения, который совместно с музеем вел планомерные и постепенные этнографические обследования края во всем разнообразии его национального состава. Совершались небольшие поездки и командировки к разным национальностям[4].

В 30-х гг. XX в. на базе Нижне-Волжского областного научного общества Краеведения возник Нижне-Волжский институт Краеведения, который в 1935 г. организовал командировку по изучению фольклора в Пугачевском районе Саратовской области, а в 1936–1937 гг. совместно с областным музеем создали три экспедиционных маршрута по изучению

---

[1] *Лек Б.* Очерк Бугульминского уезда и Бугульминской Воздвиженской ярмарки // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1856. № 75 (27 окт.); № 44 (3 нояб.); № 45 (10 нояб.); № 47 (24 нояб.); *Он же.* Река Большой Иргиз // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1856. 29 сент.

[2] *Белокрысенко А.Ф.* Самарский уезд // Самарские губернские ведомости: Часть неоффиц. 1857. № 20 (18 мая); № 21 (25 мая); № 22 (1 июня); № 41 (6 июня).

[3] *Россов А.* У башкир: Из путевых заметок // Самарский курьер. 1904. № 101 (1окт.). С.2.

[4] *Степанов П.Д.* Из истории этнографических исследований в Саратовской области // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1960. Вып. 3. С.199, 215; *Акимова Т.М.* Этнографическая секция Нижне-Волжского областного научного общества краеведения // Этнография. 1926. № 1–2.

башкирского населения Степного Заволжья[1]. Две из них работали в пределах Перелюбского и Клинцовского районов Саратовской области и одна в Больше-Глушицком районе Куйбышевской области. Руководил работами П.Д. Степанов, исторической частью руководила старший преподаватель исторического факультета Саратовского Государственного Университета А.М. Ардабацкая. В работе экспедиций активное участие принимали студенты СГУ и школьники старших классов средних школ г. Пугачева. В результате обследования выявилось, что башкиры Степного Заволжья представляют значительный интерес, как объект этнографического изучения.

По мнению П.Д. Степанова, здесь сохранилось много национально-культурных черт такого типа, какие отсутствуют у башкир БАССР. В областной музей поступили значительные коллекции бытовых предметов. Исследователь П.Д. Степанов отмечает, что «башкирские селения располагались вдоль реки в 1-2 порядка и группами в соответствии с родственными связями. Башкирская усадьба состоит из избы и примыкающих к ней сзади хозяйственных построек, главным образом, хлева для скотины…»[2].

Участником экспедиций 20–30-х гг. был и директор Пугачевского краеведческого музея К.И. Журавлев. Например, в 1924 г. среди башкирского населения он собрал многочисленные экспонаты музыкального, хозяйственного и религиозного характера, а в 1937 г., в основном, занимался сбором полевого материала по пищевой утвари. Им были записаны разные варианты легенд о названии рек Большого Иргиза и Камелик[3].

В становление и развитие историко-краеведческой работы в Нижневолжском крае также видное место принадлежит профессору Н.Н. Пальмову. В период работы научным сотрудником в Нижне-Волжском краевом коммунистическом университете им. В.И. Ленина (1932-1934 гг.), по поручению Института Востоковедения Академии наук, он собирал материал о каракалпаках в Калмыцком и Астраханском губернских архивах. Выбирая материал о каракалпаках, Н.Н. Пальмов обнаружил в этом архиве документальные материалы о калмыках, которые имели тесные связи с башкирами и казахами в XVIII в. С этих материалов Н.Н. Пальмовым были сняты копии, и сгруппированы под общим названием «Заволжские и приволжские кочевники в их взаимоотношениях в первой половине XVIII века» по следующим разделам: 1. Каракалпаки и калмыки до 1728 г.; 2. Каракалпаки, башкиры, кайсаки (казахи) и калмыки в 1728–1744 гг.; 3. Башкиры и калмыки в 1728–1736 гг.; 4. Заволжские и приволжские кочевники в 1731–1736 гг. Н.Н. Пальмов отмечал, что взаимоотношения

---

[1] *Рыков П.* Хроника. Саратовская область // Советское краеведение. 1935. № 1; Хроника экспедиций // Советская этнография. 1937. № 1.

[2] *Степанов П.Д.* Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. Итоги историко–этнографические экспедиции 1939 года // Советская этнография. Сб. ст. М.-Л., 1940.; *Он же.*. Из истории этнографических исследований в Саратовской области // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 199, 215.

[3] Опись экспонатов Пугачевского краеведческого музея г. Пугачева Саратовской области (1919–1949 гг.). На 258 с. С.169–170, 250–251.

между заволжскими кочевниками в первой половине XVIII в. были не только дружелюбные, но и враждебные[1].

Другим центром изучения истории и этнографии народов был г. Самара. Здесь в связи с открытием университета и подъемом краеведческой работы Самарский край начинают изучать во всех отношениях. Необходимо отметить рукопись Ф. Яковлева, где приводится обзор кустарных ремесел русских, мордвы, чувашей, башкир и немцев Самарской губернии. Приводятся сведения об изготовлении одеял из овечьей шерсти, роговых гребней, тканых кушаков, деревянных сундуков и т.д., а также перечислены уезды и села, где развиты промыслы[2]. В 1919 г. вышел «Очерк истории Самарского края» П.А. Преображенского, в которой утверждается, что башкиры живут в этом крае с IX в., и свидетельствуется о том, что царь Иван Грозный дал башкирам грамоту, ограждавшую неприкосновенность их земель и угодий. Имеется широкий охват фактов и аргументов о расхищении башкирских земель. В 1930 г. П.А. Преображенского, как буржуазного историка, подвергли сильной критике за статью «Заселение края» в сборнике «Средневолжский край». Критика была направлена на освещение истории незаконных захватов башкирских земель в прошлом[3].

В начале 20-х гг. XX в. в Башкирской Республике было образовано научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир, которое опиралось на местную интеллигенцию[4]. В 1925 г. в журнале «Белем» («Знание») на арабском языке была опубликована статья А.И. Ярмухаметова «Пугачевские башкиры». В ней автор излагает о времени и причинах расселения башкир в Степном Заволжье. По его мнению, в середине XVIII в., еще до восстания Салавата Юлаева, башкиры, проживающие на отрогах Ирандыкских гор и на берегах реки Сакмара, тяготясь строительством заводов, вырубкой лесов и завозом крестьян, двинулись на запад. Продвигались к берегам Волги, пока не достигли бассейна рек Камелик и Каралык – это башкиры Кара-Кипчакского, Тамьян-Катайского, Бурзянского, Усерганского и Тангаурского родов, а также племен Еней и Сураш[5]. Следовательно, в 1925 г. А.И. Ярмухаметов изложил мысль о том, что исконная земля предков большинства заволжских башкир являются отроги Ирандыкских гор. В указанные годы участником комплексных экспедиций по изучению разговорного языка и фольклора башкирского населения в

---

[1] *Тапкина А.О.* Неопубликованные труды профессора Н.Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого научно–исследовательский институт языка, литература и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. Выпуск 11. Серия историческая. Элиста, 1974. С. 71; *Орехов И.И.* Письма Н.Н. Пальмова Х.Б. Ханукову как исторический источник // Вестник Калмыцкого научно-исследовательский институт языка, литература и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. Выпуск 11. Серия историческая. Элиста, 1974. С. 46.

[2] Государственный Архив Самарской области. Ф.558. Оп.1. Д.245. Л. 3–5; *Яковлев Ф.* Кустарные изделия, изготовляемые крестьянами Самарской губернии: Составлено действительным членом Самарского археологического общества 12 декабря 1917 г.

[3] *Преображенский П.А.* Очерк истории Самарского края. С приложением карты Самарской губернии и программы для собирания сведений по истории, археологии и этнографии местного края. Самара, 1919. С.6, 27–29; *Он же.* Заселение края // Средневолжский край. Самара, 1930; *Васильев Т.* Против главной опасности в национальной краеведении // Советское краеведение. 1930. № 10. С. 11–16.

[4] *Янгузин Р.З.* Этнография башкир. Уфа, 2002. С. 96.

[5] Цит. по: *Шафиков Г.Г.* Дыхание жгучее истории. Уфа, 1998. С. 92–93.

Пугачевском уезде был писатель Г.К. Давлетшин, уроженец д. Ташбулатово (Ташкустяново) Имелеевской волости Пугачевского уезда Самарской губернии[1]. Сбором исторических и языковедческих материалов занималась известная башкирская писательница, уроженка деревни Хасаново Пугачевского уезда Самарской губернии и автор романа «Иргиз» – Х.Л. Давлетшина, которая составила словарь устно-разговорного языка иргизо-камелекских башкир. В нем отражены не только лексические, но и фонетические и грамматические особенности языка. Словарь Х.Л. Давлетшиной не потерял научной ценности и сегодня. Он в своем роде является источником изучения словарного языка бассейна рек Иргиз и Камелика[2].

Таким образом, образование Русского Географического общества и четкое определение задач этнографической науки двигало развитие в деле изучения инородцев Самарской губернии, в т.ч. и башкирского населения края, вперед и способствовало изучению культуры и быта всего башкирского народа. В этот период, работы о башкирах Степного Заволжья содержат материалы, где прямо и косвенно рассматриваются этнографические, исторические и демографические проблемы. В конце XIX – в начале XX вв. изучение заволжских башкир в некоторой степени сосредотачивалась в Саратовской Ученой Архивной Комиссии. В работах исследователей этого периода особенно подробно освещается динамика численности башкирского населения, а также их нравы и обычаи. После Октябрьской революции в 1917 г. в истории изучения заволжских башкир начинается новый период углубленных и систематических исследований культурных традиций и этнографических особенностей в области материальной и духовной культуры и быта башкир в контексте истории всего башкирского народа.

© Маннапов М.М., 2014 г.

[1] Цит. по: *Надергулов У.Ф.* Указ. соч. С. 11.
[2] Цит.: *Шафиков Г.Г.* Указ соч. С. 97 – 99.

УДК 929.511+821.512.141

Мазитов В.Р.

Шежере башкир племени уран

Одно из древнейших башкирских племен *уран* прошло ряд этапов этнической истории. Племя *уран* фигурирует в средневековых источниках как *урат*[1]. Это одно из племен, пришедшее с территории Центральной Азии и имеющее тесные этнические контакты с племенами *мин*, *дуван*. Этнограф Р.Г. Кузеев писал, что предки *дуван* и *айле* длительное время пребывали в присырдарьинских степях и Приаралье, где испытали определенное влияние ираноязычного населения Средней Азии, о чем может свидетельствовать древнеиранское происхождение суффикса «ан».

В различных вариантах шежере племени *уран* названы родоначальники – Уран-баба, Дуван-сакал, чьи имена по существующей средневековой традиции являются одновременно этнонимами древних родо-племенных обьединений. Согласно исследованиям Р.Г. Кузеева имя Дуван-Сакал встречается в различных средневековых источниках, в том числе в шежере, скопированном со старинной рукописи в д. Карманово Калтасинского района БАССР[2].

В рассматриваемом шежере племени *уран*, которое является позднейшей копией более ранних вариантов, так же одним из родоначальников племени назван Дуван. Данная копия шежере хранится в научном архиве УНЦ РАН[3]. В приписке к шежере племени *уран* сказано, что оно было переписано 15 марта 1919 г. муллой Кашафом с генеалогии его дедушки. В 1954 г. оно было вновь переписано в д. Кисек Каен Янаульского района у Атнагулова Мухаметхана, сына муллы Хафиза. В шежере мы находим генеалогию муллы Кашафа и Хафиза, которые были братьями: Бурангол – Атнагол – Габделхалик, Габделгази, Габдулвали, Габдулкахир, Габдулвагап. От сына Атнагола Габдельхалика генеалогия следующая: Габдельхалик – Калимулла, Фатхулла; от Калимуллы – Хафиз, Кашаф.

В ревизии д. Каин-Кисякова за 1850 г. значится Аднагул Бураев (с пометкой умер в 1843 г.) и дана генеалогическая ветвь его потомков – сыновей Габдельхалика (в ревизии Абдулхалик с припиской – указной мулла), Габдулвали (в ревизии Абдулвали), Габдулвагапа (в ревизии Абдулвагап), Габдулгази (в ревизии Абдулгазиз), Габдулкахира (в ревизии Абдулкагир). В «ревизской сказке» также обозначены внуки Атнагола, многие с пометкой новорожденные. На момент ревизии Калимулле было 3 года, поэтому ревизия не зафиксировала его потомков – Хафиза и Кашафа[4].

---

[1] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1, 2. М.; Л., 1952. С. 78.

[2] *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 353, 354.

[3] НА УНЦ РАН. Ф. 116 Оп. 1 Д. 221

[4] Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее ЦИА РБ). Ф. И-138. Оп. 2. Д.741. Л. 236, 237.

Генеалогическая часть от Атнагола до его внуков полностью совпадает с аналогичной в шежере хронологически и поименно. Это позволяет сделать два существенных вывода: 1. В шежере представлена довольно точно и достоверно историко-генеалогическая информация. 2. Исходя из материалов шежере и ревизии можно примерно датировать сведения, представленные в шежере. Так, например, можно датировать примерный хронологический возраст генеалогии, представленной в шежере.

Мулла Кашаф, переписавший в 1919 г. генеалогию с шежере своего дедушки, жил на рубеже XIX–XX вв. Возраст его дедушки Габдельлхалика в 1850 г. – 35 лет, что в принципе не противоречит шежере. Время жизни Атнагола XVIII-первая половина XIX вв. (до 1843 г. соответственно). От Атнагола до Урана основателя рода – 11 колен. На один век приходится примерно 3-4 колена. Соответственно примерное время жизни Урана – XV–XVI вв. Можно воспользоваться также формулой хронологического расчета, предложенной этнографом Р.Г. Кузеевым – на одно поколение приходится в среднем 30 лет. Тридцать умножаем на одиннадцать, получаем триста тридцать (30*11=330). Если с конца примерно XVIII в. вычесть 330 лет получится середина XVI в. Вполне возможно, что родоначальник Уран жил в XV – первой половине XVI в. Но мы знаем, что Уран является не столько собственным именем, сколько этнонимом, наименованием племени известного со средних веков.

Из анализа шежере и ревизии мы видим, что шежере отражает генеалогию части башкир – жителей д. Кисек-Каеново Бирского уезда Уфимской губернии, которое находится на северо-западе древней Башкирии. Северо-запад древней Башкирии – позднейшая и конечная территория расселения башкир племени *уран*. Об их этнической миграции сведений довольно мало. Согласно гипотезе этнографа Р.Г. Кузеева племя *уран*, в составе других башкирских племен двигалось на запад с территории южного Приуралья. Активное проникновение башкир в северные земли активизируются в XIII–XV вв.[1]

Нижние генеалогические звенья шежере, как видим, относятся к тому же времени, что подтверждает теорию об окончательном оседании ряда *уранских* родов на севере Башкирии к XV в.

Таким образом, *уранские* родословные (шежере) являются ценными историческими источниками по этнической истории крупных родов башкирского племени *уран*. Данный источник к тому же, косвенно подтверждает заключительный этап (XIII–XV вв.) этнической миграции башкир-уранцев на северо-запад Башкирии. Сведения в шежере не предоставляют полной информации об этнополитической ситуации башкир племени *уран* периода XIII–XVI вв.

© Мазитов В.Р., 2014 г.

[1] *Кузеев Р.Г.* Указ. соч. С. 485.

УДК 394.24

Медведев В.В.

Качели в традиционной культуре чувашей

Весной в праздник *мункун* (*мăнкун*) «великий день» чуваши в своих поселениях устанавливали качели. *Мункун* посвящали поминанию ушедших в иной мир родных, приходивших в этот день в гости. «Помянув усопших дома, с своими семейными, в тот же день ходили к ближайшим родственникам, при чем ели кашу», – сообщает Г.И. Комиссаров об этой церемонии[1]. Чуваши называли качели *таканка*, *чуччу*, *ярăнчăк*. Другие локальные производные – *таканкка*, *таканччи*, *таканччă*, *такарччи*. Слово *чуччу* имеет формы *чучу*, *чуччи*, *чуччу ярăн*[2].

Верховые чуваши обычно называли качели *чуччу*, а низовые – *таканка*. Для них тщательно подбирали место, наводили порядок. Как правило, качели из года в год ставили на одной и той же возвышенной местности. После *мункуна* их собирали и хранили до следующего года[3]. Качели в праздник *мункун* имели все этнотерриториальные группы чувашей. На них, стоявших на каждой улице, собирались дети и сельская молодежь[4] (Рис. 1).

Парни и девушки катались попарно, а раскачивали их с разных сторон[5] (Рис. 2). Марийцы ставили качели накануне *агавайрем* «праздника пашни». Совершив жертвоприношение и закончив молитвы, молодые марийки и девушки направлялись к качелям, на которых их качали парни[6]. Помимо *агавайрем*, как и чуваши, марийцы устанавливали качели к празднику *кугече* «большой день»: «Вместе с тем выстраиваются во всех околотках, по близости сел и русского населения, качели, если не иначе, то на деревьях, вокруг которых устраивается гуляние и устанавливаются шалаши, для продажи разного угощения»[7].

В традиции славянских народов времяпровождение на качелях весной рассматривалось как средство для улучшения роста домашних растений и культур, т.е. способствовало плодородию. Раскачиваясь, люди просили хорошего урожая. Например, «такая конопля к св. Прокопию, такой лен на Видов день. Пусть все вырастет!» (Восточная Сербия). Жители Минской губернии, будучи на качелях на гумне, загадывали «лён доўгі і моцны»[8]. Процесс качания проецировали и на другие формы домашних занятий.

---

[1] *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII, вып. 5. С. 387.

[2] *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Чебоксары, 1996. Т. 2. С–Я. С. 165, 426.

[3] *Мадуров Д.Ф.* Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары, 2004. С. 131.

[4] *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. С. 241, 303, 340.

[5] *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 160.

[6] *Фукс А.А.* Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 196, 200.

[7] *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV. Ч. 2. Казань, 1870. С. 179.

[8] *Агапкина Т.А.* Мифоэпические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 173–174.

Рис. 1. Качели (Казанская губерния, Козьмодемьянский уезд, д. Хыр-Касы, 1902 г.) Фото И.Н. Смирнова // РЭМ. Фототека. Коллекция № 203. Ед. хр. 8.

Большие качели сооружали из деревянных жердей. С двух сторон вертикально устанавливали по три жерди и связывали их между собой, сверху укладывали поперечную перекладину, к ней подвязывали веревки. На концах этих веревок крепили доску либо бревно, на которых качались (Рис. 3). По воспоминаниям информантов в с. Месели Аургазинского района РБ высота опорных столбов качелей составляла 5–6 м, а веревок или заменявших их жердей, на которых качались сельчане, была 3–4 м. При устройстве качелей гвозди не использовали. В центре села в *мункун* всегда устанавливали качели, которые занимали парами[1].

Рис. 2. Жених и невеста на качелях. 1960-е гг. // Из собраний А.К. Салмина. № 185.

[1] ПМА 2013. Башкортостан, Аургазинский р-н, с. Месели.

Наиболее простые качели обычно устраивали между двумя деревьями. Перекидывали между двумя крепкими деревьями или сучьями перекладину и привязывали веревки. Нередко качели подвешивали на одном суку. В д. Ивановка Аургазинского района РБ, по словам Н.К. Яковлевой (1946 г.р.) качели делали из двух вертикальных столбов, на которых держалась горизонтальная жердь с привязанными веревками и доской[1]. Вариативность в устройстве качелей наблюдается у бесермян, сооружавших их к *паске* (*великтэм*) «великий (день)»[2]. По времени возведения и своему назначению качели у чувашей в *мункун* и бесермян к *паске* аналогичны.

Рис. 3. Качели на окраине деревни, построенные для молодежи в *мункун*
(ТАССР, Лениногорский р-н, д. Новое Сережкино, 1990 г.)
Фото В.А. Павлова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Т. 958. Инв. № 2.

Как справедливо замечает Т.А. Агапкина, время, проведенное молодежью совместно, отдельно от родителей, способствовало социализации, созданию корпоративных интересов и установлению связей[3]. В этом немалую роль играли собрания молодежи на качелях и проходившие здесь игры, хороводы, исполнение песен. У завятских удмуртов бытовали напевы, исполнявшиеся на качелях – *кузь таган куй* и *вакчи таган куй*, т.е. длинная и короткая качельные песни. Первый напев пели во время хоровода на лугу у качелей, а второй, расходясь по домам. Известны песни и при разборе качелей[4].

Русские горнозаводских поселений Белорецкого района РБ (Ломовка, Кага, Тирлян, Инзер, Нижний и Верхний Авзян, Узян) перед Пасхой на улицах устанавливали качели, где встречалась холостая молодежь,

[1] ПМА 2013. Башкортостан, Аургазинский р-н, д. Ташлыкуль.
[2] *Попова Е.В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004. С. 86–87.
[3] *Агапкина Т.А*. Указ. соч. С. 480.
[4] *Нуриева И.М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск, 1999. С. 102–103.

образовывались новые пары. «На Пасху делали козлы из жердей: с одного боку три жерди и другого три жерди, и уверху их связывали веревкой. Метров шесть они высотой были. Сверху на их клали большую жердь и привязывали веревку, на её клали дощецку. Бывало, девку посадят два парня и качають, а сами бьють по ногам веревкой и спрашивають: “Чей ухажер, каво любишь?” Если не скажешь, они раскачивають, аж через козлы не перелетишь и сердце завёхывается. Качаются все желающие без исключения. Правда, маленькие качались днем, а взрослые вечером»[1] (с. Кага). И время установки качелей, и конструкция в данном случае совпадают с таковыми у чувашей.

О том, что чуваши ставили качели в канун праздника *мункун*, свидетельствует множество материалов[2]. Говорят об этом и информанты. Для верховых чувашей с. Антоновка Гафурийского района РБ *мункун*, прежде всего, ассоциируется с качелями *чуччу*. В числе атрибутов праздника качели назвали и жители с. Чуваш-Карамалы Аургазинского района[3]. К качелям на *оло кон* «большой (великий) день» собирались нагайбаки, а у молькеевских кряшен известно поверье, согласно которому качавшиеся не будут болеть[4].

На этот сюжет обратил внимание еще Дж. Фрэзер, отметивший качание как способ лечения и избавления от болезни. У народа меланау на острове Борнео во время обряда исцеления важную роль играли качели, на которых качали больного человека. Завершив обряд, качели освобождали. Затем на них качались желающие, используя возможность поправить здоровье[5].

Татары ставили качели и в летний праздник *джиен*. В д. Кугеево Свияжского уезда локус, где проходили собрания молодежи и игры, назывался *таган асты* «под качелью»[6]. Удмурты качели, сооруженные к Пасхе, держали до семи недель. По четвергам и пятницам здесь водили хороводы и пели. «Проводя под качелями целые ночи, парни и девушки расходятся только к утру попарно»[7]. Наоборот, в ряде русских поселений Западной Сибири качели убирали с окончанием пасхальной недели, т.к. после этого налагался запрет на качание[8].

---

[1] Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры. Магнитогорск, 2003. С. 141.

[2] НА ЧГИГН (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 255–256.

[3] ПМА 2011. Башкортостан, Гафурийский р-н, с. Антоновка; ПМА 2013. Аургазинский р-н, с. Чуваш-Карамалы.

[4] *Уразманова Р.К.* Годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995. С. 80; *Уразманова Р.К.* Годовой цикл общественных обрядов и праздников молькеевских кряшен: похоронно-поминальная обрядность // Молькеевские кряшены. Казань, 1993. С. 83.

[5] *Дж. Фрезер.* Золотая ветвь. Дополнительный том. М., К., 1998. С. 327–328.

[6] *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2001. С. 75.

[7] *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Урясь-Учинского прихода // Труды четвертого Археологического съезда в России. Т. II. Казань, 1891. С. 97.

[8] *Золотова Т.Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Омск, 2002. С. 98.

Заметим, что традиция установки качелей довольно обширна (это очевидно из приведенных выше примеров) и служила главной цели – удачным всходам, росту и созреванию обильного урожая и не только. Подразумевался приплод домашнего скота и достаток хозяйства в целом. Мы наблюдаем это на Русском Севере и, например, у табасаранцев Кавказа, ставивших качели в праздник *эбелцан* «день весеннего равноденствия»[1].

Таким образом, качели в традиционной культуре чувашей и других народов, связанных с земледелием, выполняли обрядовую роль и стимулировали богатый урожай к уборочной страде. На качелях не только проецировали будущее, но и изменяли настоящее, поскольку здесь парни выбирали себе невест и создавали новые пары. Происходила социализация молодых членов сельской общины, иногда впервые вводимых в новый круг общения. Нахождение по вечерам на качелях сопровождалось хороводами, исполнением песен, общением с противоположным полом. Оставшись без присмотра родителей и младших братьев и сестер, молодые люди лучше узнавали друг друга и делали выбор. Так одновременно заботились о достатке хлеба в семье и будущей судьбе молодежи.

© *Медведев В.В., 2014 г.*

[1] *Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988. С. 31; *Сефербеков Р.И.* Об одном календарном и аграрном празднике табасаранцев: Эбелцан [Электронный ресурс] // URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-239-5. С. 161. (дата последнего обращения 10. 09.2014 г.).

УДК 902.01

Мухаметдинов В.И.

К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным анализа гончарных традиций на поселении Олаир)

Представленная работа – синтез данных анализа технологических и орнаментальных традиций, проведенного ранее[1] по керамическому материалу с поселения эпохи поздней бронзы Олаир, расположенному в Зилаирском районе Республики Башкортостан[2]. Полученные в указанных работах результаты позволили уточнить многие вопросы, связанные со срубно-алакульскими межкультурными взаимодействиями, в то же время проблема соотношения технологических и орнаментальных гончарных традиций оставалась до сих пор не раскрытой.

Из технологических на поселении Олаир были исследованы приспособительные традиции отбора и обработки исходного сырья и составления формовочных масс. Анализ проводился по методике А.А. Бобринского[3].

Удалось определить, что при изготовлении раннеалакульской керамики использовались либо илы, либо высокопластичная глина. Сосуды из илистого исходного сырья искусственных примесей не содержали. В глину добавляли в одном случае из двух шамот, тальковую дресву и органическую примесь, в другом случае к указанным примесям добавили кварцевую дресву.

Алакульская керамика развитого этапа изготавливалась в основном из высокопластичной глины, и в редких случаях из среднепластичной. Основным рецептом формовочной массы являлась глина с добавлением тальковой дресвы и органики (8 случаев из 13). Остальные рецепты были либо смешанные, когда к указанным примесям добавлялись шамот, сланцевая глина или кварцевая дресва, либо, в одном случае, несмешанный, только с шамотом и органикой.

Сосуды развитого этапа срубной культуры изготавливались из высокопластичной глины. Основной набор рецептов формовочных масс совпадает с алакульскими, но различается их соотношение. Примерно с равной частотой встречаются как примесь шамота, так и примесь тальковой дресвы (4 к 3). Причем в двух случаях они добавлялись вместе в смешанном рецепте.

Срубно-алакульская керамика поселения Олаир изготавливалась из высокопластичной глины. Среднепластичная встречается единожды из 15 случаев.

---

[1] *Мухаметдинов В.И.* Приспособительные гончарные традиции на поселении Олаир // IV Башкирская археологическая конференция студентов и молодых учёных (IV БАСК): материалы конференции, Сибай, 2011; *Он же.* К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (26). Тюмень, 2014.

[2] *Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И.* Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа. 2008.

[3] *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978; *Он же.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: [коллективная монография]. Самара, 1999.

Рецепты срубно-алакульских формовочных масс представлены ниже (Г – глина, ТД – тальковая дресва, Ш – шамот, СлГ – сланцевая глина, КД – кварцевая дресва, О – органика):

Г+ТД+О (7 случаев),

Г+ТД+Ш+О (4 случая),

Г+ТД+Ш+СлГ+О (2 случая),

Г+КД+О (1 случай),

Г+ТД+Ш+КД+О (1 случай).

Видно, что ситуация во многом повторяет картину, прослеженную по алакульской керамике. То есть основным рецептом остаётся рецепт с тальковой дресвой и органикой, составляя половину от общего количества, а другая половина – смешанные рецепты с широким спектром примесей, но в основном с шамотом.

Орнаментальные традиции изучались по методике Ю.Б. Цетлина[1], заключающаяся в описании орнаментальных традиций на 5 иерархически связанных уровнях: элемент, узор, мотив, образ и композиция. Под *элементом* орнамента понимается отпечаток или динамический след, созданный за один трудовой акт; *узор* – это локализованное изображение, состоящее из одинаковых или разных элементов, созданное за несколько трудовых актов; *мотив* представляет собой определённый способ тиражирования элементов и узоров; *образ* – сочетание двух или трёх соседних мотивов, а *композиция* орнамента – это сочетание всех мотивов на сосуде, включая неорнаментированные зоны. В результате описания были получены формализованные данные по каждому уровню, после чего они были обработаны, вычислением коэффициентов сходства между культурными группами.

Анализ позволил сделать вывод о сложности этнокультурных процессов на поселении Олаир. Большие степени сходства между орнаментальными традициями раннеалакульской и срубно-алакульской групп на уровне элементов (60%) и мотивов (53%) указывают, что контактные процессы начались уже на раннем этапе. В то же время, очень слабая степень сходства раннесрубных традиций со срубно-алакульскими на уровне элементов (10%), а также сам факт малочисленности срубной керамики раннего этапа наводит на мысль о том, что, вероятно, часть населения, участвовавшего в заселении рассматриваемого памятника, уже была смешанной.

Обращает на себя внимание сравнительно невысокая степень сходства между раннелакульскими и алакульскими орнаментальными традициями на уровне элементов (45%). В то же время на уровне мотивов сходство более высокое (58%). Связано это с частым использованием раннеалакульскими племенами ребристого элемента, который совершенно пропадает на развитом этапе. Такое резкое прекращение использования элемента позволят сказать,

[1] *Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.

что население оставившее посуду, относимую к алакульской культурной группе развитого этапа, не является прямым потомком населения изготавливавшего раннеалакульскую керамику. Вероятно, между данными этапами был хронологический разрыв.

Слабая степень сходства между срубными и алакульскими орнаментальными традициями развитого этапа как на уровне элементов (48%), так и на уровне мотивов (27%) при высокой степени их сходства со срубно-алакульскими традициями (69% срубная КИО и 62% алакульская КИО на уровне элементов, и 50% срубная КИО и 49% алакульская КИО на уровне мотивов), позволяют сделать вывод об активном процессе контактов в данный период. Высокие показатели сходства традиций несмешанных культурных групп с традициями смешанной срубно-алакульской группы указывают, что контакты проходили на данной территории. Близкие значения показателей свидетельствует о равной роли участвующих в процессе общностей.

Сравнение результатов технологического и стилистического анализов, показывает довольно интересные результаты. С одной стороны, отдельные положения совпадают. Так, и по технологии и по орнаментации подтверждается слабая связь между раннеалакульской и алакульской культурными группами. В то же время, технологический анализ материалов, связанных со срубно-алакульскими взаимодействиями даёт несколько отличные результаты, нежели анализ орнамента. Так, если по орнаментации видно, что связь между срубными и алакульскими традициями была слабее, чем обеих со срубно-алакульскими, то технология показывает, что набор рецептов формовочных масс у всех трех групп совпадает. Проследить процессы смешения по технологии можно, только основываясь на фиксации наличия смешанных рецептов и по соотношению количества сосудов с каждым отдельным рецептом. Пока только видно, что сосуды, определяющиеся как срубные или с преобладанием срубных черт, с большей вероятностью будут содержать в примеси шамот, чем сосуды алакульской группы, но при этом примесь талька может одинаково часто встречаться и в срубной и в алакульской посуде. Отмеченная ситуация позволяет сказать, что такая приспособительная технологическая традиция, как составление рецептов формовочных масс, изменялась в ходе контактов быстрее, чем орнаментальные стилистические традиции.

© Мухаметдинов В.И., 2014

УДК 342.731

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.

Российское законодательство о свободе совести: изменения 2013–2014 гг.

Российское законодательство в области свободы совести представляет собой совокупность нормативных правовых актов, относящихся к обеспечению прав и свобод человека, к деятельности религиозных объединений. На федеральном уровне оно включает в себя Конституцию РФ, Гражданский Кодекс РФ, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.) и другие Федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств. На региональном уровне оно представлено Конституциями республик, входящих в состав РФ, Уставами и другими нормативными правовыми актами субъектов РФ. Местный уровень включает в себя решения органов муниципального (местного) самоуправления, принятые ими в рамках своей компетенции по обращениям граждан и религиозных объединений.

Основным законом, регулирующим правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений является Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятый в 1997 г. Значительные изменения в данный закон были внесены в последние два года: в ряде случаев храмам разрешено находиться на территории школ, ограничен круг лиц, которые могут быть учредителями религиозных организаций и др. Предлагаем рассмотреть их более подробно.

Так, статья 16 (п. 3) Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» была дополнена абзацем: «Религиозные обряды могут проводиться также в зданиях, строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов». Таким образом, было дано разрешение храмам в ряде случаев находиться на территории школ. Важно отметить, что поправка касается только тех религиозных сооружений, которые исторически расположены на территории образовательных учреждений. Поправки приводят в соответствие ряд положений законодательства в связи с принятием федерального закона «Об образовании». Всего изменения вносятся в 180 федеральных законов, среди которых документы «О науке и государственной научно-технической политике», «О языках народов РФ», «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В ходе обсуждения данной поправки были высказаны различные точки зрения. Депутат от КПРФ Б. Кашин предложил отклонить ее, мотивируя это опасностью того, что на территории образовательных учреждений могут быть созданы молельные помещения или построены храмы, что, по его

мнению, противоречит Конституции РФ, так как школа является светским институтом. Глава комитета по образованию, член партии «Единая Россия» В. Никонов, между тем, опроверг эти опасения на заседании Госдумы и заявил, что предложенная поправка касается только тех религиозных сооружений, которые исторически расположены на территории образовательных учреждений. Он уточнил, что такие церкви «есть на территории каждого российского учебного заведения, открытого до 1917 г., и запрещать там использовать эти церкви неправильно». Кроме того, согласно поправке, религиозные обряды возможны только там, где «та или иная образовательная организация действует на территории церкви… и речь идет, прежде всего, о воскресных школах».

Коммунист О. Смолин отметил, что КПРФ его не поддержит ни во втором, ни в третьем чтении, по двум основным причинам. «Причина первая, что это сопровождающий закон к базовому закону "Об образовании", в котором на каждый шаг вперед приходится три шага назад». По его словам, КПРФ не поддерживала базовый закон и поэтому не может одобрить сопровождающий. Кроме того, он заявил, что опасается религиозных конфликтов и полагает, что новый закон сформулирован так, что он провоцирует строительство новых религиозных зданий на территории образовательных организаций. В свою очередь В. Никонов заверил, что принятая поправка по религиозным сооружениям «не провоцирует никакой национальной розни». Кроме того, он коснулся еще ряда поправок и акцентировал, что никакие изменения, связанные с призывом на военную службу, в этом законе не принимаются[1].

В июне 2013 г. в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний была принята новая редакция ст.148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», которой вводится ответственность «за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» в виде штрафа в размере до 300 тыс. руб. или обязательных работ до 240 часов, либо принудительных работ на 1 год, а также возможного лишения свободы также на годичный срок[2]. Инициатива принятия принадлежала группе депутатов и сенаторов. Законопроект о защите чувств верующих был внесен еще в 2012 г. и стал реакцией на так называемый панк-молебен группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя.

В июне 2013 г. Президент России В.В. Путин подписал закон, ограничивающий круг лиц, которые могут быть учредителями религиозных

[1] Госдума разрешила храмам в ряде случаев находиться на территории школ [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости» [Офиц. сайт]. 19.06.2013 г. URL: http://ria.ru/society/20130619/944460581.html#14132068869583&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration (дата последнего обращения: 10.10.2014).

[2] Уголовный кодекс РФ. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Офиц. сайт]. URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_27.html#p2202 (дата последнего обращения: 10.10.2014).

организаций, а также ограничивающий для определенных категорий лиц возможность руководить религиозными организациями или участвовать в их деятельности. Соответствующие изменения внесены в статью 9 закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». В частности, учредителем (участником, членом) религиозной организации не может быть иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которого принято решение о нежелательности пребывания или проживания в РФ. Такое же ограничение устанавливается для лиц, включенных в перечень в соответствии с ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Кроме того, по новому закону, учредителем, участником или членом религиозной организации не может быть лицо, в действиях которого суд усмотрел признаки экстремистской деятельности. Ограничение распространяется и на организации, деятельность которых приостановлена в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Изменений коснулись и статьи 4 и 24 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в части наделения религиозных организаций правом установления требований к служителям, религиозному персоналу и работникам религиозных организаций, а также к кандидатам на указанные должности (см. прил.1).

В 2014 г. были приняты поправки к закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», которые устанавливают перечень мест, где можно проводить религиозные обряды и церемонии без предварительного уведомления местных властей. Согласно им разрешено беспрепятственное проведение богослужений, религиозных обрядов и церемоний в культовых и других зданиях и сооружениях, а также на земельных участках, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве. Согласно поправкам, без согласования с властями религиозные обряды также можно будет проводить на территориях организаций, созданных религиозными организациями, в местах паломничества, на кладбищах и в крематориях.

В остальных случаях публичные богослужения и другие проводимые открыто религиозные обряды и церемонии, включая молитвенные и религиозные собрания, которые требуют обеспечения общественного порядка и безопасности, будут осуществляться в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций (см. прил. 2).

Следует также отметить, что в октябре 2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, направленный на обеспечение свободы совести и вероисповедания для осужденных. Проект федерального закона "О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации" разработан Минюстом России.

В настоящее время ФСИН России, а также территориальными органами уголовно-исполнительной системы заключено более 80

соглашений о взаимодействии с религиозными организациями. Законопроектом предлагается законодательно закрепить порядок этого взаимодействия.

Предлагается изложить в новой редакции статью 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, определяющую права осужденных в сфере обеспечения свободы совести и вероисповедания. В новой редакции, в частности, предусматривается, что к осужденным по их просьбе приглашаются священнослужители зарегистрированных религиозных объединений. Личные встречи предоставляются продолжительностью до двух часов каждая без ограничения их числа. Такие встречи могут проводиться в том числе наедине и вне пределов слышимости третьих лиц, с использованием видеонаблюдения.

Законопроектом предусмотрены также соответствующие изменения в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Законопроект направлен на развитие сотрудничества с традиционными конфессиями, обеспечение осужденным возможности участия в религиозных обрядах, реализацию совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов. Законопроект рассмотрен и одобрен на заседании Правительства Российской Федерации 25 сентября 2014 г.

Приложение 1

Обзор некоторых изменений
Федерального Закона от 26.09.1997 N 125-ФЗ
«О свободе совести и о религиозных объединениях» в 2013 г.
(редакция от 07.06.2013, от 02.07.2013)[1]

	Старая редакция	Новая редакция
Пункт 4 статьи 5 - изложен в новой редакции	4. По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.	4. По письменной просьбе родителей или лиц, их заменяющих, и с согласия детей, обучающихся в государственных или муниципальных образовательных организациях, указанные образовательные организации на основании решения коллегиального органа управления образовательной организации по согласованию с учредителями могут предоставлять религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

[1] Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79440/ (дата последнего обращения: 10.10.2014).

Дополнение пункта 3 статьи 16 абзацем. См. текст новой редакции		Религиозные обряды могут проводиться также в зданиях, строениях религиозного назначения, расположенных на территориях образовательных организаций, а также в помещениях образовательных организаций, исторически используемых для проведения религиозных обрядов.
Дополнение статьи 9 пунктом 3.		3. Не может быть учредителем (участником, членом) религиозной организации: иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации; лицо, включенное в перечень в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"; религиозная организация, деятельность которой приостановлена в соответствии со статьей 10 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности"; лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.
Дополнение статьи 24 пунктом 5.		5. Религиозные организации вправе устанавливать в соответствии со своими внутренними установлениями условия деятельности священнослужителей и религиозного персонала, а также требования к ним, в том числе в части религиозного образования.

Приложение 2

Обзор изменений Федерального Закона от 26.09.1997 N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 2014 г. (редакция от 22.10.2014)[1]

	Старая редакция	Новая редакция
Пункт 2 статьи 16 - изложен в новой редакции	2. Богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются в культовых зданиях и сооружениях и на относящихся к ним территориях, в иных местах, предоставленных религиозным организациям для этих целей, в местах паломничества, в учреждениях и на предприятиях религиозных организаций, на кладбищах и в крематориях, а также в жилых помещениях.	2. Богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются: - в культовых помещениях, зданиях и сооружениях, а также на земельных участках, на которых расположены такие здания и сооружения; - в зданиях и сооружениях, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве для осуществления их уставной деятельности, а также на земельных участках, на которых расположены такие здания и сооружения; - в помещениях, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве для осуществления их уставной деятельности, а также на земельных участках, на которых расположены здания, имеющие соответствующие помещения, по согласованию с собственниками таких зданий; - в помещениях, зданиях, сооружениях и на земельных участках, принадлежащих на праве собственности или предоставленных на ином имущественном праве организациям, созданным религиозными организациями; - на земельных участках, принадлежащих религиозным организациям на праве собственности или предоставленных им на ином имущественном праве; - в местах паломничества; - на кладбищах и в крематориях; - в жилых помещениях.
Пункт 5 статьи 16 - изложен в новой редакции	5. В иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций.	5. В иных случаях публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии (включая молитвенные и религиозные собрания), проводимые в общественных местах в условиях, которые требуют принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности как самих участников религиозных обрядов и церемоний, так и других граждан, осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций.

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2014 г.

[1] Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79440/ (дата последнего обращения: 10.10.2014).

УДК 372.82

Надыршин Т.М.

Российский и зарубежный опыт преподавания религии в школе

В 2012 г. у всех учащихся 4-ых классов Российской Федерации появился новый обязательный предмет, который носит название «Основы религиозных культур и светской этики». Введение ОРКСЭ было предметом оживленных споров, потому что многие рассматривали данный урок как угрозу светскому государству.

Хотя и содержание уроков касается религии во многих школах очень поверхностно (несмотря на название курса), тем не менее, ОРКСЭ занимает важное место в системе начального образования, значение, перспективы и основные тенденции развития которого которого можно определить исходя из опыта зарубежных стран.

Преподавание знаний о религии может отличаться. Оно может быть конфессиональным и неконфессиональным, обязательным и факультативным, иметь альтернативу в виде нерелигиозного предмета и не иметь ее[1].

Название предмета имеет часто непохожие названия. Чаще всего его называют «Religious education», дословно «Религиозное образование или обучение». «Религиозное образование – это предмет, который дает детям и молодежи понимание того, как верования и ценности влияют на наши жизни»[2]. Такое определение носит предмет в Великобритании. Когда речь идет о преподавании религии то используется выражение «teaching (learning) about religion»[3], то есть, вносится посыл, что ведется преподавание про религию.

Реже используется понятие «spirituality», т.е. духовность. Вместо «религии» используется понятие «вера» – «faith» и «верования» – «beliefs». Иногда «образование» (education) заменяется «religious upbringing» (религиозное воспитание), «religious instruction» (религиозный инструктаж), «religious socialization» (религиозная социализация). Временами предмет связан с терминами культура, ценности, этика, как например в Турции «Religious Culture and Ethics» (Религиозная культура и этика) или «Religious and value Education»[4] (Религиозно-ценностное образование), «Religious and Moral education» (Религиозное и моральное образование). В ряде стран, где нет религиозного образование существует «Value education» (Обучение ценностям).

В России предмет называется «Основы религиозных культур и светской этики», то есть в названии указывается, что предмет изучает в первую очередь религиозные культуры, а уже потом светскую этику. На деле ситуация в России в зависимости от региона отличается. Около половины родителей в России выбирают модуль «Основы светской этики», а в

[1] *Luce Pepin.* Teaching about Religions in European school systems. Policy issues and trends. 2009. P. 13.

[2] Diocese of Rochester [электронный ресурс] // URL: http://www.rochester.anglican.org/index.php?option=com_content&view=article&id=147&Itemid=167 (Дата последнего обращения 28.09.2014).

[3] *Козырев Ф.Н.* Религия в современном образовании: основные понятия и типологии // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том. 14. Выпуск. 1. С. 223.

[4] Там же. С. 224.

некоторых регионах их число доходит и до 70%.

В большинстве стран духовенство отстранено от преподавания данного предмета. Есть исключения, к которым относится Румыния. Здесь представители духовенства могут пройти специальную подготовку и получить сертификат на преподавание. Религиозные организации обеспечивают органы образования списком учителей, которые одобрены церквями. Учителя религии получают зарплату за счет государства, но если нет достаточного количества учащихся, то преподавателя обеспечивает приход[1].

В России духовенство отстранено от преподавания религии в школе. Взаимодействие с ним может происходить только в рамках специальных уроков, куда его можно пригласить или если учащиеся сами посещают воскресные школы.

Предмет может носить конфессиональный и неконфессиональный характер. Если предмет носит неконфессиональный характер, то он, как правило, является обязательным. Такая ситуация в Великобритании, Швеции, Финляндии, Дании. Конфессиональный, но факультативный характер предмет носит в Испании, Португалии, Польше, Италии, Словении. Есть страны**,** где предмет носит конфессиональный и обязательный характер с процедурой отказаться от изучения. К этим странам относится Германия, Австрия, Румыния, Болгария, Греция и Кипр[2].

Что касается Европы, то наблюдается определенная тенденция: в государствах, где католичество является самой распространенной религией, предмет носит конфессиональный, но необязательный характер. В странах с протестантским населением предмет носит нерелигиозный характер. Государства с преобладающим православным населением выбрали путь обязательного конфессионального образования.

Предмет «Основы религиозных культур и светской этики» является обязательным в Российской Федерации, но за этот предмет не ставят оценки в школе. В России у родителей есть возможность выбирать, по какому модулю будут учиться их дети. Будут ли это неконфессиональные модули: «Основы светской этики» или «Основы мировых религиозных культур» или конфессиональные модули, к которым относятся: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры» или «Основы буддийской культуры».

Есть страны, где учащимся также предоставляется возможность выбирать модули: Бельгия, где предмет является обязательным и ученики выбирает между неконфессиональным моральным воспитанием или религиозным образованием (католическим, исламским, иудейским, православным или протестантским) или Литва, где есть возможность выбора между конфессиональным модулем или этикой[3].

Выбор модулей для преподавания религии в странах с преобладанием

[1] Luce Pepin. Teaching about Religions in European school systems. Policy issues and trends. 2009. P. 78
[2] Ibid. P. 20–21.
[3] Ibid.

мусульманского населения тоже варьируется от страны к стране. В Египте христианские школьники получают свои знания о религии, от духовенства, но не обязаны изучать Ислам. Мусульманские школьники обязаны изучать христианство. Такое преподавание происходит через исламское представление о христианстве[1].

Что касается Туниса, то здесь вариаций в религиозном образовании несколько выше, чем в Египте. Воспитанию ценностей свободы, сотрудничества, толерантности в учебниках уделяется больше места. Когда в Тунисе была проведена реформа образования, то особое внимание было уделено проверке учебников, одним из аспектов которой было удаление всех нетолерантных по отношению к религиям и различным группам выражениям из текста. Любопытно, что именно на этих либеральных по своему содержанию учебниках было воспитано поколение, которое принимало активное участие в Арабской весне 2010 г. Тем не менее, на настоящий момент в стране, где 98% населения составляют мусульмане, единственная религия, которая преподается в школе – это Ислам, а история Христианства и Иудаизма рассказывается на аналоге российского обществознания[2].

В Турции система религиозного образования прошла длинный путь, начиная с 1920 г. Именно в этом году открылась Первая Ассамблея Турецкой Республики, на которой решался вопрос о национальном или религиозном характере школ. В результате Ассамблея остановились на первом варианте.

Были закрыты медресе, и им на смену пришли школы Имам-хатипов, в которых наряду с религиозными существовали светские предметы. В течении 1924 по 1930 гг. религия была полностью изъята из школьной общеобразовательной программы. Позже был наложен запрет на исследования, сочинения, публикации о религии. Было запрещено частное религиозное образование. Последующие 19 лет молодое поколение было воспитано без какого-либо знания религии, за исключением домашнего.

С 1946 г. урок о знаниях религии возвращается в связи с введением многопартийности, и Республиканская партия возвращает его, чтобы увеличить популярность в народе, который просил ввести предмет в школьную программу. В 1949 г. предмет который являлся факультативным по выбору был введен в 4-5 классах. Один урок в неделю. Для того, чтобы школьник его посещал родители должны были написать заявление в школьную администрацию. В 1950 г. предмет становится обязательным с правом отказаться от изучения. В 1956 г. урок был перенесен в 6-7 классы. В 1967 г. еще один урок был добавлен в 9-10 классы. В 1974 г. обязательный урок этики был внедрен с четвертого по десятый класс. В 1976 г. еще по одному часу было добавлено в восьмые и одиннадцатые классы. В 1982 г. предмет стал обязательным для всех без возможности отказаться от предмета. Он получил название «Религиозная культура и знание этики»[3].

Что касается классов, в каких преподается религия или этика в школах,

---

[1] Muhammad Faour. Religious education and pluralism in Egypt and Tunisia. The Carnegie papers. Washington DC. 2012. P. 4–5.

[2] Ibid. P. 8.

[3] Abdurrahman Hendek, 30 August 2013 Friday [электронный ресурс] // http://www.worldbulletin.net/haber/116510/religious-education-in-turkey (Дата последнего обращения 28.09.2014).

а также количества уроков в неделю, то здесь самое большое поле для различий. В Бельгии должно быть минимум три курса религии с 1 по 6 класс и минимум два курса с 7 по 9 класс. Количество уроков до 60 в год. В Болгарии урок преподается в 10-12 классах: 41 в 10 классе, 21 в 11 классе и 47 уроков в год в 12 классе. В Германии урок ведется с 1 по 10 класс по 56 уроков во все годы обучения, а в 3 и 4 классе по 85 уроков в год. В основном если предмет введен, то обучение происходит в течение всех лет в школе, а количество уроков может колебаться от 30 до 90 уроков в год[1]. Россия здесь стоит особняком. Преподавание ведется только в 4 классе по 1 уроку в неделю, достигая 35 уроков в год.

Учитывая зарубежный опыт можно сделать несколько предположений о развитии предмета в России. Со временем предмет будет введен и в других классах, потому что он получил положительные отзывы учителей и родителей. Духовенство по-прежнему не будет допущено к преподаванию предмета. Со временем расстояние между школой и духовенством будет только увеличиваться. Увеличение количества уроков будет определять необходимость введения в вузах дополнительной специальности.

© Надыршин Т.М., 2014 г.

[1] Recommended annual Taught Time in Full-time Compulsory Education in Europe 2012/2013. Eurydice – Facts and figures [электронный ресурс] // http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/facts_and_figures/taught_time_EN.pdf (Дата последнего обращения 28.09.2014).

УДК 903.08

Русланова Р.Р.

Пути и характер взаимодействия населения лесостепного Приуралья в эпоху раннего средневековья (по материалам бус Уфимско-Бельского междуречья)

Бусы из стекла, янтаря, камней-самоцветов и коралла – самая распространенная и массовая категория находок в средневековых некрополях лесостепного Приуралья.

На основе морфо-технологического изучения массива бус (36770 экз.) из 12 могильников региона III-VIII вв., нами была создана систематика украшений, выделены хронологические группы бытования, намечены вероятные центры производств и определены возможные пути поступления украшений в регион[1].

Используя сопровождающий инвентарь, были выделены группы бус короткого и широкого времени бытования. На основе морфо-технологического анализа было определено, что бусинные украшения из стекла, египетского фаянса, янтаря, камней-самоцветов, ископаемых раковин и коралла, выявленные в составе погребального инвентаря некрополей Приуралья, являются продукцией ремесленных центров и мест добычи Средиземноморья, Кавказа, Передней Азии, Индии. Привлекая аналогии с сопредельных и отдаленных регионов мы попытались наметить возможные пути поступления бусинных украшений в Южное Приуралье.

Состав «импортируемых» вещей – предметы торевтики, оружие, украшения и многочисленные бусы – демонстрируют вовлеченность населения Уфимско-Бельского междуречья в экономические, культурные, военные связи Евразии. Наряду с этими крупными векторами взаимодействия, существовали связи с ближайшими регионами – с территорией Поволжья, Прикамья и Сибири. Для каждого хронологического периода типичны свои направления внешнеэкономических связей.

Основными путями сообщения, по мнению исследователей, были Волжская водная магистраль и сухопутный степной маршрут.

Судя по составу бусинных украшений, для **III–IV вв.** характерно продолжение функционирования степного пути и обменных операций, установившихся в эпоху раннего железа. В этот период степной путь из Средней Азии становится преобладающим. К населению раннебахмутинской (мазунинской) культуры продолжают поступать изделия через номадов с минимальным числом посредников. В конце периода в регион проникают волны позднесарматского населения (так называемые старомуштинцы),

[1] *Тамимдарова Р.Р.* Морфология и технология бус Уфимско-Бельского междуречья // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 135; *Русланова (Тамимдарова) Р.Р.* Бусы-хрономаркеры могильников Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв. // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8/1 (109). С. 170–174; *Она же.* Классификация бус раннесредневековых могильников Южного Приуралья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань, 2014. С. 403–405.

которые не оказали значительного влияния на изменение состава ожерелий. О степном сухопутном пути говорят и находки крупных раковин Turbo marmoratusобнаруженные близ Орска.

Одним из интересных маркеров контактов могут выступать халцедоновые бусы. Они, как и халцедоновые диски (навершия мечей), характерны для второй половины II–IV в. По вопросу способов использования, исходных пунктов и характера поступления у исследователей нет единого мнения. Возможно, через сармат степи диски и бусы попадают на территорию Приуралья и Прикамья, где в ряде случаев меняют свое функциональное назначение – используются уже не в качестве наверший, а включаются в поясной набор.

По мнению пермских исследователей, в качестве личных вещей халцедоновые бусы и диски могли попасть с рубежа II-III вв. до середины IV в. единовременно с пришельцами из Северного Причерноморья. Тот же характер и время поступления определены И.Ю. Пастушенко и В. Бернц для раковины Turbo marmoratus[1]. Створки раковин, обитавших в тропических водах Тихого и Индийского океанов – у побережий восточной Индии и Австралии, поступали на территорию Приуралья: у поздних сармат они использовались в качестве наверший мечей, у населения раннебахмутинской культуры – нашивались на пояса. Подвески к ожерельям стали вытачиваться из раковин на позднем этапе раннебахмутинской (мазунинской) культуры. Находка подобной раковины из могильника Покровка близ Орска (II-IV вв. н.э.) позволяет сделать вывод о сухопутном среднеазиатском пути их поступления в Приуралье[2].

Приход немногочисленного населения, оставившего Старомуштинский могильник и оказавшего влияние на формирование отличительных этнографических особенностей в постпьяноборском социуме, не сильно повлиял на бусинные украшения – в погребениях состав бус повторяет набор, бытовавший ранее; в ожерелья, в редких случаях, включаются бусы-скарабеи из египетского фаянса. Пути поступления бус остаются прежними.

V – начало VI вв. характеризуются новыми типами бус, появившихся у населения Уфимско-Бельского междуречья. Наряду с металлическими бусами, изготовленными, по всей видимости, в местных мастерских, появляются украшения из янтаря – продукции «дальнего импорта». Изделия из янтаря – бусы и подвески – также знакомые населению с эпохи раннего металла, являются составной частью костюмного комплекса на всем протяжении раннего средневековья.

Появляясь в приуральских древностях V в., крупные янтарные бусы (**IV.1A1**) массово используются во второй половине VI–VII вв. Специфическое положение, которое занимает янтарь в торговле как единственный природный материал европейского происхождения, выражено в том, что все очаги

[1] *Пастушенко И.Ю., Бернц В.* Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. № 11. 2008. С. 12–23.

[2] *Голдина Р.Д., Красноперов А.А.* Ныргындинский I могильник II-III вв. на Средней Каме Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск, 2012. С. 84.

наибольшей концентрации находок из него – прикамский, средневолжский и донецко-донской - открыты (ориентированы) на запад, что говорит о волжских и днепровских путях поступления. Однако на территории Поволжья практически не найдены янтарные украшения раннего средневековья, что дает возможность говорить о степном пути поступления янтаря.

Янтарные бусы, бусы, изготовленные навивкой, золотостеклянные, находят аналогии в джетыасарских древностях Средней Азии. По всей видимости, в это время были нарушены торговые коммуникации, а эти украшения в Уфимско-Бельское междуречье могли быть привнесены населением, оставившим турбаслинские памятники (Уфимская находка, Турбаслинский, Дежневский могильники, поздние погребения Бирска). В этих же памятниках встречены бусы из средиземноморского коралла. Халцедоновые бусы могли идти из Индии или Ирана как через Приаралье, так и через кавказские перевалы.

На рубеже **VI–VII вв.** происходит усиление Волжского пути, по которому в Приуралье поступают поясные наборы. В VII в. в Приуралье, наряду с пряжками, имитирующими золотые пряжки с драгоценными камнями, поступают плетеные золотые цепи византийского производства. Сами украшения и детали от них (золотая коробочка со стеклянными вставками) зафиксированы в Уфимских погребениях. Аналогии им стали предметом всестороннего изучения Засецкой. По ее мнению, цепи и поясные наборы выступали символом высокого социального статуса владельца и могли входить в число императорских даров вождям племен, участвовавших в VI-начале VII вв. на стороне византийской армии в войне с Ираном.

На территорию Приуралья византийский импорт мог поступать различными путями: совместно с византийскими и сасанидскими монетами из Закавказья[1], через посредничество хазар, получивших много престижных ценностей в результате военного сотрудничества с Византией[2].

Ижевские археологи реконструируют путь их поступления – по р. Белой (Новиковское погребение, Уфимские находки, могильник Такталачук) и ее притоку р. Уфе вверх, в Прикамье. Путь по Белой и Уфе отмечен и находками кладов художественной утвари III-VII вв. (Стерлитамак, Красная поляна, Уфа, Алкино). Изделия, пройдя Приуральский отрезок пути, попадали на территорию неволинской культуры, а затем поступали ломоватовскому населению Верхнего Прикамья.

В пользу мнения о сухопутном пути поступлении изделий на территорию Прикамья по степному пути через Уфимско-Бельское междуречье, свидетельствует и факт «запаздывания» некоторых видов бус в средневековых памятниках верховьев Камы (желтый, зеленый, синий бисер,

---

[1] *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // Свод археологических источников. Вып. Е4-4. 1962. С. 10–11; *Морозов Ю.Б.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 148–164.

[2] *Пастушенко И.Ю.* Волго-Камский торговый путь в I тыс. н.э. // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы межд. науч.-практ. конф. Березники, 1997. С. 36–38.

типы **I.1A1a, I.1A8a, I.1A4a** и др.).

Наличие возможного пути поступления бус через юг Урала иллюстрируют находки коралловых бус, и раковин каури, в большом количестве найденные в приуральских могильниках, в коллекции неволинских бус представлены одним экземпляром (*Голдина тип XIVA6*[1]).

Параллельно сухопутному степным пути из Средней Азии, через плато Устюрт, казахстанские и оренбурсгские степи являлась Волжская торговая магистраль. Для конца V- конца VII вв. путь из иранских и кавказских мастерских, по мнению исследователей, шел по Волге, достигал Камы, и часть изделий могла идти на юг, в Приуралье. В пользу этого говорит и набор прикамских бус, не имеющих аналогии в приуральских древностях, либо встречающиеся в лесостепи в единичных экземплярах (сердоликовые с декором, хрустальные, золотостеклянные с бирюзовым внешним слоем).

Пришедшее в Приуралье население (кушнаренковские и караякуповские племена) сокращает использование стеклянных бус, получая небольшое количество полихромных стеклянных и орнаментированных сердоликовые бусы иранских мастерских. Достаточно ярким новшеством становятся стеклянные кольца, найденные в слоях городища Уфа-II и в п. 95 Бирского могильника. С **конца VII–VIII вв.** система торговых путей меняется, возрастает роль Волжского пути – в этот период немногочисленные экземпляры хрустальных халцедоновых и травленых сердоликовых бус идут по Волго-Камскому пути в Прикамье, спускаясь оттуда к населению Уфимско-Бельского междуречья. По всей видимости, этим путем приходит в Башкирское Приуралье и ряд стеклянных украшений.

Таким образом, материалы «дальнего импорта» проникали в Приуралье по давно функционировавшим путям широкого пояса Евразийской степи. Территория Уфимско-Бельского междуречья становится зоной, куда поступают изделия ближневосточных, индийских, иранских, кавказских мастерских. По нашему мнению, которое было высказано ранее и подтверждается последующими исследованиям, купцы раннего средневековья, следуя степными караванными дорогами, достигали южной границы лесной части Урала[2]. По всей видимости, торговцы останавливались на городище Уфа-II и в пунктах вблизи Бирского могильника – именно на этих памятниках фиксируется наибольшее разнообразие бус по материалу, форме и цвету. Расположение городища и некрополя на стыке степной и лесостепной зон, по всей видимости, определило их особенность, отраженное в многообразии предметов «дальнего импорта». Данное обстоятельство может говорить о том, что население, оставившее некрополь, получало предметы иноземных мастерских в первую очередь – изделия (бусы, торевтика), оставшиеся невостребованными, поступали к населению отдаленных северных районов Уфимско-Бельского междуречья.

© Русланова Р.Р., 2014 г.

[1] *Голдина Е.В.* Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Монография. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2010. С. 46.

[2] *Тамимдарова Р. Р.* Городище Уфа-II в системе торговых маршрутов средневековья // «Кадырбаевские чтения-2012». Материалы III Международной научной конференции. Актобе, 2012. С. 347–351.

УДК 93/94+908

Самситдинов И.З.

Топливно-энергетическая промышленность Башкирской АССР в годы довоенных пятилеток (1928–1940 гг.)

Одной из побудительных причин исследования стали изменения в современной социально-экономической ситуации, которая характеризуется тенденцией к монополизации основных топливодобывающих отраслей и разрушением структурной целостности топливно-энергетического комплекса. Государство должно усиливать свою роль в регулировании реального сектора экономики.

Как высокоразвитая отрасль тяжелой индустрии топливная промышленность[1] сформировалась в годы первых пятилеток, когда топливное хозяйство страны реконструировалось коренным образом, в теснейшей взаимосвязи с электрификацией народного хозяйства. Фактически заново создавалось его материально-техническая база, осуществлялось более равномерное размещение добычи топлива, широкое развитие получили местные топливные базы, проводилась минерализация топливного баланса страны[2].

Топливный голод в начале восстановительного периода, когда государство не в состоянии было ввести в строй все имеющиеся предприятия, вызвал некоторый приток частного капитала в топливодобывающую промышленность в концессионной и арендной форме. Однако частный капитал, ни внутренний, ни внешний, не сыграл заметной роли в развитии этой базовой отрасли народного хозяйства[3].

В середине 1920-х годов восстановление народного хозяйства СССР подходило к концу. В 1925 г. производство валовой продукции крупной промышленности составило три четверти, сельского хозяйства – 87% от уровня 1913 г. Упрочились позиции социализма в народном хозяйстве. На долю государственной и кооперативной промышленности приходился 81% выпускаемой продукции[4].

Назревшие задачи индустриализации требовали создания на Востоке страны новых центров промышленности, освоения богатейших рудных, угольных и других месторождений Сибири, Урала и Башкирии. Трудности политических и экономических условий, в которых проходила социалистическая индустриализация отсталых национальных окраин, какой была Башкирия, усугублялись слабой изученностью природных богатств, малочисленностью рабочего класса и технической интеллигенции[5]. Выполняя директиву XV съезда ВКП(б), XVI Всесоюзная партийная

[1] Топливная промышленность - одна из ведущих отраслей тяжелой индустрии, объединяет отрасли, занятые добычей и переработкой различных видов топлива. (См.: Экономическая энциклопедия. М., 1965. С. 407).

[2] История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 191.

[3] Там же. С. 191.

[4] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. Уфа, 1966. С. 244.

[5] *Садретдинов М.Г., Шуганов Ю.М.* Плюс электрификация. Уфа, 1984. С. 18.

конференция (23–29 апреля 1929 г.) приняла первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1928/29 – 1932/33 гг.[1] Он стал программой развернутого наступления социализма по всему фронту. За годы пятилетки советскому народу предстояло построить фундамент социалистической экономики. В соответствии с ленинской национальной политикой план предусматривал высокие темпы индустриализации экономически отсталых национальных республик.

Принятие первого пятилетнего плана означало, что руководство партии строительством социалистического общества поднялось на более высокую степень[2]. Ввиду слабости строительной базы, а также ограниченности денежных средств первое время после перехода к индустриализации основные ассигнования в промышленность использовались на расширение и обновление оборудования существующих предприятий. В Башкирии вследствие больших разрушений в период гражданской войны и некоторого отставания восстановительных работ проблема ремонта и реконструкции существовавших предприятий стояла особенно остро. Вплоть до 1928 г., по существу, все капиталовложения в промышленность шли на переоборудование, ремонт и лишь частичное расширение существовавших заводов и фабрик; новые предприятия не сооружались[3].

Составной частью общегосударственного плана явился первый пятилетний план Башкирской АССР. Партийная организация республики придавала большое значение его составлению. 12 апреля 1928 г. бюро обкома, заслушав сообщение о разработке пятилетнего плана Башкирской АССР, одобрило его наметки и поручило Госплану продолжить эту работу. 10 января 1929 г. областной комитет вновь рассмотрел вопрос о перспективах развития народного хозяйства и культуры республики и признал «правильным положенные в основу пятилетнего плана установки и направления в развитии основных хозяйственных отраслей». Намеченные планом темпы развития были признаны приемлемыми. Пятилетний план предусматривал высокие темпы хозяйственного и культурного развития республики. Общий объем капиталовложений в народное хозяйство намечался в 364,5 млн. рублей (против 55 млн. рублей за предыдущее трехлетие), в том числе в промышленность – 60,7 млн. рублей, или в 4 раза больше, чем за предыдущие три года[4].

В стотысячной Уфе лишь третья часть населения города пользовалась электроосвещением. Энерговооруженность предприятий была низкой. Первенцем индустриального строительства в Башкирской АССР явилась Уфимская ЦЭС, торжественная закладка которой состоялась 16 сентября 1928 г.[5] Ее сооружение положило начало созданию Уфимского промышленного комплекса в составе спичечной и бумажной фабрик,

[1] История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2-х томах. Т. 1: 1917–1945. Уфа, 2004. С. 232.
[2] Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1973. С. 345.
[3] ЦИА РБ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 257. Л. 12; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. Уфа, 1966. С. 247.
[4] Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1973. С. 346.
[5] Красная Башкирия. 23 сентября 1928.

фанерного комбината, лесопильного и дубильно-экстрактного заводов. В 1928 г. началось также строительство циано-илового завода на Тубинском золотом руднике[1].

Первая очередь паротурбинной электростанции была рассчитана на 4 тысячи киловатт. На ее сооружение предусматривалось 4,3 млн. руб. капиталовложений. Все оборудование станции изготавливалось почти полностью на отечественных заводах Москвы, Ленинграда, Харькова. Планировалось использовать для топлива угольную мелочь из Челябинска, опилки и отходы со строящихся фанерного комбината и лесозавода. Строительство ЦЭС велось по двум направлениям: постройка самой станции, рабочего поселка для строителей и обслуживающего персонала, а также подсобных к ней сооружений (подстанций, 24 трансформаторных будок, линий электропередач (ЛЭП)[2]. В 1932 г. была введена в эксплуатацию электростанция Белорецкого металлургического завода мощностью 8 тыс. киловатт. Электростанции были построены также при Баймакском заводе, заводах Уфимского промышленного узла, на Ишимбаевских нефтепромыслах и т.д. Во второй половине 1930-х годов началось строительство сельских электростанций[3].

В решении задач индустриализации и электрификации республики большую роль сыграло постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 28 октября 1930 г. «О развитии промышленности Башкирской АССР». В нем отмечалось, что в республике слишком слабо используются природные богатства края. В постановлении подчеркивалось, что «при разрешении вопросов строительства Урало-Кузнецкого комбината должны быть детально изучены природные ресурсы Башкирской АССР в целях максимального их использования». СНК СССР также указал на необходимость своевременного предоставления Башкирской республике материалов и средств для строящихся предприятий, для развития энергетики. В БАССР была командирована группа специалистов с большим практическим опытом[4]. Увеличились капиталовложения Советского государства в промышленное строительство в Башкирии, их объем почти ежегодно возрастал вдвое.

Разведочные работы на нефть Башкирии в небольшом объеме проводились в 1918–1921 годах. Однако, ввиду отсталости тогдашней техники и неправильной политики Главнефти, в которой тогда обосновались консервативно настроенные специалисты-геологи, эти работы не дали желаемых результатов и были прекращены. Планомерные поиски и разведки нефти между Волгой и Уралом начинаются лишь с 1928 г. Инициатором этих работ явился крупнейший советский ученый академик И.М. Губкин[5].

Открытию промышленной нефти в Башкирии предшествовало открытие ее в 1929 г. на Урале, в Верхнее-Чусовских городах. Здесь во время

[1] Очерки истории Башкирской АССР. Уфа, 1973. С. 338-339.
[2] Красная Башкирия. 23 сентября 1928.
[3] *Юлдашбаев Б.Х.* 400 лет вместе с русским народом. Уфа, 1957. С. 102.
[4] Красная Башкирия. 7 ноября 1930.
[5] *Кузбеков Т.Х.* Топливо – наше богатство. Уфа, 1973. С. 8.

поисков калийной соли разведчики неожиданно натолкнулись на нефть – из скважины глубиной 414 *м* забил нефтяной фонтан. Чусовская нефть заставила широко развернуть на Урале разведочные работы[1].

Во второй пятилетке началось активное освоение ишимбайской нефти, которая сыграла значительную роль в экономике Башкирии. Первоначально г. Ишимбай представлял собой небольшое село, расположенное в центре Башкирии. Возникновение на месте небольшого поселения рабочего поселка, затем - города и последующее экономическое развитие г. Ишимбая было связано с открытием нефтяных месторождений. В 1932 г. из скважины № 702 ударил нефтяной фонтан. В Башкирской АССР был образован первый республиканский нефтепромысел. Однако ее разработка началась лишь в 1934 г., связанной с постройкой 177 км. железной дороги Уфа – Ишимбаево[2]. Начиная с 1935 г. здесь развернулось масштабное строительство нефтепромысловых объектов.

Афзал Тагиров, председатель Президиума Башкирского Центрального Исполнительного Комитета, 29 марта 1934 г. подписал документ, давший толчок процессу образования поселка, а затем и города Ишимбай. Этот документ назывался «Об организации рабочего поселка ишимбаевских нефтепромыслов». В нем обосновывалась необходимость создания поселка для нефтяников. Сюда прибывали специалисты, которые расквартировывались в г. Стерлитамаке и в деревнях около промыслов. Частично для них строили небольшие дома, закупленные в окрестных селениях. Часть рабочих жила в ближайших деревнях, которые подчинялись разным сельсоветам и даже разным районам[3].

Возведение промышленных объектов, разведка, бурение, добыча велись планомерно и направлялись из Москвы[4]. На базе развития нефтепромысла открывались новые промышленные предприятия и учреждения: контора бурения, нефтеперегонный завод, ЦЭС мощностью 6000 кВт. час, в 1936 г. был построен нефтепровод Уфа - Ишимбаево. Также действовал лесокомбинат, механическая монтажная мастерская, промысловая механика, автотранспортная база, гужевая база и др. На основе роста промышленности значительно возросла численность кадров квалифицированных рабочих, прошедших курсы в имевшемся учебном комбинате[5]. Народный комиссариат нефтяной промышленности СССР в 1940 г. выделил 64,5 млн. руб. на жилищное и культурно-бытовое строительство Ишимбая[6].

После решения XVIII съезда партии о необходимости «взяться серьезно за организацию нефтяной базы в районе западных и южных склонов Уральского хребта», дальнейшее развитие нефтеперерабатывающей промышленности в Башкирии пошло быстрыми темпами. Помимо

---

[1] *Кузбеков Т.Х.* Указ. соч. С. 8.

[2] Хисматов М.Ф. Территориальная организация производственных сил Башкирии и пути ее совершенствования. Уфа, 1987. С. 66–67.

[3] Игнатьев В.Л. Ишимбай: век XX. Уфа, 2005. С. 12–13.

[4] Там же. С. 13.

[5] ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 750. Л. 17.

[6] Красная Башкирия. 27 января 1940.

разбуривания в Ишимбаеве, началась усиленная разведка и в других районах республики. В 1937 г. работа изыскателей увенчалась новым успехом. На Туймазинской нефтеразведке 10 мая из скважины № 1 с глубины 1150 м забил фонтан нефти из угленосной свиты нижнего карбона[1].

В начале апреля 1938 г. нарком тяжелой промышленности СССР Л.М. Каганович телеграфировал тресту «Башнефть»: «Важнейшая задача Башкирии – немедленно мобилизовать рабочих и трудящихся для резкого улучшения режима эксплуатации каждой скважины, сокращения цикла бурения и организации образцового промысла в Туймазах»[2].

Серьезное значение правительством Союза ССР придавалось строительству Уфимского крекингзавода. В мае 1938 г. эта стройка была взята наркомом тяжелой промышленности СССР под его личное наблюдение и контроль. Это позволило наилучшим образом организовать снабжение стройки всем необходимым[3]. 20 июня 1938 г. были получены первые тонны уфимского бензина. Крекингстрой становился заводом. В начале 1939 г. закончилось строительство его первой очереди и тотчас же были начаты работы по сооружению второй очереди. На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. Уфимский нефтеперерабатывающий завод (УНПЗ) был назван важнейшей стройкой страны[4].

Максимальная добыча нефти в Башкирии в довоенные годы произошла в 1939 г. – 1670 тыс. тонн[5] и по данному показателю ей принадлежало уже третье место в стране после Азербайджана и Северного Кавказа. Башнефтекомбинат, объединяющий тресты «Башнефть» и «Туймазанефть», строительные организации «Башнефтестрой» и «Уфимнефтезаводстрой», Уфимский и Ишимбайский нефтезаводы и другие (всего 17) предприятия, представлял уже мощную хозяйственную единицу, определяющую всесоюзный профиль Башкирской АССР и дающую пятую часть продукции всей промышленности республики[6].

Значительная роль в топливно-энергетических ресурсах республики принадлежит углю. Добыча угля в Башкирии начата незадолго до Великой Отечественной войны. На Куюргазинском и Талалаевском месторождениях еще до начала разведывательных работ Южноуральского буроугольного бассейна были заложены шахты. Шахтная эксплуатация угля была начата и на Альшеевском месторождении. Добычей угля занималась местная промышленность. В 1940 году было добыто 49 тысяч тонн угольного топлива[7].

К началу второй пятилетки в Белорецком районе была создана солидная топливная база, которая удовлетворяла потребности

---

[1] *Кузбеков Т.Х.* Указ. соч. С. 9.

[2] Советская Башкирия. Уфа, 1966. С. 154-155.

[3] Там же.

[4] *Садретдинов М.Г., Шуганов Ю.М.* Указ. Соч. С. 33.

[5] *Зиязетдинов Р.М.* Создание и развитие нефтедобывающей промышленности Башкирской АССР (1930–1991 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Уфа, 2011. С. 23.

[6] *Барлыбаев Х.А.* Экономика Башкортостана. Уфа, 1998. С. 35.

[7] *Хисматов М.Ф.* Башкирия. Экономико-географическая характеристика. Уфа, 1968. С. 109–113.

металлургических агрегатов в дровах и угле[1]. По ходатайству Башкирского обкома ВКП(б), 16 марта 1940 г. приказом Народного комиссариата черной металлургии был образован Белорецкий металлургический комбинат. В него вошли: Белорецкий металлургический завод, Тирлянский листопрокатный завод, Горнорудное управление, Белорецкая лесная контора «Главдрева», Белорецкая узкоколейная железная дорога[2]. Комбинат был создан с целью улучшения работы металлургических предприятий и более успешного выполнения планов по выпуску чугуна, стали, проката, добычи руд, заготовке леса и выжиганию угля. Заготовкой лесоматериалов и обжигом угля для Белорецких заводов занималась лесная контора в составе пяти леспромхозов: Белорецкого, Тирлянского, Инзерского, Зигазинского и Красно-Зилимского[3]. Достаточно сказать, что только Инзерский леспромхоз выжигал до одного миллиона кубометров ежегодно[4]. Узкоколейная железная дорога протяженностью 227 км., открывшая туканскую руду и инзерский лес для топливных нужд предприятий Белорецка, связала производственные звенья черной металлургии в одно целое[5].

Накануне войны качественно новым явлением в хозяйственной жизни республики стали взаимообусловленность, и взаимоувязка вступавших в строй предприятий. Это особенно было характерно для подразделений Башпромкомбината и предприятий, группирующихся вокруг Белорецкого металлургического завода. Появились признаки образования межотраслевых сочетаний (нефтеэнергетическое). Во всем этом все более зримо вырисовывались контуры зарождающегося топливно-промышленного комплекса. Тем более что возникновение его шло в рамках формирующихся межрегиональных территориально-производственных комплексов. Обозначились территориальные сочетания производства - промышленные узлы, зоны отраслевой специализации (районы добычи руд цветных металлов, нефти и т.д.). Благодаря новому транспортному строительству и созданию линий электропередач складывались все более благоприятные условия для укрепления хозяйственного единства территории, развития внутриреспубликанских связей[6].

Ценный опыт по организации и управлению топливно-энергетической отраслью промышленности накоплен советской экономикой. Для советской экономики были характерны максимальная мобилизация внутренних резервов, повышение самостоятельности и ответственности регионов и предприятий, усиление межведомственных связей и ослабление экономической зависимости от центра. Этот опыт может быть востребован на государственном уровне, поскольку развитие топливной промышленности является фундаментом стратегического управления экономикой на основе рационального использования ресурсов страны.

© Самситдинов И.З., 2014 г.

---

[1] Белорецкий рабочий. 17 июля 2013.
[2] ЦАОО РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 440. Л. 166.
[3] Там же. Д. 455. Л. 103.
[4] Белорецкий рабочий. 17 июля 2013.
[5] *Хисматов М.Ф.* Территориальная организация производственных сил Башкирии и пути ее совершенствования. Уфа, 1987. С. 68.
[6] *Барлыбаев Х.А.* Экономика Башкортостана. Уфа, 2007. С. 28.

УДК 902.26+299.4

Тузбеков А.И.

К структуре верований башкир связанных с камнями

Расположение территории Южного Урала на стыке различных природных зон определило локализацию археологических культур с широкими ареалами распространения и различными хозяйственными укладами, что в свою очередь требовало выработки универсальных форм сосуществования, в том числе и в духовной сфере. Заселение Южного Урала новыми этносами и распространение монотеистических религий вносило изменения в духовные представления местного населения. Последующее освоение территории пришлым населением обусловило активную интеграцию новых религиозных взглядов в сложившуюся систему верований и религиозные практики. На протяжении тысячелетий происходил определенный осознанный или неосознанный отбор культурных заимствований, продиктованный потребностями внутреннего развития общества. В результате перенимались те идеи и достижения, которые были необходимы, важны и гармонировали с образом жизни, социально-экономическим укладом, политическими и мировоззренческими установками этноса.[1]

Примером могут служить верования, связанные с камнями и каменными сооружениями, распространенные среди тюркских народов Южного Урала, интегрировавшие в себя как элементы архаики, так и элементы монотеистических религий, существующие на протяжении продолжительного периода времени, сужаясь и возрождаясь вновь, включая в систему религиозных представлений, как сам объект, так и окружающую территорию. Поклонение первобытного человека во всех случаях устремлялось на нечто за пределами себя самого, что содержал и выражал камень. Утес или булыжник возбуждал благоговейное поклонение, потому что представлял что-то или был подобен чему-то, потому что он явился откуда-то. Его священная ценность всегда зависит от этого «что-то» или от этого «где-то» и никогда – от его действительного существования. Люди всегда поклонялись камням, просто поскольку те представляли нечто другое, чем они сами. Они поклонялись камням как орудиям духовного действия, как средоточию энергии, предназначенной защищать их или их мертвецов, и употребляли их в этих качествах[2].

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к теме верований, связанной с камнями и каменными сооружениями, в том числе практикуемых тюрками Южного Урала. Большинство работ связаны с определенными видами камней и сооружениями из камня или же с их мифологической составляющей. Так, в работах археологов Потемкиной Т.М.[3], Котова В.Г.[1], Григорьева Н.Н. Минеевой И.М.[2] проанализированы

[1] *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. С. 8.
[2] *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения М., 1999. С. 209
[3] *Потемкина Т.М.* Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 11–35.

отдельные виды сооружений из камня, входящие в систему верований тюркского населения Южного Урала. Значительный интерес представляют работы Аминева З.Г., Овсянникова В.В., Савельева Н.С.[3] содержащие не только описание малых культовых объектов, но и их типологию. Наряду с археологами фиксацией и описанием верований связанных с камнями занимались, этнологи, религиоведы и фольклористы. Так в работе башкирских ученых Абдулкадир Инана[4] и Заки Валиди[5] рассмотрены обряды тюрков связанные с вызовом дождя посредством камня. Обряды почитания гор тюрками Южного Урала, рассматриваются в работах Нагаевой Л.И.[6] диссертациях Сулеймановой М.Н.[7] и Алтынбаева Р.Р.[8]. Неоднократно к культу святых у тюркских народов и связанных с ним сооружений из камня обращались этнологи Сызранов А.В.[9], Абсалямова Ю.А.[10] и др. Среди работ зарубежных исследователей, наибольшего внимания заслуживают работы казахских и турецких ученых, в которых основное внимание уделяется проблемам сосуществования ислама и архаичных религиозных воззрений, связанных с камнями и сооружениями из камня. В этом ряду своей основательностью выделяются работы Ажигали С.Е.[11], в них автор подробно описывает и классифицирует сооружения из камня и их использование в культовой практике тюрков Казахстана. В работах турецкого религиоведа Хикмета Танью[12] описаны и систематизированы наиболее широко используемые культовые объекты из камня, на территории Турции. Исследованиям камней используемых тюрками для вызова дождя, в том числе и в ходе русско-турецких войн посвящены работы Ахмеда Огретен[13].

В ходе исследований духовной жизни и религиозных представлений

---

[1] *Котов В.Г.* Элементы почитания гор на Южном Урале // Вестник ВЭГУ. № 6 (62). 2012. С. 95–100.

[2] *Минеева И.М., Григорьев Н.Н.* Древние каменные сооружения Южного Урала как объекты историко-культурного наследия народов России: к проблеме изучения и сохранения // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 192–195.

[3] *Аминев З.Г, Котов В.Г, Овсянников В.В., Савельев Н.С.* Малые культовые объекты в Башкирском Зауралье: к постановке проблемы // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Учреждения Российской Академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. Кн. 2. С. 6–20; *Савельев Н.С.* Малые культовые объекты Южного Урала от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в. Уфа, 2012. С. 128–166.

[4] *Abdülkadir İnan*, Makaleler ve İncelemeler, I.cilt, 3.baskı, Ankara, 1998, 158.

[5] *Zeki Velidi Togan*, Umumî Türk Tarihine Giriş, 2.baskı, İstanbul, 1981, 108.

[6] *Нагаева Л.И.* Весенне-летние празднества и обряды башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 47–65.

[7] *Сулейманова М.Н.* Доисламские верования и обряды башкир: дис. …канд. ист. наук. Уфа, 1994.

[8] *Алтынбаев Р.Р.* Фольклор башкир-катайцев (эпическое, лирическое и обрядовое творчество): дис. …канд. филол.. наук. Казань 2013 г.

[9] *Сызранов А.В.* Культ мусульманских святых в Астраханском крае // Этнографическое обозрение № 2, 2006. С. 127–143.

[10] *Абсалямова Ю.А.* «Аулия зыяраты»: к вопросу о культе святых у башкир (на материалах Восточного Оренбуржья) // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. Материалы III международного симпозиума. Уфа, 2008. С. 207–210.

[11] *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии: памятники Арало-Каспийского региона. Алматы, 2002 г.

[12] Hikmet Tanyu Türklerde Taşlarla İlgili İnançlar Ankara Üniversitesi Basımevi, 1968. 286 s.

[13] *Ahmet Öğreten,* «Türk Kültüründe Yada Taşı ve XVIII. Yüzyıl Sonu Osmanlı-Rus Savaşında Kullanılması» Belleten, LXIV/ 241, 2000, 863.

населения Южного Урала археологами и этнографами на территории Башкортостана, Курганской Оренбургской и Челябинской областей было выявлено большое количество каменных объектов и комплексов (святые камни, скалы, горы, менгиры, одиночные курганы, каменные выкладки и.т.д.), используемых в ритуальной практике тюркского населения. Сопоставление сакральных представлений современных тюркских народов Южного Урала с различными типами иеротопий, центрами которых являются камни или каменные сооружения, позволило разделить верования связанные с камнями и каменными сооружениями на две группы:

1) верования, связанные с камнями природного (божественного) происхождения

2) верования, связанные с камнями рукотворного происхождения.

К первой группе относятся:

1. Верования, связанные с одиночными камнями. В большинстве случаев это камни известняки с антропоморфным обликом или камни следовики, ассоциируемые с легендарными личностями, святыми, пророками. В современной ритуальной практике тюркского населения используются для вызова дождя, оздоровления, желания благополучной поездки. Примером могут служить: «Пейгамбер Таш» (с башк. След пророка Мухаммеда) у д. Кадырша Зилаирского района Республики Башкортостан, «Махади-Таш» (с башк. след святого Махди) у с.Усть-Багаряк Кунашакского района Челябинской области.

2. Верования, связанные со скоплением камней. Камни, расположенные на расстоянии не более 10 м. друг от друга, не имеющие аналогов в морфологии окружающего ландшафта, отличающиеся размерами, вследствие чего, почитающие выстраивают их в иерархию, называя наиболее большой «Братом», «Дедушкой» или каким либо мужским именем. Скопления камней часто ассоциируются с легендарными предками. В религиозной практике тюркского населения Южного Урала используются для проведения обряда вызова дождя: «Камни Лета» у д. Зириково Гафурийского района Республики Башкортостан, «Грозовые камни» у д. Ассы Белорецкого района Республики Башкортостан и.т.д.

3. Верования, связанные со скалой(ами), которые в свою очередь делятся на верования, связанные:

1. со скалами, в очертании которых, читаются антропоморфные фигуры. К данной подгруппе можно отнести религиозные воззрения, связанные с вариациями скал, называемых «Чертов палец» на хребте Яманкая, скалы «Чертов палец» и «Эбей таш» Абзелиловский район Республика Башкортостан, «Чертов палец» на р.Белой Бурзянский район Республика Башкортостан.

2. со скалами с пещерой: скала «Уклыкая» (с башк. Скала со стрелами) д.Ташасты Гафурийский район Республика Башкортостан. Особенность выделения данной подгруппы связанна с существованием

культа стрельбы по скалам стрелами с боевым наконечником[1], датируемых рубежом I-II тысячелетий[2], олицетворяющих процесс оплодотворения[3] и связанный с культом богини Хумай. Аналогии фиксируется на Камне Дыроватом на р Чусовой[4] и святилище Три Сестры в Среднем Зауралье. В современной религиозной культовой практике населения Южного Урала данный культ не сохранился.

4. Верования, связанные с горой. В большинстве своем это верования, связанные с почитанием духа-хозяина одинокой горы[5] (Тура-Тау Ишибайский район Республика Башкортостан), горы, являющейся вершиной горных массивов (гора Иремель, гора Ямантау Белорецкий район Республика Башкортостан, Масим-тау Бурзянский район Республика Башкортостан) или горой, имеющей неординарные явления (гора Янган-Тау Салаватский район Республика Башкортостан).

В сакральных представлениях современного тюркского населения Южного Урала, культы, связанные с природными (божественными) камнями, теряют былое значение. На выше перечисленных объектах идут активные процессы десакрализации, обусловленные их хозяйственным освоением, посредством включения в туристические маршруты и превращением в места отдыха и развлечений. Несмотря на это, часть объектов первой подгруппы, продолжает занимать существенное место в верованиях современного населения, что приводит к мысли о том, что объект сакрализации, имеющий конкретный центр и занимающий не большое пространство более устойчив к процессам десакрализации. В этом плане несомненный интерес представляет рассмотрение второй группы верований, связанных с камнями и сооружениями из камня рукотворного происхождения, имеющей конкретные центры и четкие границы. Исходя из существующей типологии[6], данные верования можно разделить на:

1. Верования, связанные с менгирами у тюркских народов Южного Урала восходят к культам населения бронзового века и напрямую зависят от их типов (одиночные, аллейные) и мест расположения. Одиночные менгиры располагаются, как правило, у тылового шва надпойменных террас либо вблизи террасы на небольшой возвышенности коренного берега. Большинство аллей менгиров находятся топографически значительно выше,

---

[1] *Котов В.Г., Овсянников В.В.* Археологические, этнографические свидетельства о почитании гор у башкир // Интеграция археологических и этнографических исследований: мат-лы VI межд. науч. семинара. Ч. 1. Омск; СПб., 1998.

[2] *Сметанин А.В.* Культ гор на Южном Урале // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции Барнаул 25-30 марта 2001. С 395

[3] *Ожередов Ю.И.* Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 108.

[4] *Сериков Ю.Б., Скочина С.Н.* Некоторые аспекты вторичного использования наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15) С. 4-10

[5] *Котов В.Г.* Указ. соч. С 95

[6] *Савельев Н.С.* Указ. соч. С. 128–166.

на склонах холмов.[1]. Археологические исследования выявили отсутствие рядом с большинством из них погребальных сооружений, а также следов поминальных действий свидетельствующих о том, что эти памятники, как правило, не имели отношения к погребальным обрядам. Можно предположить их связь с широко распространенным в кочевых культурах культом поклонения степным духам, так же существовавшим и среди башкир[2]. Предположительно одиночные менгиры являлись границей освоенного и неосвоенного пространства, своего рода стража, охраняющего жилища. Существующая традиция переноса или установки нового менгира как хранителя - «кута» жилища и ориентира для строительства выселка или новой улицы фиксируемая у башкир может являться доказательством существования данной разновидности культа. Расположение аллей менгиров в зоне прямой видимости, как правило – к югу от наиболее заметной вершины округи, в свою очередь может быть связана с почитанием горных духов, широко распространенной и среди тюркского населения Южного Урала. Кроме вышеупомянутых на территории Башкирского Зауралья (Баймакский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан) выявлен иной тип расположения менгиров, не привязанных к поселениям и могильникам эпохи бронзы. Менгиры, были установлены на вершинах и склонах гор над долинами и ручьями, а так же на террасах рек. Косвенные и прямые данные, о этих объектах свидетельствуют об их датировке этнографическим временем[3]. Исследователи делят данную выборку менгиров на три группы: ритуальные комплексы-мемориалы (Кынгыртау-18, Улькан-Сеялык, Абзаково), пространственные маркеры Кынырташ -7, Кук-теке-1) и единичные культовые объекты (Сыгылтау-5, Янзигитово-2, Талкас-8), которые могут быть как поминальные, так и возможно погребальные[4].

2. Верования, связанные с каменными пирамидами (караскы, обо), объектами, сооружаемыми в основном населением южной части Башкирского Зауралья на вершинах гор, на перевалах вблизи постоянных поселений и границах освоения пространства. Предположительно они воздвигались в честь духов гор и территорий, причем постоянно достраивались. При подъеме на вершину горы для совершения обряда, посвященного духам родовой местности, надо было прихватить камень, поднявшись, положить в караскы (с. башк. стража) и провести обряд жертвоприношения, надеясь получить надежную охрану своей родовой территории[5]. Некоторые караскы имели форму больших колонн или пирамид. Иногда в качестве основы служили каменные курганы раннего железного века, которые потом достраивались новыми выкладками и

[1] *Петров Ф.Н.* Древние культовые памятники почитания стихийных духов на территории степного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 23 (101). С. 74.

[2] Там же. С. 75.

[3] *Савельев Н.С.* Указ. соч. С. 144.

[4] Там же. С.145.

[5] *Аминев З.Г.* Отголоски культа гор у башкир // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования Республики Хакасия (23–24 июня 2011 г.). Абакан, 2011.

пирамидками. Нередко возле караскы встречались кучи хвороста или березовые ветки. В некоторые кучи камней были воткнуты шесты, на которых были насажены черепа баранов[1]. Современное тюркское население Южного Зауралья продолжает традицию строительства караскы, но в большинстве случаев не придает духовной составляющей данному процессу, сооружая их для отпугивания волков или препровождения времени во время пастьбы скота.

3. Верования, связанные с надгробными камнями. Наиболее распространенным надгробным сооружением среди тюркского населения Южного Урала является камень, эволюционировавший от камня в изголовье «баш таш» (головной камень) до стелы - самой распространенной формы мусульманского надгробия «сын таш» (намогильный камень). В зависимости от значимости погребения варьируется размер и материал надгробий. Особая сверхъестественная сила придается надгробным камням на могилах святых, мусульманского духовенства или дервишей. Например, среди жителей д. Абдрашитово, Дуванского района Республики Башкортостан фиксируются культы вызова дождя мытьем надгробного камня на могиле святого во время засухи или распространенных верований связанных с растущими надгробными камнями в д. Абултаево Сафакулевского района Курганской области.

4. Верования, связанные с каменными курганами, оградками и выкладками широко распространены среди тюркских народов Южного Урала. Данные верования в большей степени связаны с обрядом почитания могил предков, сохранившимся на Южном Урале благодаря суннизму ханафитского мазхаба, достаточно «либеральному» для инкорпорирования доисламских верований и обрядов кочевников[2]. На сегодняшний день археологами и этнографами выявлено более 100 подобных объектов. Наибольшее количество из них расположено на территории восточной части хребта Уралтау. Распространенными случаями включения каменных курганов, оградок и выкладок в ритуальную сферу местного населения является[3]: 1) установка караскы на вершинах курганов или рядом с ними (Оло-тау -2 Баймакский район, Республика Башкортостан); 2) расположение на курганах каменных оградок (Баишево – 12 Баймакский район, Республика Башкортостан); 3) хаотичные каменные наброски и выкладки на вершинах курганов; 4) расположение на курганах менгиров, выкладок и колец; использование в качестве аулия древних курганов; 5) возведение вокруг курганов каменных стенок-оград. Современное тюркское население Южного Урала отмечает важную роль сакрального могильника в увековечивании памяти предков. Посещение возвышенности, на которой находятся курганы, стало неотъемлемой частью большинства мусульманских праздников. Особый интерес исследователей взывают факты трансформации

[1] *Котов В.Г.* Указ. соч. С. 98.
[2] Сызранов А.В. Указ. соч. С. 128–143.
[3] *Аминев З.Г, Котов В.Г, Овсянников В.В., Савельев Н.С.* Указ. соч. С. 6–20.

представлений об подобных объектах. Так, если среди старшего поколения достаточно четко фиксируется представление о сакральности только курганов, то представители среднего поколения сакрализуют уже прилагающее к курганам пространство или весь топос. Примером может послужить каменный курган близ д. Сураманово Учалинского района Республики Башкортостан, предположительно относящийся к эпохе раннего железного века/средневековья. В XIX–XX вв. курган использовался местными жителями как место исцеления заболеваний мочеполовой системы домашних животных. С недавних пор население начало называть курган «аулия кабере» ассоциируя со святым человеком, якобы захороненным в древности на этом месте.

Последние годы, все большее количество исследователей, обращает внимание на малые культовые объекты, используемые в ритуальной практике населения Южного Урала. Археологи и этнографы в своих исследовательских работах неоднократно отмечали значительную информативность малых культовых объектов как источника. Объекты культа выступали неразрывной частью экосистемы региона и регулировали механизмы традиционной жизнедеятельности. Рост религиозного сознания населения Южного Урала и возросший интерес к архаичным верованиям на рубеже XX-XXI вв, обусловил развитие процесса сакрализации в большинстве случаев наблюдающегося на объектах археологического наследия и культовых объектах, имеющих четкий центр и границы. Активное распространение вышеупомянутых верований связывается с развитием процессов этнической самоидентификации населения Южного Урала, при которых объект сакрализации выступает одним из способов сохранения народных традиций и формой приобщения к духовной культуре и мировоззрению предков обусловленных потребностями внутреннего развития общества[1].

© Тузбеков А.И., 2014 г.

[1] *Бахшиев И.И., Тузбеков А.И* Объекты археологического наследия Башкирского Зауралья в современной ритуальной практике юго-восточных башкир // ИСЛАМ И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ. Сборник иатериалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман. Уфа, 2013. С. 102.

УДК 291.35

Хабибуллина З.Р.

Памятные места мусульман на юге Башкортостана (по материалам этнографической экспедиции в Зианчуринский р-н, 2013 г.)

Доклад посвящен памятным местам мусульман южных районов Башкортостана, которые будут рассмотрены на основе этнографического материала Зианчуринского района республики, собранного в рамках комплексной научной экспедиции Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра Российской академии наук (ИЭИ УНЦ РАН) 2013 г.

Проблема сакральных мест мусульман Башкортостана является весьма актуальной, и ввиду недостаточности научных знаний, и ввиду значительного количества исследователей в регионе, посвящающих большую часть времени ее изучению. Например, отдел религиоведения ИЭИ УНЦ РАН изучает ее в составе паломнической традиции мусульманских народов Южного Урала[1]; сотрудники отдела археологии Института пытаются рассмотреть ее с помощью археологических подходов[2]; отдел этнографии Института истории языка и литературы УНЦ РАН – с точки зрения бытования народного ислама и культа предков у башкир[3]; на историческом факультете Башкирского государственного университета освещают ее с позиций сохранившихся домусульманских верований у башкир[4]. Серию книг на башкирском и русском языках, посвященную мусульманским святым Башкортостана издала писательница Л. Якшибаева, которой удалось собрать уникальную информацию обо всех известных аулия (святых) в Башкортостане[5], у местных краеведов имеется еще ряд трудов о легендарных мусульманах, наделенных благодатью Аллаха, изданных на родных языках и

[1] *Хабибуллина З.Р.* Объекты поклонения мусульман в Башкортостане // Материалы IV Международного симпозиума «Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе», 21-22 октября 2010 г., г. Уфа. Уфа, 2010. С. 266-269. *Ее же.* Традиция посещения святых мест (зийара) в культуре мусульман Башкортостана // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: Сборник материалов международной научно-практической конференции (16-19 июля 2014 г.). Казань, 2014. С. 398–403.

[2] *Тузбеков А.И., Бахшиев И.И.* Объекты археологического наследия Башкирского Зауралья в современной ритуальной практике юго-восточных башкир // Ислам и государство в России: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления России – Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 2013. С. 99–102.

[3] *Аминев З.Г.* О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (әүлиә) // Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель – философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира: Материалы международной научно-практической конференции (5-7 июня 2008 г., г.Уфа). Уфа, 2008. С.10–15. *Аминев З.Г., Ямаева Л.А.* Региональные особенности ислама у башкир. Уфа, 2009; *Абсалямова Ю.А.* «Аулия зыяраты»: к вопросу о культе святых у башкир (на материалах Восточного Оренбужья) // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Материалы III Международного симпозиума. Уфа, 2008. С. 205–207.

[4] *Сулейманова М.Н.* Доисламские верования и обряды башкир: монография. Уфа, 2005.

[5] *Якшибаева Л.* Святые нашего народа (на башк. языке). Уфа, 2014. *Ее же.* Мужавирхазрат (на башк. яз.) Книги 2, 3. Уфа, 2013.*Ее же.* Сказание о целителе Мужавире. Уфа, 2011. *Ее же.* Святой из рода Табын (на башк. языке). Уфа, 2012. *Ее же.* Мужавирхазрат (на башк. языке). Уфа, 2008.

небольшими тиражами[1]. Научная и краеведческая работа в данном направлении ведется активно, в настоящее время в расположении исследователя имеются подробные описания всех известных святых, мест их захоронений, топографические данные объектов поклонения, ряда легенд, связанных с их жизнью и деятельностью. На наш взгляд, актуальность данной научной проблемы обусловлена прежде всего тем, что данные культовые объекты в большинстве своем несут уникальную информацию об истории, культуре, традициях, религиозных верованиях мусульманских народов и поэтому требуют всестороннего изучения. Малоизученной на сегодняшний день является проблема мусульманских святых, причины их святости, развитие культа предков среди современных мусульман республики, соотношение его с официальным исламом.

На территории Республики Башкортостан находится большое количество захоронений мусульманских подвижников, которых местные мусульмане называют аулия (от арабского «святой»), а их могилы – «аулия кебере». Есть могилы реальных и мнимых святых, их принято посещать в обычные дни и в дни мусульманских праздников (Ураза-байрам, Курбан-байрам, Маулид-байрам и др.). Посещение могилы святого включает в себя чтение сур Корана и молитв, украшение могилы, обход вокруг нее, жертвоприношение, раздачу милостыни с целью получения благодати. На сегодняшний день известно более 100 мусульманских захоронений.

«Святыми» для мусульман Башкирии стали: исламские миссионеры, авторитетные религиозные деятели, подвижники ислама, суфии, наделенные за праведную жизнь покровительством Аллаха, обладавшие чудотворной силой, предсказывавшие будущее, способные читать мысли, исцелять от болезней, вызывать и предотвращать стихийные бедствия. Народная молва сохранила множество рассказов о творимых ими всевозможных чудесах.

В июне 2013 г. нам удалось поработать в Зианчуринском районе с целью выявления и изучения культовых объектов (захоронений святых, мечетей, мест паломничеств, зиаратов); сбора сведений о местах поклонения мусульман.

Зианчуринский район находится на юге республики, граничит с Оренбургской областью. По переписи 2010 г. национальный состав населения района следующий: башкиры – 70,6%; русские – 15,1%; татары – 11,8%; чуваши – 1%; другие национальности – 1,5%[2].

Согласно поставленным задачам экспедиции, важным пунктом посещения была д. Башкирская Ургинка (баш. Башҡорт Үргене), богатая героями, память о которых сохранилась по сей день среди башкир, других народов республики и прилегающих областей. Населенный пункт основан башкирами Усерганской волости Ногайской дороги, с 1761 г. известна как

[1] Башкортостан – страна святых (на башк. языке). Уфа, 2012; *Бикташева А.* Благославение Ахметбаки хазрата (на башк. языке). Исянгулово, 2011; *Гарифулла-хажи Габдрахманов*. Религиозные деятели земли баймакской (на башк. языке). Уфа, 2014. и др.

[2] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Офиц. сайт]. URL: http://bashstat.gks.ru (дата последнего обращения: 25.10.2014).

Итбауково. По официальной версии названа по имени старосты Этбаука Чакырова. С 1922 г. деревня получила современное название Башкирская Ургинка. Среди уроженцев деревни наиболее известны А.Х. Абдуллин, Р.А. Абдуллин, М.Х. Ахтямов, И.А. Султанбаев, И.Г. Акманов, М.С. Кульшарипов и др.

Динамика численности населения села характеризовалась ростом населения до 2002 г., затем наблюдается убыль населения и по данным переписи 2010 г. составляет 866 человек. Преобладающая национальность – башкиры (99%)[1].

Из памятных мест района следует выделить захоронения Еренсе-сэсэна, башкирского сэсэна, известного персонажа и казахского, каракалпакского, киргизского, татарского, алтайского фольклора, жившего приблизительно в 13–14 вв. Имя Еренсе-сэсэна как поэта-импровизатора и острослова стало нарицательным. Он обладал даром ясновидения. У башкир сохранился кубаир «Ерэнсэ-сэсэн». В окрестностях д. Максютово Кугарчинского района находится мавзолей (кэшэнэ) его жены Бэндэбике[2]. Будучи поэтами-импровизаторами, сэсэны выполняли важную социальную функцию, описывая и давая оценку событиям современности, прославляя справедливость.В настоящее время Еренсе-сэсэн почитается мусульманами, на его могилу в течение года организуются многочисленные экскурсии, место его захоронения, по словам местных жителей, почитается как святое. В дни мусульманских праздников на его могиле читают молитвы.

В более позднее время в Башкирской Ургинке родился и прожил свою жизнь известный религиозный деятель, Ахметбакый-хаджи-хазрат Акъюлов, оставшийся в памяти местных мусульман как аулия. Фактически он является единственным наиболее известным почитаемым религиозным деятелем Зианчуринского района, совершавшим чудесные исцеления. Историю Ахметбакый-хазрата мы записали у местных жителей: его потомка имам-хатыба села Азата Акъюлова (1946 г.р.), директора школы Юлая Султанбаева (1948 г.р.), старожила Зайтуны Абдуллиной (1921 г.р.). Также хазрату посвящена книга А. Бикташевой, изданная к 150-летию со дня его рождения.

Он родился в семье служителей ислама. С детства Ахметбакый отличался смышленостью и умом. Отец, заметив природные способности сына, в 14 лет отправляет его на учебу за пределы страны. Ахметбакый поступает в Каирский университет. По окончанию которого отправляется в Мекку и Медину, чтобы совершить хадж, по пути ему удается побывать во многих странах. В свою родную деревню он возвращается уже высокообразованным хаджи. По приезду организовывает строительство мечети и занимается созданием медресе в Ургене. В 1890 г. в Оренбургском магометанском духовном управлении сдает экзамен на должность указного муллы и становится имамом-хатыбом села. В медресе он по-новому строит

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Офиц. сайт]. URL: http://bashstat.gks.ru (дата последнего обращения: 25.10.2014).

[2] Шакуров Р.З. Ерэнсэ-сэсэн // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 268.

обучение, вводит такие предметы, как родной язык и литература, русский язык, естествознание. Информация о новометодном медресе распространяется по окрестностям. Ему удается совершить хадж повторно, после которого Ахметбакый-хазрат получает официальное разрешение на подготовку духовных служителей, за первый поток он обучает и выпускает одновременно 60 молодых людей. Ургинку в округе называли «Алтмыш мулла аулы» – деревня шестидесяти мулл.

В 1917 г. хазрат поддержал башкирское национальное движение и идею создания Башкирской автономии. В 1918 г. он устраивает прием для лидеров движения. К Ахметбакыю за благословением и напутствием приезжает сам Заки-Валиди-тоган. С З. Валиди уходит сын хазрата Сагит, который уже никогда не возвратится и будет считаться пропавшим без вести.

В августе 1930 г. хазрата арестовывают с обвинением в антисоветской деятельности и осуждают на три года с отправкой на лесоповал. В тюрьме он продолжает заниматься врачеванием, лечит заключенных, начальников колонии и их родственников. Через 10 месяцев хазрат выходит на свободу. Постарев и подорвав здоровье, он возвращается в Ургенн. Хозяйство его оказалось разрушенным, мечеть и дом снесены, скотина передана в колхоз. Несмотря на все невзгоды и унижения, как говорят местные жители, он ни на кого не держал зла, оставался сильным духом, возвышенным и гордым человеком.

В июле 1936 г. Ахметбакый-хазрат скончался. Перед кончиной часто повторял, что когда он перейдет в иной мир, на небе появится надпись об этом. В день его смерти на небе появляется надпись арабской графикой «хазрат скончался». Многие по этой надписи и узнают о его смерти. На его похороны приезжает большое количество народа не только из Башкирии, но и из Средней Азии. Когда его несли на кладбище, небо разразилось дождем, люди тогда сказали, что весь мир плачет. После чтения молитвы и похорон, появилось солнце.

В советские годы о нем старались не вспоминать, лишь в 1947 г. мулла Ахметгалим-хазрат из деревни Муйнак (недалеко от Ургена) обложил могилу хазрата большими камнями и совершил на ней моление. 1 июля 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Ахметбакый-хазрата. В деревне состоялся день памяти и торжества, посвященные этому событию. В этот день был очень сильный дождь, жители назвали это чудом и «дождем хазрата». В день памяти не только это чудо случилось, в д. Байыш около 6 часов утра на белых облаках показалась узорчатая надпись «Ләәиллехеиллееллааху».

Дети Ахметбакыя стали учителями. Местные жители считали, что хазрат и его потомки дали односельчанам хорошее образование, личным примером показали стремление к знаниям, поэтому из деревни много выходцев – известных и образованных людей.

Интересные сведения об Ахметбакый хазрате мы обнаружили в статье З.И. Минибаевой, посвященной исследованию практики врачевания среди

башкирского населения Южного Урала. В статье приводятся сведения респондентов о сверхъестественных явлениях (керемет) и чудесных исцелениях, совершенных с их помощью[1]. Автор пишет, что Ахметбакый-хаджи-хазрат Акъюлов славился траволечением и своими караматами. У хаджи-хазрата был посох зеленого цвета с узорами и ручкой. Этот посох всегда находился у средней двери дома и начинал трястись перед приходом на лечение тяжелобольных. По этому знаку Ахметбакый-хазрат заранее готовился к приему больных. Он говорил: «Издалека приезжают больные, вешайте казан, приготовьте пищу» а сам совершал омовение и читал намаз[2].

Жительница села Зайтуна Хамматовной Абдуллина (1921 г. р.) лично знала хазрата. Она рассказывает, что в детстве, когда ей было около пяти лет, обессиленную болезнью ее привез на телеге к хазрату отец. Она помнит, что Ахметбакый дал ей выпить какую-то жидкость, после которой она поправилась. В 1936 г., когда хазрат умер, и она видела на небе надпись, в которой он всех оповещал о своей смерти.

В настоящее время могила Ахметбакый-хаджи-хазрата находится на деревенском кладбище, она обложена большими камнями по периметру. Рядом с ним похоронены члены его семьи и другие родственники. За могилой ухаживает имам-хатыб мечети, считает это своим долгом, так как является его потомком. Местные жители очень уважительно отзываются о хазрате и принимают участие в посвященных ему мероприятиях. Директор школы Юлай Султанбаев одним из первых проявил инициативу о восстановлении и увековечивании памяти о нем. С большей осмысленностью к пониманию значения и заслуг святого относятся люди старшего возраста. Молодежь принимает участие во всех ритуалах чаще всего по традиции, переданной им родителями.

Недалеко от села находится целебный источник хазрата. Следует отметить, что целительные способности являются одной из важных составляющих признания святости того или иного религиозного деятеля. Важную роль играют «чудеса» и целительства в распространении религиозных учений и идеологий. Исцелившиеся люди и очевидцы исцеления зачастую становятся глубоко верующими.

Стремление к восстановлению исторической памяти о религиозных деятелях прошлого во многом связано с недостатком в настоящее время высокообразованных и авторитетных мусульманских священнослужителей. Такие образы, как Ахметбакый, являются актуальными и находят отклик у местных мусульман. Программа конструирования исторической памяти мусульман поддерживается и государством в связи с ростом радикальных и экстремистских течений, не признающих особенности местного ислама.

---

[1] *Минибаева З.И.* Карамат и мугжиза, совершенные посохом мусульманских святых на южном Урале // Мусульманский мир Российского Востока: традиции и новации: Материалы Международного научно-практического симпозиума, посвященного 180-летию со дня рождения шейха Зайнуллы расулева 13-15 мая 2013 г., Уфа-Учалы / Сост. Г.Б. Азаматова, Л.Ф. Тагирова, М.Н. Фархшатов. Уфа, 2013. С. 36-40.

[2] Там же. С. 38.

Современное духовенство не всегда одобряет обычай посещения святых мест. Опрос духовных деятелей на предмет возможности посещения и поклонения святым местам в Башкирии и в целом на территории России показал, что 44% опрошенных охарактеризовали этот обряд вредным суеверием и отметили, что мусульмане не могут им поклоняться; 25% – ответили, что посещать святые места в целом можно и нужно, но поклоняться им нельзя – мусульманин должен поклоняться только святым местам в Мекке и Медине; 19,8% положительно относят к данному явлению и считают, что в республике сложилась традиция поклонения местным мусульманским святыням; затруднились ответить – 11,2%[1]. Сохранение истории, памяти, традиции, связанной с местными культовыми объектами, во многом зависит от деятельности и инициативы духовенства. В республике очень много заброшенных могил святых, особенно в селах, где духовные деятели отрицательно относятся к их посещению или занимают сомневающуюся позицию в этом вопросе.

В определенной степени возрождение памяти об Ахметбакы-хазрате связано и с тем, что современная башкирская интеллигенция сочувственно относится к историческим событиям создания автономии в начале XX века. Ее представители сыграли значительную роль в популяризации информации о хазрате как соратнике З. Валиди.

© Хабибуллина З.Р., 2014 г.

[1] ПМА, 2009–2011 гг. Республика Башкортостан. Опрос мусульманского духовенства.

УДК 94+908

Хусаинов А.С.

Нордовский инцидент 1918 года

В ходе гражданской войны в России (1918–1921 гг.) было много трагических событий, которые оставили кровавый след в истории Башкирии. Как и в других регионах страны, в Башкирии имели место, как «красный», так и «белый террор», допускались грубые нарушения законности, жестокое отношение не только к башкирскому населению, объявленного контрреволюционным, но и представителям других национальностей. В ходе острого вооруженного противостояния любой человек мог стать жертвой террора, как со стороны красных, так и белых и других сил, которые реквизировали продовольствие, угоняли скот. Обычным явлением стали грабежи, насилия и расстрелы. Бушевали эпидемии, прежде всего тиф. Все это в совокупности обернулось трагедией для народа: разорением, физическим истреблением, голодом и духовным опустошением.

После октябрьского переворота начинается наступление большевистской власти «на народ». Большевизм, не имея твердую опору в крестьянстве, встретило сопротивление со стороны значительной его части. Однако «национализация» земли большевиками была на руку бедноте, которая составляла 50% крестьянства. А недовольством состоятельных крестьян или так называемых кулаков воспользовались меньшевики, эсеры, белогвардейцы. Таким образом, кулаки автоматически оказываются в лагере «белых», против которых большевистская партия применила практику террора под лозунгом «ликвидация кулачества, как класса».

Практику террора широко использовали и противники большевиков. Большевиков и сочувствующих им расстреливали. Убивали и крестьян, которые не желали возвращать полученную от большевиков землю. В данной статье рассматриваются эпизоды так называемого «белого террора» в отношении жителей с. Нордовка *(территория современного Мелеузовского района Республики Башкортостан)*.

В начале 1918 г. в с. Нордовка, Бала-Четырмановской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии возвращаются солдаты с фронта, в том числе жители села Жучков М.И., Яковенко Д.Ф., которые создали партийную ячейку ВКП (б). Подобные оперативные действия были связаны, с тем, что еще со времени объявления «Декрета о земле» в революционизированной Первой мировой войной и последующими социальными конфликтами деревне появился скорый на политические действия крестьянин – фронтовик[1].

В апреле 1918 г. на крестьянских сходках данного села выдвигались лозунги и требования о разделе земли, разрабатывались планы о передачи власти Советам. В это же время они организовали комитет бедноты. К маю в селе создается волостной ревком – первый орган советской власти,

[1] *Хазиев Р.А.* Централизованное управление экономикой на Урале в 1917–1921 годах: Хаос, контроль и стихия рынка. М., 2007. С. 123.

председателем которого был избран Жучков[1]. Последний староста передал дела, печать волостному ревкому. После этого новый председатель приступил к национализации земли, которая распределялась по «душам». В ходе данного мероприятия, все бедняки и маломощные крестьяне получили отобранные у зажиточных крестьян, которых в тот период именовали кулаками, имущество, сельскохозяйственный инвентарь, скот.

К концу мая 1918 г. обстановка на Южном Урале резко изменилась в связи с выступлением чехословацкого корпуса против советской власти на территории Сибири, Урала, Поволжья и захватом им г. Челябинска. В момент чехословацкого восстания, кулачество целиком примкнуло к восставшим и сразу взяло курс на борьбу с советской властью[2]. Быстро распространяя свое влияние на окружающие деревни и села, они везде организовывали поддержку восставшим.

В это же время из добровольцев с. Нордовка и с. Гавриловка той же волости при ревкоме был сформирован отряд красногвардейцев из 36 человек. Командиром и комиссаром отряда становится Жучков, так как он являлся наиболее опытным в военном деле[3].

Ввиду начала активных выступлений белогвардейцев, волревком был вынужден принять решение об эвакуации из села его членов. 20 июля они и красногвардейский отряд во главе с Жучковым выдвинулись по направлению на Оренбург, чтобы соединиться с другими частями РККА. На пути в с. Сыскан Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, кулаками - белогвардейцами они были обезоружены и посажены под арест. Ночью некоторые из них сбежали, но белогвардейцы стали их вылавливать. Пойманных расстреливали на месте без суда и следствия. Так были расстреляны Наумкин Ф., Богомолов Н., Спиридонов Н., Кобелев И., Беляков П., Амелин Л. и красногвардеец из Стерлитамака Селезнев Г. Другая группа красногвардейцев сумела скрыться за р. Белую и там соединиться с другими частями РККА[4]. 26 июля из с. Сыскан привезли на подводах избитых арестованных. Они подвергались ежедневным допросам и пыткам. 27 июля 11 человек из числа арестованных по распоряжению уездного начальства были отправлены в Стерлитамак, где их посадили в тюрьму.

В это время, в Нордовке оставались на свободе 2 члена волревкома: Синев Ф. и Воронин О. Вместо расстрела их заставили публично признать свою вину, а затем устроили их публичную порку розгами. После этого арестованным развязали руки и отпустили всех по домам, оставив только Жучкова, которого освободили только после того, как за него поручились родственники[5]. Но после освобождения их снова вызвали якобы на допрос и к вечеру увезли в направлении села Золотоножка, того же уезда. 3 августа всех арестованных вывели за кладбище этого села и расстреляли[6].

[1] Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее ЦАОО РБ). Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2.
[2] Там же. Ф. 1832. Оп. 3, Д. 265, Л. 1.
[3] Там же. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
[4] Там же. Д. 16. Л. 4.
[5] Там же.
[6] Там же. Л. 5.

Находившиеся в это время в Стерлитамакской тюрьме красногвардейцы с. Нордовка также подверглись пыткам. В этот же день были расстреляны Сологуб И., Хохлов А. и еще 5 красноармейцев. На другой день в поисках бежавших в Нордовку прибыли белогвардейцы Пылаев А. из Стерлитамака, Логинов Г. с небольшим отрядом. Они захватили Кобелева Е. и Воронина Г. и увезли в сторону Федоровки. По дороге недалеко от с. Куликовка они расстреляли обоих, а сами уехали в неизвестном направлении[1].

По воспоминаниям жителей села среди белогвардейцев особенно выделялся жестокостью А. Пылаев. Его имя фигурирует и в других документах, в воспоминаниях участников гражданской войны. Так, партизан Блюхеровской партизанской армии, позднее переименованный в 269-й Богоявленский полк 30-й стрелковой дивизии пишет, что «Пылаев являлся контрразведчиком белогвардейцев, был известен своими зверствами и расправами над большевиками и их родными. По его воспоминаниям установлено, что «он лично разрубил Горина А., Семенова Г. и 5 человек вместе с ними»[2].

Издевательства над жителями села и сочувствующими советской власти продолжались до 26 декабря, когда в село вошли части кавалерийского эскадрона 24-й дивизии РККА и был создан новый комитет бедноты. Первым мероприятием ревкома и комитета было захоронение расстрелянных белыми членов прежнего состава ревкома и красногвардейского отряда. Были вырыты из ям их тела и перевезены из сел Золотоножка и Сыскан в Нордовку и перезахоронены.

Вопрос о разделе земли было решено отложить до весны 1919 г. Наступление белых заставило вторично эвакуировать органы советской власти. Через месяц после эвакуации с. Нордовка был вновь освобожден от белогвардейцев отрядами 20 - й стрелковой дивизии РККА[3].

В 1927 г. решением Башглавсуда Пылаев А., как «враг народа» и за массовый расстрел красногвардейцев, советских работников, был приговорен к расстрелу[4]. В 1962 г. в центре с. Нордовки был установлен обелиск-монумент в память расстрелянных в 1918 г. 36 красногвардейцев и членов волисполкома ревкома.

Таким образом, нами был освещен один из фактов так называемого белого террора в годы гражданской войны, когда практика насилия была применена обеими противоборствующими сторонами, и белыми и красными. Все факты применения силы в отношении мирного гражданского населения требуют дальнейшего и объективного исследования историков.

© Хусаинов А.С., 2014 г.

[1] ЦАОО РБ. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
[2] Там же. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 271. Л. 10.
[3] Там же. Ф. 10311. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.
[4] Там же. Л. 9.

УДК 316.64

Чуракова Е.А.

Некоторые аспекты этноконфессиональной идентичности населения г. Ижевска

Сложные межнациональные, межконфессиональные проблемы, с которыми столкнулось государство в конце XX – начале XXI вв., актуализировали необходимость исследований и мониторингов с целью выявления тенденций развития этнокофессиональных отношений в регионах и предупреждения конфликтных ситуаций. Одно из таких исследований было проведено в Удмуртской Республике в апреле 2006 – июне 2007 гг. Социологическим опросом было охвачено 1741 респондент (519 из сельской местности, 1202 жители города, 20 человек не указали места проживания). Опрос проводился в 6 городах (Ижевск, Воткинск, Сарапул, Глазов, Можга, Камбарка); и 6 районах (Игринский, Алнашский, Можгинский, Завьяловский, Воткинский, Глазовский)[1].

В данной работе сравним социологические показатели г. Ижевска с данными полученными по Удмуртии.

Степень этнической идентичности у трёх самых многочисленных этносов (русских, удмуртов, татар) республики колеблется. Прослеживается сокращение идентитета по мере увеличения численности представителей этноса. Данные по показателям «очень значима» и «значима» у русских составили 42%, удмуртов – 47%, татар – 61%; «мало значима» национальная идентичность для 33% русских, 30% удмуртов и 23% татар. В г. Ижевске прослеживается иная ситуация, ниже показатели высоко и средне актуализированной идентичности (по показателям «очень значима» и «значима» – русские 41%, удмурты 26%, татары 58%). Большее количество респондентов указали, что для них национальная идентичность мало значима (русские – 36%, удмурты – 39% и татары – 24%).

Степень значимости религиозной идентичности у всех трёх этносов ниже национальной (см. табл. № 1, 2). Но её динамика схожа с ситуацией, проанализированной ранее по этническому критерию: чем более многочисленен этнос, тем меньше значимость конфессионального фактора, и наоборот. Показатель значимости религиозной принадлежности по пунктам «очень значима», «значима» среди удмуртов равен 44%, татар – 58%, у русских – 39%. Незначителен религиозный идентитет для 28% – русских, 25% – удмуртов, 20% – татар. В городе прослеживается снижение степени актуализации религиозной идентичности. По пунктам «очень значима» и «значима» она составила у русских 34%, удмуртов – 37%, татар – 52%. Не имеет значения религиозная принадлежность для 27% – русских, 24% – удмуртов, 28% – татар. Снижение актуализации этноконфессиональной

[1] См. подробнее: *Чуракова Е.А.* Этноконфессиональные отношения в Удмуртии на рубеже XX–XXI вв.: Монография, Екатеринбург-Ижевск, 2012.

идентичности в г. Ижевске по сравнению с данными по республике объясняется автором высокой интенсивностью межэтнических и межрелигиозных контактов в пространстве города.

Таблица № 1

Каково ваше отношение к религии?

Удмуртия	Русские %	Удмурты %	Татары %
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	8	12	22
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	54	52	51
Я колеблюсь	6	8	4
Мне всё равно	9	8	6
Я не верующий, но уважаю чувства тех, кто верует	16	15	12
Я думаю, что с религией надо бороться	1	1	-
Затрудняюсь ответить	6	4	5

Таблица № 2

г. Ижевск	Русские %	Удмурты %	Татары %
Я верующий и соблюдаю религиозные обряды	7,6	14,8	16
Я верующий, но не соблюдаю религиозные обряды	52,9	50	56
Я колеблюсь	6,9	7,4	6
Мне всё равно	6,9	7,4	8
Я не верующий, но уважаю чувства тех, кто верует	18,2	18,5	10
Я думаю, что с религией надо бороться	1	-	-
Затрудняюсь ответить	6,5	1,9	4

По данным исследования верующими и соблюдающими религиозные обряды по республике себя считают 8% русских, 12% – удмуртов и 22% – татар. В татарской, удмуртской среде верующих и соблюдающих религиозные обряды больше, чем среди русских. Более 50% представителей всех трех этносов, причисляют себя к группе верующих, но не соблюдающих религиозные обряды. В г. Ижевске наблюдается увеличение количества верующих и соблюдающих религиозные обряды среди удмуртов (15%). Снижается показатель среди татар (16%), у русских показатель не изменяется (8%). Выявлено меньше число верующих и не соблюдающих религиозные обряды среди русских – 53%, удмуртов – 50%. Среди татар наоборот увеличивается число верующих и не соблюдающих религиозные обряды – 56%. Данный факт подтверждает снижение значимости обрядов в религиозной жизни современного человека. Вера становится для человека личной внутренней духовной ценностью. Число колеблющихся и равнодушных к вере приблизительно одинаково как в городе, так и в целом по республике.

Основная часть русских (70%) и удмуртов (67%) республики причисляет себя к православию (см. табл. № 3). Православные есть и среди 9% татар. К протестантам себя отнесли по 2% русских и удмуртов, у опрошенных татар этот процент незначителен. Татары традиционно отождествляют себя с исламом (74%). Верующих в «своего бога»[1] больше среди удмуртов (8%), так как в данную группу себя отнесли язычники; у русских и татар – 4%.

Таблица № 3

Если Вы верующий или колеблетесь,
то к какой религии Вы принадлежите?

Удмуртия	Русские %	Удмурты %	Татары %
Православие	70	67	9
Др. формы христианства	2	2	-
Ислам	-	-	74
Иудаизм	-	-	-
Буддизм	-	-	-
Верю в бога, но не разбираюсь в религиях	6	6	6
Верю в своего бога	4	8	4
Другое	3	4	1
Затруднились ответить	15	13	6

Ижевчане меньше привержены православию (русские – 65%, удмурты – 60%), но здесь зафиксировано большее количество православных татар (12%) (см. Табл. 4). Верят в своего бога 5% русских горожан, 7% удмуртов, 4% татар. В городе значительно больше опрошенных категорически отвергают навязывание веры неверующим людям (русские – 86%, удмурты – 80%, татары 84%; по Удмуртии данные среди русских составили 83%, удмуртов – 68%, татар – 77%). Разница в показателях составила: русские – 3%, удмурты – 12%, татары 7%. Сочли необходимым навязывать веру неверующим среди горожан лишь 4% русских, 4% удмуртов и 6% татар; по республике данные значительно выше среди удмуртов (11%) и татар (9%). Это свидетельствует о высокой степени религиозной толерантности ижевчан.

Среди опрошенных 58% русских и 72% татар, как в городе, так и в целом по республике согласились с тем, что религия является условием сохранения национальной культуры и целостности народа. Среди городских удмуртов лишь 41% респондентов признали данным тезис, по республике – 54%.

[1] В ходе опроса к группе «верую в своего бога» отнесли себя удмурты исповедующие язычество; русские и удмурты неоязычники; и незначительная часть представителей удмуртов, русских, татар верующих в некий «высший абсолют», «высший разум» не отождествляемые ни с одной действующей религией.

Таблица № 4

**Если Вы верующий или колеблетесь,
то к какой религии Вы принадлежите?**

г. Ижевск	Русские %	Удмурты %	Татары %
Православие	66	59	12
Другие формы христианства	1	2	-
Ислам	1	-	72
Иудаизм	-	-	-
Буддизм	-	2	-
Верю в бога, но не разбираюсь в религиях	7	6	6
Верю в своего бога	5	7	4
Другое	4	9	4
Затруднились ответить	16	15	2

Религиозное пространство Ижевска, самого крупного города республики, выделяется эклектичностью, сочетанием различных направлений, как внутри одной религии, так и в рамках межконфессионального взаимодействия. Здесь наблюдаются следующие особенности: руководство каждой конфессии чётко позиционирует себя, дистанцируясь от остальных вероисповеданий, подчёркивает собственную значимость и критикует остальные конфессии. Среди простых верующих наблюдается ситуация противоположного характера, например, человек может посещать православную церковь, причислять себя к глубоко верующим, при этом пользоваться заговорами, посещать знахарок, следовать определённым приметам, верить в магию (см. табл. № 5, 6).

Табл. № 5

Сталкивались ли вы на личном опыте с ….?*

Удмуртия	Русские	Удмурты	Татары
Магией чёрной	10,2	11,1	10
Магией белой	9,8	8,7	8,8
Приворотами	8,9	8,3	11,9
Знахарством	17,6	23,1	16,3
Порчей	19	23,5	13,8
Вещими снами	31,5	27,9	32
Приметами	47,5	43,5	42,7
Астрология	25	21,2	24,5
Ваш вариант	1,8	8,1	1,8
Затрудняюсь ответить	21,3	16,8	21,3

* Суммарный показатель в столбцах превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица № 6

Сталкивались ли вы на личном опыте с ….?*

г. Ижевск	Русские	Удмурты	Татары
Магией чёрной	10,9	12,9	6
Магией белой	10,2	14,8	10
Приворотами	10,2	11,1	4
Знахарством	19,5	24	12
Порчей	17,2	20,3	8
Вещими снами	30	31,4	28
Приметами	44,7	40,7	32
Астрология	25	31,4	30
Ваш вариант	0,6	3,7	-
Затрудняюсь ответить	22	24	24

Подобную ситуацию можно проследить в недрах всех этносов республики. В удмуртской среде встречаются случаи, когда человек посещает православную церковь и это не мешает ему участвовать в каких-либо языческих обрядах. При этом в его сознании разница между православным Богом и языческим отсутствует. У татар встречаются случаи посещения, как православной церкви, так и мечети. В целом, среди населения существует представление о том, что Бог один, есть лишь разница в обряде поклонения, и считается абсолютно не существенным тот фактор, как человек поклоняется Богу, главное – наличие внутренней веры. Высокая плотность межнациональных и межрелигиозных контактов в городской среде снижает степень актуализации этноконфессиональной идентичности, повышает толерантность населения.

© Чуракова Е.А., 2014 г.

* Суммарный показатель в столбцах превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

УДК 93/94

Шаяхметова И.З.

Депутатский корпус городских советов Башкирской АССР в 1919 – 1939 гг.

Определение основных направлений реформирования муниципальной деятельности предполагает изучение наследия прошлого. Одной из организационных форм местного управления в советский период российской истории были городские советы. Они стали в дальнейшем основой для трансформации традиционной системы российского управления.

Города после революции 1917 г. стали центрами, откуда советская власть распространялась на всю территорию республики. В июле 1918 г. горсоветы были вынуждены эвакуироваться вместе с частями Красной Армии. До лета города региона несколько раз переходили из рук в руки. В июле 1919 г. после изгнания колчаковцев в городах была восстановлена советская власть[1].

Функционирование городских советов Башкирской АССР в значительной степени осложнялось военными действиями периода Гражданской войны. В системе местных органов управления реальной властью стали исполкомы и их президиумы. Нередко военная ситуация требовала немедленного принятия решений, не дожидаясь созыва горсоветов и их съездов. Это вынуждало исполкомы подменять их. Уже с 1919 г. обозначилась тенденция к отрыву городских советов от избравших их коллективов, в работе советов принимала участие лишь часть депутатов – представителей предприятий[2].

Горсоветы образовывались на основе избирательной системы согласно Конституции РСФСР 1918 г. Пунктом «а» статьи 57 было установлено, что депутаты городских советов избираются по норме: один депутат от каждой тысячи человек населения, но при этом общее число депутатов не должно быть менее 50 и более 1000.

Таким образом, порядок выборов депутатов городских советов, нормы представительства от различных категорий населения в пределах норм, содержащихся в Конституции, должны были определять сами советы. В соответствии с этим положением 18 сентября – 9 октября 1919 г. были проведены выборы в Уфимский городской совет. В выборах приняли участие 22 тысячи человек, которые избрали в городской совет 222 депутата, в том числе 200 членов ВКП (б), 20 беспартийных и 2 эсеров[3]. Председателем Уфимского горсовета был избран Ф.Я. Першин. Вскоре после выборов в Уфе были проведены выборы в Бирский горсовет[4]. Статистические данные о

[1] *Заикин В.* Орган пролетарской диктатуры. Уфимский городской совет рабочих и солдатских депутатов (Страничка истории) // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. Вып. 1. С. 81–82.

[2] *Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995. С. 78, 79.

[3] ЦАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 19 об., 29, 75–75 об.

[4] *Ганеев Р.Г.* Советы Башкирии в 1919 – 1920-х годах (по материалам Уфимской губернии). Уфа, 1961. С. 30.

составе депутатов горсоветов БАССР и Уфимской губернии в 1919 – 1920 гг. скудны. Процент рабочих колебался от 22 до 53, несколько большую группу составляли служащие – в среднем 28 %. Крестьяне в горсоветах региона в указанный период почти отсутствовали[1].

Если после революции 1917 г. советы являлись многопартийными органами власти, то с начала 1920-х гг. они стали однопартийными[2]. В 1921 г. в составе депутатов горсоветов республики было 53 % рабочих, членов ВКП (б) – до 73,5 %[3]. Наблюдался непрерывный рост представительства женщин. По официальным документам женщины в депутатском корпусе горсоветов должны были составлять не менее и 15 – 20 %[4]. В 1922 г. их насчитывалось 9,8 %, в 1923 г. – 13,1 %, в 1924 – 1925 гг. – 18, 54 %, в 1925 – 1926 г. – 22,15 % и в 1927 г. – 27,5 % по отношению к общей численности депутатов горсоветов БАССР[5].

В 1920-е гг. горсоветы избирали свои исполкомы в количестве не более семи человек. Исполком избирал из состава депутатов горсовета председателя, его заместителя и секретаря. Положение о городских советах предусматривало образование при горисполкомах четырех отделов: управления, народного образования, здравоохранения и местного хозяйства. Устанавливалось также двойное подчинение отделов исполкомов: подчинение их исполкому и его президиуму и соответствующему отделу вышестоящего исполкома. Сложившаяся структура управления требовала вовлечения в работу советских органов квалифицированных кадров. В БАССР, как и в СССР и РСФСР, существовала разверстка, которая утверждалась Президиумом обкома ВКП (б). Как правило, высшее образование в 1920-е гг. уроженцы БАССР получали за ее пределами[6]. Подготовка кадров для советских учреждений осуществлялась также в Уфимской губернской и уездных совпартшколах[7]. В 1927 – 1931 гг. в совпартшколах обучалось 322 слушателя, или 1,3 % от общего числа слушателей всех совпартшкол и комвузов СССР[8].

Со временем обучение в совпартшколах стало необходимой ступенью карьерного роста наряду со вступлением в партию. Это означало превращение сети совпартшкол в номенклатурную привилегию, оторванную от населения, в интересах которого она была организована. Кроме совпартшкол подготовка кадров для советских органов осуществлялась на краткосрочных курсах. В 1930 – 1931 гг. повышение квалификации на курсах

---

[1] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 1. Л. 1 об.; ЦАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 137.

[2] *Волобуев П.В.* Сталинизм и социальное познание советского общество // История и сталинизм. М., 1991. С. 21.

[3] ЦАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 89, 179.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 86. Л. 37.

[5] ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 58. Л. 2; Оп. 4. Д. 29. Л. 89; Оп. 8. Д. 66. Л, 32; Оп. 18. Д. 591. Л. 6.

[6] ЦАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 95 об.; Ф. 122. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–8 об.; *Алексеев В.Я.* К вопросу о подготовке национальных кадров интеллигенции в автономных республиках Приуралья и Среднего Поволжья // Октябрьская революция и проблема национальных отношений : межвуз. науч. сб. Уфа, 1987. С. 61.

[7] *Шаяхметова И.З.* Организация подготовки кадров в БАССР для советских и комсомольских органов в 1920-е гг. // Этапы большого пути : материалы республиканской науч. конф. Уфа, 2005. С. 28–30.

[8] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 106. Д. 310. Л. 25; Подготовка кадров в СССР. 1927–1931. М., 1933. С. 50.

советского строительства прошли Х.С. Назиров, Д.Ж. Аллаяров и Г.Л. Сидоркин – ответственные сотрудники Уфимского горсовета[1]. Помимо этого с 1928 – 1929 гг. функционировали республиканские курсы по переподготовке инструкторов, информаторов, председателей и секретарей исполкомов горсоветов[2].

Несмотря на усиление требований к получению образования, образовательный уровень депутатов был невысоким, что предопределило их некомпетентность в решении ряда вопросов, стоящих в повестке дня, особенно касающихся народного образования и культуры. В первую очередь рассматривались социальные и бытовые проблемы рабочих.

В 1924 – 1929 гг. в пять горсоветов БАССР было избрано 707 до 736 депутатов, из которых 258 в г. Уфе[3]. По национальному составу среди народных избранников преобладали русские, представительство которых составляло от 68,3 до 71,6 %, башкир и татар было приблизительно по 12,0 %, представителей прочих национальностей – от 4,4 до 7,7 %. В 1924 – 1929 гг. членами и кандидатами ВКП (б) были от 43,0 до 46,5 % депутатов, беспартийными – от 44,0 до 46,1 %, членами ВЛКСМ – от 5,6 до 7,4 %[4]. Большое представительство членов и кандидатов партии в депутатском корпусе объясняется влиянием партийных органов на процедуру выдвижения кандидатов в депутаты и ход избирательных кампаний. Невысокий процент лиц коренной национальности и национальных меньшинств республики связан с их преимущественным расселением в сельской местности, а не в городах, где было сосредоточено, в основном, русское население.

В 1920-е гг. штат управления в горисполкомах БАССР составлял в среднем семь человек, сотрудников горисполкомов и отделов было гораздо больше – от 98 до 762 человек[5]. Если горсоветы регулярно обновлялись, то их исполкомы оставались практически несменяемыми, что неизбежно вело к их бюрократизации. В 1934 г. по итогам выборов рабочие с производства составили 41,1 % . Среди избранных депутатов членов и кандидатов в члены ВКП (б) было 43,9 %, членов ВЛКСМ – 9,5 %[6]. Таким образом, тенденции к тотальному партийному контролю советских организаций, наметившиеся в 1920-е гг. усилились. В 1937 – 1938 гг. в БАССР были разгромлены кадры большинства советских организаций. Арест секретаря обкома или председателя облисполкома означал обычно полный разгром руководящих кадров всех местных партийных и советских организаций[7].

---

[1] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 10. Л. 187.

[2] *Ахмадиев Т.Х.* Политические предпосылки формирования башкирской социалистической нации // Вопросы истории Башкирии. Уфа, 1972. Вып. 2 (Советский период). С. 63.

[3] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 27. Л. 77 об.; Оп. 4. Д. 29. Л. 89.

[4] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 7. Л. 32, 35, 36 об.; Д. 12. Л. 16–17 об.; Оп. 5. Д. 6. Л. 2 об.–5, 8 об.–16; Д. 7. Л. 1, 7 об., 8, 51, 90, 114, 116, 123, 154; ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 14. Л. 112; Д. 29. Л. 131–132; Д. 32. Л. 210–211.

[5] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 1. Л. 1 об., 2; Д. 2. Л. 9–10, 12, 20–21; Д. 3. Л. 17; Д. 4. Л. 87 об., 104, 126, 164, 208; Д. 5. Л. 15–17 об., 25 об.–33, 41, 56, 90, 101 об.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 260. Л. 2,3; ЦАООРБ. Ф. 122. Оп. 10. Д. 169. Л. 108, 180–181; Оп. 13. Д. 31. Л. 135; Оп. 14. Д. 3. Л. 201.

[7] *Медведев Р.А.* О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 366.

Результаты выборов 1939 г. показали, что более 65,7 % депутатов горсоветов БАССР были рабочими, 34,3 % - служащими[1]. Женщины составили 38,1 % депутатского корпуса, члены ВКП (б) – 32,1 %, члены ВЛКСМ – 12,0 %[2]. Большинство депутатов горсоветов БАССР были русской национальности – 61,2 %, татарской – 20,0 % и башкирской – 17,0 %, представителей прочих национальностей – 1,8 %[3]. Среди депутатов коренной национальности представительство женщин было больше мужчин на 12,3 %[4]. Довольно значительная численность беспартийных депутатов связана с проводившейся с 1938 г. партийной кампанией на широкое выдвижение на советскую работу беспартийных. 4 марта 1938 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О выдвижении беспартийных на руководящую советскую и хозяйственную работу». Это происходило на фоне массовых политических репрессий[5].

Таким образом, перед Великой Отечественной войной оформилась система советских органов управления на местах. К вопросам компетенции горсовета в этот период было отнесено избрание исполкома, изменение его состава, утверждение заведующих отделами и управлениями и освобождение указанных должностных лиц от исполнения обязанностей, заслушивание отчетов о деятельности исполкомов, отмена решений и распоряжений исполкомов. Исполком избирался на срок полномочий горсовета, то есть на два года, из числа депутатов, в составе председателя, его заместителей, секретаря и членов. Число членов исполкома устанавливалось самим горсоветом. Так, по итогам выборов в горсоветы БАССР в 1939 г. исполкомы горсоветов насчитывали 6 – 9 членов, исполкомы районных советов в городах – 4 – 8 членов[6].

В целом депутатами горсоветов становились не профессиональные политики, а люди из «гущи жизни» - в идеале представители всех социальных групп и национальностей. С точки зрения парламентаризма «подбор» состава городских советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям не вполне оправдан. Однако когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл. Голосование в городских советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. На практике же выработанные решения реализовывали органы городских советов – исполнительные комитеты. Горсоветы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Это ярко видно на примере Башкирской АССР, где особое значение придавалось национальной пропорциональности

[1] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 95–100, 107, 108, 111, 117.
[2] Там же.
[3] ЦИАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 8, Л. 244; Д. 10. Л. 6, 131.
[4] Там же.
[5] *Янтурин Д.* Массовые репрессии второй половины 30-х гг. в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67.
[6] ЦИАРБ. Ф. Р -91. Оп. 5. Д. 1 2. Л. 13.

представительства населения в выборных органах. Городские советы постепенно превратились в часть командно-административной системы управления, сложившейся в конце 1920-х – 1930-е гг. Советская система управления к концу 1930-х гг. исчерпала свой преобразовательный потенциал. Ее сохранение в данном виде неизбежно вело к замедленному продвижению страны по прогрессивному пути.

© Шаяхметова И.З., 2014 г.

Сведения об авторах

Алексеенко Светлана Сергеевна (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Амантаев Ирик Фаритович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела редких и рукописных изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди Республики Башкортостан.

Ахатов Альберт Тагирович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Баимов Айрат Гайсарович *(*г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Бахшиев Илшат Интизам оглы (г. Уфа). Кандидат исторических наук, зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Владимиров Геннадий Владимирович (г. Киров). Студент Вятского государственного гуманитарного университета.

Евдокимова Олеся Васильевна (г. Пермь). Магистрант Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Камалеев Эльвир Винерович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Кожушко Юлия Николаевна (г. Магнитогорск). Студентка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Колонских Александр Геннадьевич (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Кряжевских Андрей Леонидович (г. Киров). Кандидат исторических наук, заместитель директора КОГАУК «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области».

Маннапов Марсель Муритович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Мазитов Вадим Радикович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, сотрудник Научно-издательского комплекса «Башкирская энциклопедия».

Медведев Владислав Валентинович (г. Магнитогорск). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Мухаметдинов Вадим Ильдарович (г. Уфа). Инженер археологической лаборатории Башкирского государственного университета.

Мухаметзянова-Дуггал Регина Массаровна (г. Уфа). Доктор политических наук, зав. отделом Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Надыршин Тимур Маратович (г. Уфа). Аспирант, младший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Русланова Рида Раисовна (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник учебно-научного археологического музея Башкирского государственного университета.

Самситдинов Ильфат Закиевич (г. Магнитогорск). Кандидат исторических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Тузбеков Айнур Ильфатович (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Хабибуллина Зиля Рашитовна (г. Уфа). Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН.

Хусаинов Айбулат Спартакович (г. Уфа). Зав. отделом Башкирского государственного университета.

Чуракова Екатерина Алексеевна (г. Ижевск). Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Шаяхметова Ирина Зуфаровна (г. Уфа). Кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета.

Оглавление

Алексеенко С.С.
Этнодемографическое развитие русского населения Башкортостана на рубеже XX–XXI вв.)…….……....3

Амантаев И.Ф.
«Великая» и «забытая» война на страницах редких изданий (по материалам фонда отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. А.-З. Валиди РБ)…….……..6

Ахатов А.Т.
Этноархеологические исследования ИЭИ УНЦ РАН (краткие результаты археологических экспедиций 2014 г.)……...……...…12

Баимов А.Г.
О некоторых проблемах возникающих в отправлении религиозных обрядов военнослужащего-мусульманина в рядах ВС РФ……..……16

Бахшиев И.И.
Срубно-алакульское взаимодействие на материалах могильника Тасты-Бутак 1...21

Евдокимова О.В.
Архаичные способы рыболовства у коми пермяков …….……29

Камалеев Э.В.
Украшения эпохи бронзы археологических коллекций Музея археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН…… ……36

Камалеев Э.В., Бахшиев И.И.
Коллекции эпохи бронзы Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
(общая характеристика) ……...……44

Кожушко Ю.Н.
Восточноевропейские рабочие Магнитостроя в конце 1920-х – 1930-е гг.: социальный портрет и трудовая культура…….…….49

Колонских А.Г.
Особенности пространственного распределения поселенческих памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья (предварительные результаты) ……....55

Кряжевских А.Л., Владимиров Г.В.
Вятская дымковская игрушка: археологический аспект изучения……...61

Маннапов М.М.
Вклад Русского Географического общества в деле изучения инородцев Самарской губернии……..……...….65

Мазитов В.Р.
Шежере башкир племени уран……72

Медведев В.В.
Качели в традиционной культуре чувашей…….……74

Мухаметдинов В.И.
К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным анализа гончарных традиций на поселении Олаир) …….……..……79

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.
Российское законодательство о свободе совести: изменения 2013–2014 гг……82

Надыршин Т.М.
Российский и зарубежный опыт преподавания религии в школе……....88

Русланова Р.Р.
Пути и характер взаимодействия населения лесостепного Приуралья в эпоху раннего средневековья (по материалам бус Уфимско-Бельского междуречья)……..92

Самситдинов И.З.
Топливно-энергетическая промышленность
Башкирской АССР в годы довоенных пятилеток (1928–1940 гг.)….....96

Тузбеков А.И.
К структуре верований башкир связанных с камнями……102

Хабибуллина З.Р.
Памятные места мусульман на юге Башкортостана (по материалам этнографической экспедиции в Зианчуринский р-н, 2013 г.)……109

Хусаинов А.С.
Нордовский инцидент 1918 года…….……..…115

Чуракова Е.А.
Некоторые аспекты этноконфессиональной идентичности населения г. Ижевска…….…….....118

Шаяхметова И.З.
Депутатский корпус городских советов Башкирской АССР в 1919 –1939 гг.....123

Сведения об авторах……128

Научное издание

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых посвященной 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева г. Уфа, 31 октября 2014 г.

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Т. Ахатова

Подписано в печать 11.12.2014
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Тираж 100 экз. заказ № 4252
Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Диалог».
450076, г. Уфа, ул. Гафури, 54. Тел./факс: (347) 251–78–29
Email: dialogufa@mail.ru